

Владимир ШКУНДЕНКОВ

**ОДИНОЧЕСТВО
И ПЕПЕЛ**

(НЕЛИНЕЙНОСТЬ ВРЕМЕНИ)

Москва-2009

ШКУНДЕНКОВ Владимир Николаевич
ОДИНОЧЕСТВО И ПЕПЕЛ
(НЕЛИНЕЙНОСТЬ ВРЕМЕНИ)

Тула: Репроцентр, 2009. – 252 с.

Автор – доктор технических наук, директор международного Научного центра исследований и разработок информационных систем (CERN–JINR Collaboration)

CERN – Европейская организация ядерных исследований
(ЦЕРН, Женева, Швейцария);

JINR – Объединенный институт ядерных исследований
(ОИЯИ, Дубна, Россия)

Почему так устроен окружающий человека мир? Этот вопрос был задан оставшимся неизвестным жрецом в Древнем Египте (по другой версии – в Вавилоне), как считается, около 4500 лет назад. Из ответа на этот вопрос вышли Ветхий Завет, Новый Завет и Коран.

Как устроен мир? – задал в VI веке до н.э. грек Пифагор. Из поисков ответов на этот вопрос вышли наука и философия, базирующиеся с тех пор исключительно на разуме человека.

Куда идет развитие звездной Вселенной? – задал вопрос автор этой книги. И ответил: в сторону наращивания «массы» Красоты. Этот ответ привел к «выравниванию» роли разума человека и интуиции, которая связывает человека с тайной творчества первопроходцев. Исследования этого подхода при выполнении научных разработок привели к проявлению эффекта *нелинейности времени* («сжатия времени» в 10–100 раз).

ПРЕДИСЛОВИЕ ко второму изданию книги

В сентябре 2008 года в Институте философии РАН (Москва) состоялся разговор автора с представителем создаваемого в Карлсруэ (Германия) аналога Массачусетского технологического института (Соединенные Штаты). Так на свет появилась эта книга, которая ставит целью рассказать западному читателю о русском человеке и о взгляде на Запад (на примере Германии) из России. Изложенное в книге – это личный взгляд автора, представленный в виде материалов из его разных книг, в которых главной темой является *управление временем* («сжатие времени» в 10–100 раз). Эти достижения автора связаны с применением интерпретирующей религиозные догматы метафизической философии *русского староправославия* (ориентация на Красоту и на не ограниченную ничем свободу духа), которая сложилась в главных чертах в XII–XIV веках (от ухода русских из Киевской Руси в междуречье Оки и Волги до победы на Куликовом поле) и лежащей в основе всех русских побед. Но официально нигде не признанной.

* * *

Сотрудничество автора, доктора технических наук, с Институтом философии началось в 1999 году. За истекшие десять лет автору удалось присмотреться и понять, что ведущие философы-профессионалы отделяют себя от религий. И ищут смысл человеческого существования исключительно на основе, как и наука, разума, в поисках *земного* «счастья».

А этот смысл – и это подтверждается опытом автора, участника работ по построению в ЦЕРН (Женева) Большого адронного коллайдера, – *в служении неземному*. Носителем этого подхода к пониманию назначения человека является *женская* по природе религия православия, основы которой были заложены в IV–V веках. Автор интерпретировал этот опыт и применил его в науке.

В новом подходе, развиваемом автором, человек является не сторонним наблюдателем, а *динамичным* участником происходящих во Вселенной процессов. С чем в творчестве первопроходцев (в науке и не только в ней) проявляется *нелинейность времени*.

Это высветлило *новый* путь глобализации, в виде «возврата» к духовности (на чем настаивал еще Пифагор в VI веке до н.э.) на основе обращения к *антропокосмической модели Вселенной*.

Посвящение

В 2010 году исполнится 100 лет со дня рождения создателя первого отечественного ускорителя – синхротронного ускорителя в подмосковной Дубне Михаила Григорьевича Мещерякова (17.09.1910–24.05.1994).

В этой книге приведены несколько разрозненных зарисовок из личного опыта общения автора с человеком, без сдержанной (так это выглядело, он всегда оставался «тайной») поддержки которого этой книги – а значит, и приведенных в ней результатов исследований – не появилось бы.

Вот одна из таких зарисовок. Где-то во второй половине 1980-х годов Михаил Григорьевич спросил меня: «Хотите, Владимир Николаевич, я расскажу Вам, почему Вы проиграли?»

Речь шла о том, что в борьбе с научными конкурентами автора размер выделяемых мне и им средств соотносился примерно как 1 : 50. Чтобы «вытянуть ляжку», связанную с недостатком средств, я был вынужден выполнять договорные работы с организациями-заказчиками, которые имели большое госбюджетное финансирование – в области авиации и космических исследований. На практике это было несложно – благодаря применению мной метода «сжатия времени» в 10–100 раз. Но в это все отказывались верить. Поэтому задавшему свой вопрос М.Г. (так его звали в Дубне) казалось, что мне будет интересно услышать его ответ.

Пришлось сказать: хочу. Да и почему бы не услышать? Ведь это М.Г.! «Помните, в 1978 году мы летели на самолете на научную конференцию в Алма-Ату? – говорит он. – Я наблюдаю за Вами. Что Вы делаете? Думаете. И ничего вокруг не видите. А ко мне подходит Ваш конкурент (он называет его имя) и говорит: угадайте, Михаил Григорьевич, что у меня вот здесь – он похлопал по заднему карману брюк – на... жопе? Я, – говорит М.Г., – сначала просто остолбенел. Какая наглость! А он, нимало не смущаясь, продолжает тем же развязным тоном: а вот здесь, у меня на жопе, припасена для Вас маленькая бутылочка прекрасного армянского коньяка.

Вы все поняли, Владимир Николаевич?» – закончил М.Г.

Я понял. Что уж тут. Но мне это было только любопытно. А если интересно, то скорее потому, что подобные «неудачи», как это можно подметить, открывают нередко дорогу к значительно большим удачам.

У линии судьбы свои законы. И никто не знает, что ждет его впереди.

* * *

Странные были у нас отношения. В день его смерти я был в Женеве. Мне ничего не было известно, но в тот день мне стало так плохо, что я даже не мог войти в автобус: отказали ноги. Через два дня отпустило. Тогда мне сказали. На девятый день я пошел в одиночестве в ресторан около ЦЕРНа и отметил память о нем. В этот же день погибла его жена. А когда в 2000 году выходила книга воспоминаний о нем, то мне было отказано в размещении моего текста. Я поехал к нему и посадил цветы.

ОДИН ПРОТИВ БЕЗДНЫ

Как рассказать миру о русском человеке? Почему, стремясь к свободе, он покинул в XII веке богатые киевские земли, а в XVIII веке, получив немного свободы из рук царей, дошел до Тихого океана? И в XX веке поднялся в космос?

Но уже не один, а рука об руку со своим извечным врагом – немцем. Про которого на Руси говорят: «То, что для русского хорошо, то для немца – смерть».

Какая страшная тайна космической бездны существует над нами? И грозит нам сегодня горьким смехом над нашим великим прошлым. В чем мы виноваты?

А может, наоборот, от нас *ждут* чего-то?

Современная классическая наука все задачи решить не может. Уже хотя бы из-за того, что, похоже, никогда не сможет ответить на вопрос о том, что же это такое – *бесконечность*?

И потому для ответов на сложные вопросы существует поэзия. Которая должна стать частью *новой* науки.

В этом – суть нашего метода B-Synergetic Time Compression, где «В» означает beauty (красота). Его основа – **одинокчество**. Истинный аристократизм. Путь *свободы*.

Это то, о чем говорил историк Ключевский в споре о русской жизни с Достоевским, который отметил в русском человеке только соборность (коллективизм). Хотя в его записной книжке было: «Подпольный человек – главный человек в русской жизни».

В России, устремленной к свободе и красоте, все перевернуто, как в изображениях русских икон (где книги в руках святых сходятся «наоборот»): здесь вся истинная аристократия – внизу.

Но где еще, как не внизу, с ее возможностью независимости, и может существовать неограниченная свобода? Достигнутая нередко невероятной ценой, подчас даже перевернутая.

«Призвание мое – измена, имя мое – Марина, я пена морская прибора...» (Марина Цветаева – *по памяти*).

Если, читая эти строки, Вы плачете, значит Вы – русский аристократ. И можете идти в бой – один против темной бездны.

Поэзия – вся неправда. И нет большей правды, чем в поэзии.

Биографическая справка об авторе:

Шкунденков Владимир Николаевич родился 27 марта 1938 года в Красноярске. 19 мая 1938 года был репрессирован отец. Сына воспитывала мать, рядовой инженер на железной дороге. Спасаясь от преследований НКВД (как жена «врага народа»), она меняла города – Гродно (1944, вслед за армией), Вильнюс (1946), Уфа (1949), Самара (1959)... Окончил мужскую среднюю школу в Уфе, где директором женской школы была сестра отца, сыгравшая исключительную роль в воспитании племянника. «Ведь ты – русский!» – говорила она. Спорт (был претендентом на звание чемпиона России по гребле в юношеском разряде), семилетняя музыкальная школа (фортепиано), золотая медаль (следствие любви к шедшей на золотую медаль девочке из женской школы), затем – учеба на радиотехническом факультете Московского энергетического института (поехал за «золотой» девочкой, поступившей в Московский университет имени М.В. Ломоносова). По окончании МЭИ в 1961 году работал инженером в Москве в «почтовом ящике» (Московском научно-исследовательском телевизионном институте), с 1962 года – в Объединенном институте ядерных исследований (Дубна). Инженер в группе физиков на ускорителе – синхроциклотроне (первом отечественном ускорителе, построенном в 1949 году). Создал первую отечественную сканирующую систему (1973), использовавшуюся для автоматизированной обработки фотоизображений с трековой камеры. Был приглашен в 1969 году на полгода в ЦЕРН (Женева), где за участие в создании сканирующей системы ERASME получил право, единственный в СССР, работать на запрещенной для поставок в СССР западной элементной базе. Создал вторую сканирующую систему (1980), превзошедшую по техническим характеристикам все остальные системы, построенные в мире (всего девять систем). В процессе выполнения этих работ пришел к выводам о существовании *числовых характеристик «божественной» красоты*, которые ведут женское начало по пути поисков *красоты* к победам над мужским (носителем энергии, движения). В 1995 году перенес результаты этих исследований в ЦЕРН, в работы по созданию информационных систем, применяющихся для административной поддержки построения самого мощного в мире ускорителя – Large Hadron Collider (LHC). Результат – 10-кратное снижение затрат времени на выполнение этих очень сложных работ. Так Бог вмешался в создание LHC (1996–2008).

TIME COMPRESSION: русско-английский эксперимент в ЦЕРН

Большинство неправо
(надпись на стене в Афинах, V век до н.э.)

В период 1950 – 1980-х годов примерно в 200 научных лабораториях мира создавались сканирующие системы для прецизионной обработки фотоизображений с трековых камер в физике высоких энергий. Было затрачено несколько сотен миллионов долларов. Успех, однако, сопутствовал только 6 лабораториям, где были созданы всего 9 оригинальных и внедренных систем:

- 3 системы были созданы и «пошли в дело» в ЦЕРН (Женева)
 - HPD (1960), «Luciole» (1964) и ERASME (1972);
- 2 в США – Spiral Reader (1965) и POLLY (1968);
- 1 в Англии – Oxford PEPR System (1970), но она не «пошла»;
- 3 в СССР – АЭЛТ-1 (1973), АЭЛТ-2/160 (1980) и МЭЛАС (1983; эта система была создана в ИФВЭ, Протвино).

При том, что в таких странах, как Германия, Франция, Италия и Япония, не удалось создать ни одной. Из указанных 9 систем автор этой статьи, сотрудник Объединенного института ядерных исследований (город Дубна Московской области), создал 2 – АЭЛТ-1 и АЭЛТ-2/160. Вторая из этих систем была построена в сотрудничестве с ЦЕРН, где главными партнерами автора были немецкие специалисты (создатели системы ERASME), и обладала лучшими в мире измерительными характеристиками:

- размер рабочего поля сканирующей электронно-лучевой трубки (ЭЛТ) – 70 x 140 мм²;
- разрешающая способность ЭЛТ – 7000 линий;
- ошибка измерений координат X, Y – 2 мкм;
- сканирование растром или мини-растром под управлением компьютера (ERASME, АЭЛТ-2/160 и другие);
- сканирование точечное, позицией каждой точки управляет компьютер (только АЭЛТ-2/160);

- минимальный шаг между соседними точками – 2 мкм;
- относительная ошибка измеряемой (в точках) оптической плотности изображений – 1,5%.

Вместе с тем система АЭЛТ-2/160 была построена на *русском подходе*, позволяющем снижать затраты времени («сжимать время») при создании программного обеспечения, в котором наиболее сложными были программы распознавания измеряемых изображений, в 10–100 раз.

В 1995 году автор перенес русский подход в ЦЕРН, в разработку информационных систем, предназначенных для обеспечения «прозрачности» работ по построению ускорителя – Большого адронного коллайдера (Large Hadron Collider – LHC), пробный запуск которого был осуществлен в сентябре 2008 года.

На этот раз этот подход освоил 27-летний англичанин James Purvis. Так в ЦЕРН сложился русско-английский эксперимент, приведший к **10-кратному сокращению затрат времени** при выполнении разработок в процессе создания *интегрированного* комплекса административно-управленческих информационных систем (AIS-комплекса – от Administrative Information Services), начало работ над которым относится к 1986 году. Затраты на выполнение этих работ за прошедшие более чем 20 лет превысили 50 миллионов долларов [1–5].

Обозначенный *русский подход*, позволяющий «сжимать время» (затраты времени в процессе творчества человека), основан на поиске *красивых* решений и является метафизической тайной русской культуры, сочетающей ориентацию русского духа на устремленность к Красоте (самое сложное для понимания западного человека, дух которого устремлен к *движению* как проявлению энергии в Природе, – все это уходит в богословские споры о Filioque, исходе или неисходе Святого Духа (воспринимаемого сторонниками исхода в виде энергии) от Бога Сына, проводившиеся с VI века н.э. и приведшие в XI веке к разделению христианского мира на католический, где признается исход, и православный, отрицающий его) и не ограниченную ничем *свободу духа*.

Последнее сложилось исторически (исход в XII веке русских из Киева в междуречье Оки и Волги с будущей столицей Москвой, чтобы защитить за труднопроходимыми лесами и болотами своих женщин от глаз наступавших тюрков-половцев, что ослабило влияние «удалившейся» церковной власти и усилило роль *личной* ответственности человека, и другие события) и приводит,

с одной стороны, к известной неупорядоченности жизни в России, а с другой – порождает «загадочных» русских гениев.

Пишущий этот текст отличается тем, что, начав с «обычного» *интуитивного* применения русского подхода (как это происходит, можно увидеть из другой статьи автора – «Мистика побед русского оружия во Второй мировой войне»), сделал попытку его научного обоснования. Это привело к построению *антропокосмической модели Вселенной* [3,4], где человек рассматривается не как «царь» в Природе, а всего лишь как «инструмент» в руках таинственных космических сил (связываемых в религиях с существованием Бога), использующих этот инструмент для *нужного* *зачем-то* «наведения порядка из хаоса» (по выражению Ильи Романовича Пригожина (1917–2003), бельгийского ученого, нобелевского лауреата по химии). А по автору – для наращивания «массы» таинственной Красоты, для чего требуются *движение* (как проявление мужского начала в Природе) и управление направлением движения через поиски *красоты*, ведущие к победам красоты (женского начала) над мужским началом.

На практике достижение побед красоты проявляется в *управлении временем* (как эффект *нелинейности времени* в виде его «сжатия» в процессе борьбы, что всегда начинается с творчества – самого загадочного явления в нашей жизни, по поводу которого немецкий физик-теоретик Герман Хакен (р. 1927), автор теории Synergetics, где он обратился к роли человеческого разума (мужское начало), заканчивая свой фундаментальный труд, признал, что «природа гения все еще окутана тайной»).

С раскрытием этой тайны и связано введение в предложенную антропокосмическую модель Вселенной понятий о мужском и женском началах (это можно найти в религиозных учениях) и о свободе духа (ведущей к творчеству первопроходцев) и несвободе (объединяющей людей в процессе масштабного преобразования Вселенной для внедрения найденного первопроходцами).

Вопрос о свободе или несвободе духа проявляется через различную интерпретацию ветхозаветной заповеди «Не сотвори себе кумира» – относится ли это к целому народу или же к отдельно взятому человеку. Исторически сначала это было отнесено к израильтянам, что выдвинуло их на роль «избранного народа», «народа-царя» над другими, а с появлением христианства – к человеку, что стало зерном устремления к творчеству. Которое «проросло» в I–XVI веках в трудах богословов, а потом в науке.

Ближе всего к антропокосмической модели Вселенной автора находится модель, предложенная знаменитым немецким философом Гегелем (1770–1831). Но он, говоря о Мировом Духе как о начале и конечной цели всего сущего во Вселенной, а о человеке – как об исполнителе его «воли» и инструменте в вопросе развития духовных ценностей, которые из пространства творческой деятельности человека присоединяются к исходному – Мировому Духу, возвеличивая его содержание, – именно так мной воспринимаются основные идеи философии Гегеля, – не подметил *одного*: что Природа включает не только мужское начало (на чем построена его философия), но также женское начало. Тем самым игнорируя величайший опыт, накопленный религиозным богословием, обозвав христианство «несчастливым сознанием». Подметив, однако – гений-интеллектуал! – «хитрость мирового разума».

И вот здесь мы подошли к тому, что известно как «загадка русского духа». Это так называемый «отрицательный» (апофатический) поиск *красивых* решений путем отбрасывания *всего* «небожественного», который был сформулирован основателями православия (женского по своей природе) в IV–V веках н.э., главным из которых является богослов, написавший книгу «*Corpus Areopagiticum*» и вошедший в историю под именем Псевдо-Дионисия Ареопагита. Он скрыл свое имя от Церкви, назвавшись учеником апостола Павла Дионисием; но ап. Павел жил в I веке, когда понятия о Святой Троице еще не было, а все исследования Псевдо-Дионисия связаны именно с рассмотрением Ее проявлений.

(Для полноты картины отметим, что «положительный» (катафатический) поиск – не с погружением в Божественный мрак, что может быть отождествлено с Красотой (Гайной), а как нацеленный на прямые доказательства (разумом) существования Бога, – был разработан западным богословом Блаженным Августином в начале V века. Он же дал ставшее каноническим понятие о Святой Троице в виде Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа.)

Указанный «отрицательный» поиск ориентирует человека на отбрасывание всего, что, в частности, *красотой* («божественной» красотой) являться не может. А в наше время в приложении к выполнению научных разработок этот подход (как основа *русского подхода*) интерпретируется следующими словами: ***не делать ничего, что можно не делать***. На практике, как показывает опыт, *не делать* можно свыше 90%. Но вот *что* «можно не делать»?

И *что* тогда становится «главным», чего не делать нельзя?

Поиск ответов на эти вопросы в «пространстве» Запада представляется проблематичным по причине, по мнению автора, непонимания *там* истинного смысла жизни. А оно и не нужно для *движения*, здесь достаточно само «движение» (прежде всего – мысли). Но оно важно для *правлящего* (направлением) женского по своей природе русского духа, опирающегося на установочную идею православия: ***смысл жизни лежит вне жизни***. Иначе – *в служении неземному*. Что в отсутствие знаний о происхождении нашей Вселенной (теория Большого взрыва, ради проверки которой в ЦЕРН и строится ускоритель ЛНС, скорее всего, окажется чепухой, став, однако, прологом к будущему) предполагает *веру*.

А вот в вопросе веры нами сделан очень важный шаг: *на научной основе* – похоже, впервые в истории человечества – нами найдены ***энергетические изображения параллельного мира*** [2]. Для чего надо было автору при создании сканирующих систем АЭЛТ-1 и АЭЛТ-2/160 сказать: весь мир (а это был западный мир) создает сканирующие системы неправильно. Но увидеть это (именно *увидеть*, что связано с нашими *настроениями* – механизмом «почтовой переписки» с параллельным миром, где, похоже, и происходят оценки – на гармоничность с Красотой? – наших поисков *красоты*) можно было только на основе *не ограниченной ничем свободы духа*. Что является второй составляющей русского духа и не воспринимается столь же «вызывающе» на Западе.

Это самая аристократическая идея из когда-либо «снизошедших» на человечество, которая из обычного человека делает первопроходца, человека-бога, для которого слова о смирении и покаянии (чему учит Церковь, утверждая, что смысл жизни – в спасении души) заменяются на другие – смелость и отвагу. В интерпретации к современному понятию о русском подходе эта идея, которой, по некоторым оценкам, около 4500 лет (когда жрецами Древнего Египта или Вавилона было создано учение Каббала), заключена в следующем: ***не верить ни единому слову***.

Это красиво звучит, но применение этого на практике ведет к тому, что Церковь обозначила как «павликианскую ересь» (апостол Павел относил слова о «не сотворении кумира» к отдельно взятому человеку, делая его личностью, человеком-богом), и, образно говоря, к «кострам инквизиции». Что проверить «легко».

Так, опираясь на эту идею, автор *увидел*: кибернетика, определяемая как *наука об управлении и связях в технике, живых организмах и социуме*, – содержит глубокое заблуждение.

Заложенная в этом определении возможность построения «искусственного интеллекта» сегодня, по прошествии шести десятилетий со дня создания этого направления в науке, вызывает у подавляющего числа людей скептицизм. Но попробовали бы Вы, уважаемый читатель, высказать этот скептицизм в 1960-х или 1970-х годах, когда и создавались почти все (разве что кроме тех, что строил автор) сканирующие системы. Во *всех* тех разработках прослеживается ориентация на возможность реализации пути построения искусственного интеллекта. В результате чего при создании первой системы «человек–машина» (сканер POLLY, 1968) человеку была отведена скромная роль помощника программ компьютера в затруднительных ситуациях с автоматическим распознаванием измеряемых образов. Это богу-то! Но сказать так тогда – было оступиться в пропасть. Однако никто не мог помешать мне, русскому, сказать самому себе: весь мир неправ. И пойти по пути *компьютер – помощник человека*. И на этом пути, пересмотрев границу разделения функций между человеком и компьютером (в сторону увеличения нагрузки на человека при одновременном создании простых в исполнении *скоростных* средств диалога – светового карандаша с обратной связью, что позволяло «выхватывать» на экране визуального монитора ярким светом помечаемые точки, и функциональной клавиатуры с расположением клавиш «как у рояля»), прийти к совершенно фантастическим результатам – уменьшению затрат времени на разработку программ распознавания измеряемых на снимках изображений (самая сложная часть создания системы, из-за которой, повторю снова, только в 6 лабораториях из 200 добились успеха) сразу в 100 раз!

А самым интересным оказалось то, что созданная автором как *мониторная* (позволяющая человеку за пультом проникать в глубины изображения на снимке в режиме зацикленного сканирования, на основе визуального изучения результатов «срезов» измерений оптической плотности, что легко делается с помощью компьютера) система АЭЛТ-2/160 позволила (2000 год) исследовать фотоснимок одного «странного» места и увидеть *энергетические* (фиксируемые на фотоснимках, но невидимые для человеческого глаза) *изображения параллельного мира* [2, 3]. (На этот эксперимент автора навел разговор в Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина. Тогда автору было сказано, в частности, что при выходе за биосферу Земли космонавты встречаются с *такими* явлениями, что дали клятву о них не рассказывать.) Что стало важ-

нейшим элементом в обосновании разработанной автором модели Вселенной. Той, которая требует «возврата» человека в пространство духовности, на чем настаивал еще Пифагор в VI веке до н.э.: «Человечеству грозят три беды: невежество священников, материализм ученых и отсутствие совести у демократов».

Эти идеи, которые кратко могут быть сведены к необходимости принятия существования в Природе как мужского (Запад, опирающийся в своих духовных устремлениях к проявлению энергии в виде движения), так и женского (ведущая роль здесь принадлежит России, ищущей «смысл» в красоте) начал, а также – для первопроходцев – опасного для них проявления свободы духа, и были внедрены автором в 1995 году в разработки в ЦЕРН сложнейшего интегрированного AIS-комплекса, включающего:

- электронный документооборот;
- системы контроля финансов и учета кадров;
- систему аналитического сопровождения больших проектов типа построения ускорителя LHC с длиной подземного кольца 27 километров (работы стоимостью в пять миллиардов долларов).

Равного этому AIS-комплексу, похоже, сегодня нет ни у кого. Даже у американцев, которые создают в штате Техас центр коллективного обслуживания сложными и дорогими AIS-системами заказчиков со всего мира. В том числе, надо полагать, и России.

И тут очень жаль, что мы не идем вместе.

* * *

Сказанное выше – это введение в *русский подход*. Но этого достаточно, чтобы западный по духу человек смог **на порядок** «сжимать время» при выполнении научных разработок. Именно таких показателей достиг James Purvis (напомню – англичанин), когда в 1995 году применил этот подход при создании по чистому листу бумаги системы контроля финансов в ЦЕРН (Budget Holder's Toolkit). Тогда эта система была создана всего за два месяца: сначала за месяц было создано и введено в эксплуатацию ядро системы, а затем, уже на основе опыта практического применения, это ядро в течение второго месяца было развито до полноценной системы. (И это при том, что до этого над созданием данной системы работали несколько лет, когда был сделан работающий вариант, который планировали усовершенствовать в течение еще двух лет.) Важно, однако, отметить, что Джеймс *настраивался* на «контуры» ядра в течение трех предшествующих месяцев. Иначе – *не спешил* перед «атакой». После этого он

был назначен руководителем других работ по реализации проекта создания AIS-комплекса, архитекторами которого были шотландец John Ferguson и итальянец Achille Petrilli, чьи идеи прямой связи с русским подходом не имели. Но эти идеи, помимо их прямого назначения по поддержке работ по созданию ускорителя ЛНС, были интересны для нас и с другой стороны: а *как мыслит стратегически «большой» западный человек?*

Чтобы решить эту задачу, снова был применен русский подход: *занятому* Джону было предложено защитить в России диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. Это была *красивая* («антропокосмическая») идея, создававшая *настроение*, и диссертация, первая подобная в России, была защищена им в Московском инженерно-физическом институте в 2008 году. А мы с ним по ходу написали и издали совместную книгу [5], где каждый рассказал о своем пути в науке, начиная со студенческих времен. Шотландец и русский, представители Запада (мужской дух) и России (женский). Материалы докторской диссертации и наша книга играют в наших планах важную роль.

А в этих планах – передача накопленных в ЦЕРН знаний в университеты России и Европы (кадры, внедрение) и желание обойти американцев, развивая AIS-технологии с применением *диалога культур* между Европой и Россией. По нашему опыту, это могло бы заменить войны и предложить *новый*, со «сжатием времени», путь решения проблемы глобализации в XXI веке.

Это путь «возврата» человечества к духовности, для чего – говоря о первом шаге в эксперименте, с созданием на русском подходе в сжатые сроки *ядра «движения»*, – предлагается поддерживать интеллектуальную элиту (talанты), которую порождает простой народ с его *чистым* сердцем и *светлой* душой (на Руси преподобный Сергей Радонежский, живший во второй половине XIV века – времени борьбы за освобождение от монголо-татарского ига, говорил об «осветлении души»), что открывает каналы «нисхождения» настроений. Для чего дать этой элите *истинную свободу*, и прежде всего в финансировании их работ *на доверии* – с учетом того, что с применением русского подхода, позволяющего *на порядок* «сжимать время», такая «роскошь» окажется много меньше (как минимум в два раза) затрат на «отчисления» циничным чиновникам-посредникам. Не говоря об оздоровлении социального климата, быть может, на всей планете. На веру в успех этой идеи нас настраивает то, что здесь мы имеем дело не

с антропным (гуманистическим) подходом (с его идеями построения коммунизма и другими заблуждениями западной мысли, где человек рассматривается как «венец» развития Природы), а с антропокосмическим – таким, где существуют высшие цели и ценности и где духовность и вера (там, где знания не полны) играют первостепенную роль. Похоже, это должна быть вера, построенная на *добытых*, но еще не полных, научных знаниях.

Но это должны быть не «широкошумящие» (князь Андрей Курбский в письме к царю Ивану IV Грозному, XVI век) знания, но – ключевые, *истинные* знания. (Отмечу, что слово «истинные» в переводе на немецкий, английский и французский теряет подлинное значение: в нем исчезает русская *космическая* составляющая.) В частности, к подобным знаниям относятся такие вопросы:

Первый: почему так устроен окружающий человека мир? (Это – Каббала. Как было отмечено выше, это учение было создано ориентировочно 4500 лет назад предположительно жрецами в Древнем Египте, по другой версии – в Вавилоне. Позже, выделим II век н.э., оно было «приспособлено» к иудаизму.) И дан такой ответ: потому что таким его создал единый над всем Бог. Или – Единый Бог. Из чего через тысячелетие родился Ветхий Завет (израильский пророк Моисей), еще через полтора тысячелетия – Новый Завет, а по прошествии еще полутысячи лет – Коран. Так сложился иудео-христианско-исламский мир.

Второй вопрос задал Пифагор в VI веке до н.э.: **как** устроен наш мир? Возникли наука и философия. Человек при этом был поставлен (похоже, вопреки позиции Пифагора) наблюдателем над Природой, а не участником происходящих в ней процессов.

Автором задан еще один вопрос, претендующий на то, чтобы стать *третьим* из исторических: **куда** идет развитие Вселенной? [6]. И дан ответ: в сторону наращивания «массы» таинственной Красоты, через поиски человеком *красоты* частных решений, направляющих *движение* (делая человека участником процессов, происходящих не только по его воле). Что означает установление «синергийных» («совместных с Ним») действий, *динамичных* отношений человека с Тем, что познать нам, по-видимому, не будет дано. Но что связывает нас с Ним нашими *настройками*, переводя воспринимаемую энергию в процесс движения (Запад) или погружаясь в свет Красоты (тут *особая* роль – у России), ведущий к «победам» над мужским началом (на самом деле – к соединению обоих этих начал), проявляясь в «сжатии времени».

При этом автор утверждает существование *числовых характеристик красоты* и «грозных» *чисел управления*, предопределяющих «победы» женского начала [1–6]. (Об этом – ниже.) Вся проблема перед человеком – это *увидеть их заранее*. Для чего, похоже, и существуют поэзия и русский дух. Русская поэзия.

* * *

В заключение приводится довольно «непростой» (при первом прочтении) набор знаний, который может дать более глубокую ориентировку заинтересованному читателю в вопросе о сущности русского подхода, направленного на поиски «красоты», что проявляется в эффекте «сжатия времени».

Сама идея «сжатия времени» (в 10–100 раз) при выполнении научных разработок проста: надо создать *в кратчайший срок* действующее ядро системы и затем наращивать его уже с учетом опыта в процессе эксплуатации. И при создании ядра применять «отрицательный» принцип поиска *красивых* решений: *не делать ничего, что можно не делать*. Но вот «что можно не делать» – надо искать на пути синергии («совместного с Ним делания»), что уже доступно (и дело отнюдь не в интеллекте) не каждому:

- *не спешить* (поговорка «Утро вечера мудренее»), *молча и в сосредоточенности* «держа вожжи» надежды и веры (православный «исихазм», сложившийся в XIV веке трудами греческих монахов Григория Паламы и других), *перекрывая* временем (стоицизмом во времени) немецкую «власть воли»;

- *обязательно начать что-то делать* («Под лежащий камень вода не течет»); а вслед за этим (первая неудача не имеет значения) *искать красоту*, применяя для погружения в нее острый, как бритва, аристократический прием: *не верить ни единому слову*;

- *увидеть* «что можно не делать» при создании пригодного к применению ядра и потом уже обсчитывать его, а не пытаться, как немцы, просчитывать «все» варианты в поисках «лучшего»;

- *атаковать* (принять к исполнению) «сошедшую» – как нисходит поэзия – идею, уловив в какой-то момент времени («время разбрасывать камни») «то самое» слегка волнуемое настроение и положившись *тогда и только тогда* на него, когда знаний еще не хватает и приходится полагаться на русское авось, отражающее одну из сторон «загадки» русской души. Которая (душа), как это, надеюсь, понятно из сказанного, должна быть непременно *чистой и светлой*.

Для применения этих знаний, однако, недостаточно только *чистоты души*, являющейся (здесь предлагается положиться на авось в том, что душа все-таки существует) каналом связи для нисходящих на нас настроений.

Есть еще нечто, что делает «непригодным материалом» 99% ученых – от простых научных работников до академиков. Это – незнание заповеди *служить неземному*. Красоте? Которая, возможно, даже выше Самого Бога? (Слово «Бог» мной используется как символ, выражающий ту Тайну, которая существует во Вселенной, но остается нам недоступной.) В этом и заключается, как это видится, «особая» миссия России и русской культуры?..

Post Scriptum. Из статьи «Нелинейность времени» [1]:

«Россия – это прекрасная женщина. В ней есть то, чего не хватает человечеству: *чистота*. Как основа философии русского староправославия.

Именно чистота помыслов положена в основу известного понятия о «русской идее». Она несет в себе светлую чистую любовь. И, раньше или позже, это займет достойное место: у тех, кто *чистый*, есть оружие неземной силы – *управление временем*.

У русских: если можно что-то отложить и не делать – отложи. Стань свободным. Пусть время приведет к последней черте. Не склоняться и выдержать все! И время перейдет в красоту...»

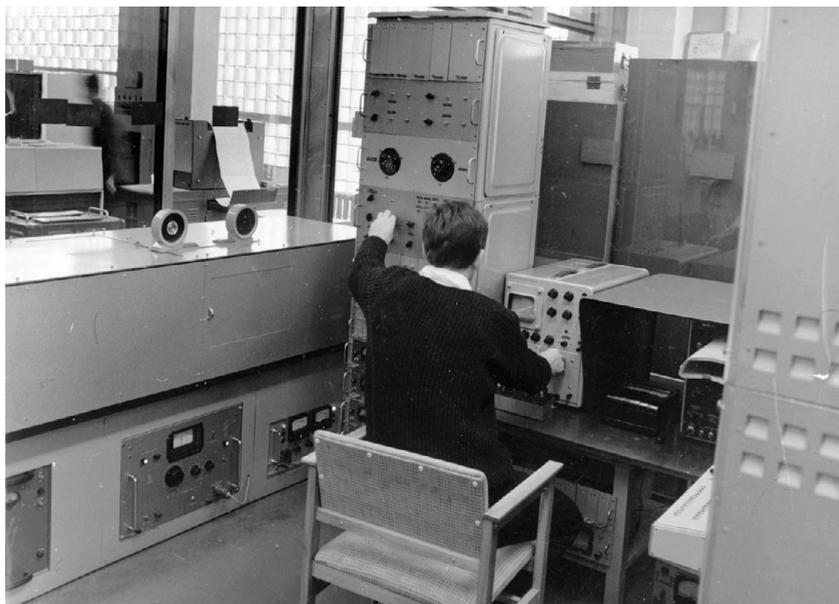
Литература:

1. В.Н. Шкунденков. Нелинейность времени // Синергетическая парадигма. 3-й сборник. – Москва, 2003. – С. 561–583.
2. П.А. Николаев, В.Н. Шкунденков. Управление временем. – М., 2005. – 48 с.
3. Владимир Шкунденков. Time Compression / Русско-английский эксперимент по управлению временем. – Москва, 2007. – 286 с.
4. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Джеймс Пурвис (James Purvis), Владимир Шкунденков. Антропокосмическая модель Вселенной. – М., 2008. – 260 с.
5. Джон Фергюсон (John Ferguson), Владимир Шкунденков. Принцип дополнительности. – М., 2005. – 120 с.
6. Владимир Воронихин (Шкунденков). Москва – старинный город. 2-е издание. – Дубна, 1997. – 360 с.

Женева. 27-километровое подземное кольцо ускорителя «Большой адронный коллайдер», проходящее по территориям Швейцарии и Франции. На переднем плане виден аэродром

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР
(Научные исследования)

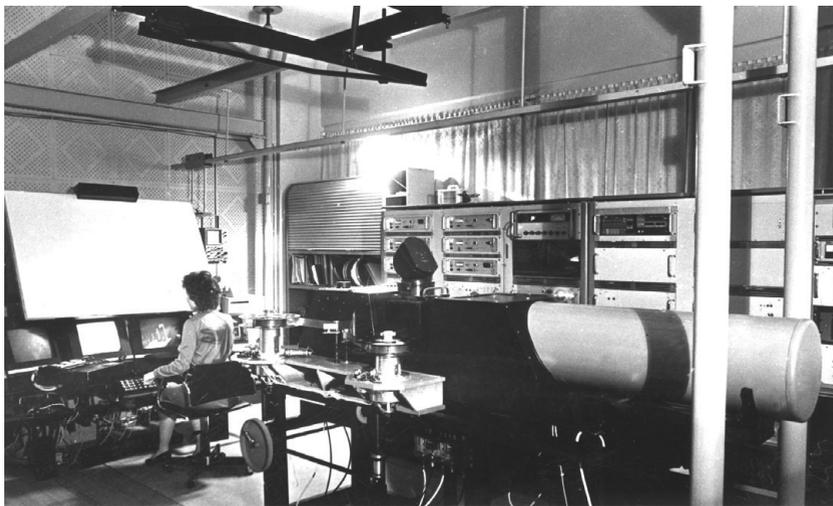
Сканер АЭЛТ-1 в 1968 году

Все разработки автора, в том числе эта, были выполнены на пути отрицания кибернетики как науки об управлении и связях в технике, живых организмах и социуме. Это *дикое* сочетание в «едином поле» человека и усовершенствованной лопаты (как автор воспринимал всегда компьютер) и привело к рождению идеи построения искусственного интеллекта – этого кострища инквизиторов Средневековья, собиравшего «на праздник» целые толпы, куда «все бежали бегом» (смотреть на казнь солдата – «Огниво», Г.-Х. Андерсен) и тогда, и в наше время.

Для автора любая техника – всего лишь инструмент в руках бога – человека. В рожденной в том же 1968 году в США системе «человек–машина» назначение человека было – оказывать помощь программам компьютера в затруднительных ситуациях.

У автора все наоборот: человек, который «может все», получает «помощь» от компьютера. Позже (впервые в 1973 году, при запуске системы АЭЛТ-1 в эксплуатацию) выяснится, что подход автора открывает путь «сжатия времени» в 10–100 раз. Это путь – *не делать ничего, что можно не делать*. Что может только человек.

Но не все так просто в этом мире. На фото справа от автора можно видеть осциллограф с тубусом – это монитор, средство подключения компьютера к человеку. Ввод его в состав системы автором еще не означал осознанного бунта против кибернетики (ее «дикой» составляющей). Тогда это было всего лишь проявлением духа русской культуры...

Мониторная сканирующая система АЭЛТ-2/160
(см. текст на обороте)

P.S. к тексту на предыдущей странице, где описан 1968 год. А сейчас – январь 2008 года. Весь день сегодня идут передачи о поэте Владимире Высоцком, которому исполнилось бы 70 лет со дня рождения. Он много бывал в Дубне, но я его не видел – он был гостем элиты. И почему-то именно сегодняшние передачи о нем навели на воспоминания о мыслях, которые были у меня сорок лет назад, порожденных словами «искусственный интеллект» как произведенными от *кибернетики* (науки о системах с обратной связью с применением компьютеров – в таком определении это действительно наука; но только не в вопросе замены творческого начала в человеке). Так вот, говоря о своих мыслях и ощущениях того времени, я совершенно четко могу сказать, что меня – *чужого* среди «своих» – мучило и смущало: стыд (за все человечество) и вместе с тем какая-то странная неуверенность в праве заявить об этом.

Я молчал и просто делал свое дело. И на этом пути пришел к тем результатам, которые описываю в этой и других своих книгах. В частности, к тому, что мной задан вопрос – *куда* идет развитие Вселенной? Вопрос был задан (опубликован в книге «Москва – старинный город») в 1997 году, а в 2004 году стало известно, что это, возможно, всего лишь третий за всю историю человечества вопрос из числа тех, которые определяют пути развития человеческой цивилизации. Во всяком случае, претендующий на это. И что же автор? А все то же – неуверенность в праве заявить об этом. Что, похоже, отражает «загадку русской души».

Построенная на основе подхода *компьютер в помощь человеку* система АЭЛТ-2/160, позволяющая человеку за пультом *дружественно* проникать в мониторном (заикленном) режиме сканирования в полутоновые изображения *невидимого на видимом*, привела автора к исследованиям изображений *параллельного мира* (см. ниже).

Система была построена в сотрудничестве с ЦЕРН с использованием лучшей в мире элементной базы и обладала самыми высокими в мире характеристиками (повторим это): размер рабочего поля сканирующей изображения на снимках прецизионной электронно-лучевой трубки – 70 x 140 мм² при разрешающей способности в 7000 линий, сканирование точечное, минимальный шаг между точками – 2 мкм, ошибка измерений координат – 2 мкм, относительная ошибка измерений оптической плотности – 1,5% в «видимом» диапазоне оптической плотности (0–2D).

Для этой системы был создан комплекс скоростных средств диалога, который позволяет увеличивать нагрузку на человека-оператора (что требовалось для снижения в 10–100 раз затрат на создание программ) без снижения производительности системы.

С созданием этой системы оказалось связанным и *смешное*. В 1980-х годах шла гонка вооружений между СССР и США. С нашей стороны для каких-то закрытых задач, связанных со «звездными войнами», требовалось построить «хорошую» сканирующую систему. Работы в этом направлении были начаты еще в 1957 году, но и через тридцать лет успеха у разработчиков, сменивших электронную тематику на компьютерную, достигнуто так и не было. А денег на решение задачи давали очень много. И тогда «они» стали платить по договору с ОИЯИ по миллиону рублей в год *только за то*, чтобы автор раскрыл «секрет» своих успехов. И приставили умного «наблюдателя».

Это были огромные деньги. Так, оплата научной лаборатории в вузе стоила около 50 тысяч рублей в год. И автор «содержал» две научных лаборатории – в Москве и на Украине, а с приходом «демократических перемен» даже затеял строительство «научной деревни» в Подмосковье. Но в 1993 году стало ясно, что науку в России надо спасать за границей.

А смешным в этих «похождениях» автора оказалось то, что заказчик так и не поверил в возможность *синергического* («совместного с Ним») подхода к творчеству, на чем и основан метод *управления временем*. Даже было заявлено, что автор – хитрый. И они так и «погибли», не создав свой сканер, но высоко держа «флаг передовой советской науки».

– Вы, Владимир, делаете свои разработки топором, – было сказано «умным наблюдателем», когда их корабль уже лежал на боку. – А мы все тщательно исследуем на пути выполнения поставленной задачи.

Все так, но автор знал, что «поставленная задача» включала задание: обрабатывать фотоснимки за 1 секунду там, где требовалось 20 минут. «Пусть эти “греки” пое...тятся», – сказали заказчики-конкуренты. Выход был в том, чтобы *не верить ни единому слову*. Но это была – *синергия*...

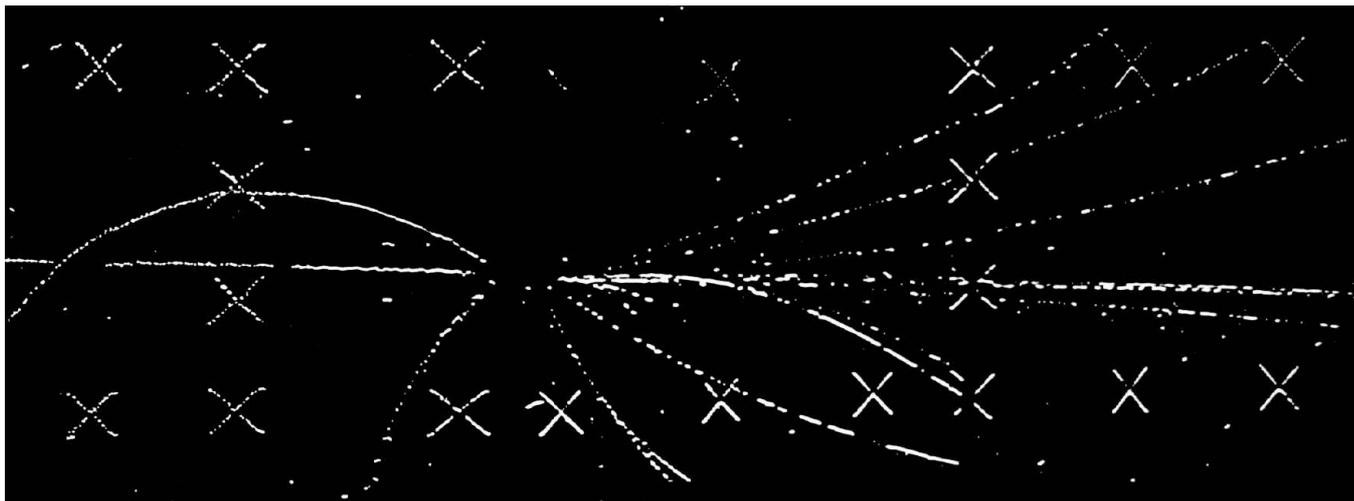

Пульт оператора сканирующей системы АЭЛТ-2/160

В правой руке у оператора – скоростной световой карандаш, использующий обратную связь для «выхватывания» (подсветки) той точки на экране монитора, на которую он реально наведен. Это исключает сбой в его работе (из-за эффекта параллакса света в стекле экрана – блуждания между двумя поверхностями стекла, что привело повсеместно к замене карандаша на медленную, но надежную электронную «мышь»). Левая рука лежит на скоростной функциональной клавиатуре, построенной с заимствованием подхода с расположением клавиш на роле.

Эти *скоростные* средства диалога позволяют пересмотреть границу разделения функций между человеком и компьютером в сторону увеличения нагрузки на человека-оператора без снижения производительности системы. На этом пути существует «точка резонанса», позволяющая снижать затраты на создание программ распознавания измеряемых изображений в 10–100 раз!

Это связывается автором с существованием *числовых характеристик красоты* и *чисел управления* – об этом можно прочесть в идущем ниже тексте, относящемся к снимку с трековой камеры (см. следующее фото).

Типичный снимок с трековой камеры в физике высоких энергий
(см. текст на следующей странице)

В подтверждение исследований автора о существовании на изображениях, получаемых с помощью инструментов, которые были созданы человеком, «числовых характеристик красоты», по представленному на предыдущей странице снимку с трековой камеры можно *легко увидеть*, что на нем простой информации в виде отдельно идущих треков (кривых линий) и реперных крестов *очень много*. Исследования показывают, что такая простая информация составляет около 70%, а оставшиеся 30% разделяются на информацию средней сложности (с точки зрения затрат на создание программ распознавания) и большой сложности – соответственно около 20 и 10%. Эту *устойчивую* комбинацию, складывающуюся на основе *эстетической* оценки человеком на этапе завершения доводки создаваемого им того или иного инструмента («Ну, вроде бы уже неплохо!») – так дается эта оценка), автор и назвал числовыми характеристиками красоты [6].

Наличие в этой комбинации 10% информации большой сложности и привело к появлению систем «человек–машина» (США, сканирующая система POLLY, 1968 год), где человек выступает помощником программам компьютера и вручную (своим интеллектом) преодолевает непреодолимое для компьютера.

Но до автора никто *не увидел* (не придал этому значения), что при переходе к обработке информации средней сложности (два трека, пересекающихся под большим углом, и др.) возрастание затрат на создание программ распознавания составляет 100 раз! Это «крутое» возрастание, обозначенное автором как «числа управления», является подстроеной по «капризу» Природы «ловушкой» для западных программистов, носителей мужского духа. Именно эта ловушка позволяет *красоте* побеждать.

Русский же подход, основанный на проявлении женского духа с его ориентацией на поиски «красоты», предполагает, что программист *должен увидеть* ту грозную опасность, которая в эту ловушку заложена. И при разделении функций между человеком и компьютером не переходить границу, отделяющую обработку компьютером простой части (70%) от остальной информации.

Однако «легко увидеть» все это могут *далеко не все*. И далеко не при любых обстоятельствах: у *красоты* есть «синоним» – страдание. Стена для западного духа. Там, в их мире сентиментального мужского гуманизма, страдания идут *от* красоты. А у русского духа, *созидающего* жестокую красоту, все наоборот: страдать нужно еще *до* красоты. «Эх, пострадать бы!» – Лев Толстой.

Энергетическое изображение параллельного мира

Найдено в 2004 году на основе научных исследований автора (с применением *мониторной* сканирующей системы АЭЛТ-2/160) и целого ряда «странных» событий, которые в течение полувека словно «вели» автора к этим результатам [6].

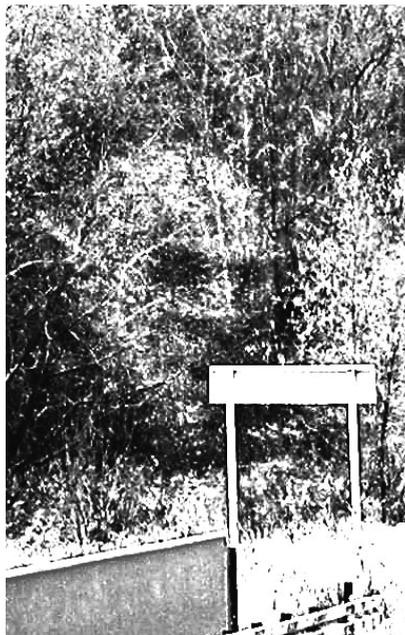
Так, в череде таких событий была встреча на этом месте с «черным мотоциклистом». Конец июля 1980 года, жара, Елена здесь теряет силы, садится на спиленную сосну, встает – вся ее юбка в смоле. Мимо едет мотоциклист, весь в черном, на голове – шар-каска, сзади привязан веревками бидон. Веревки развязываются, и бидон падает на дорогу. В нем бензин. Мы спасены. Мотоциклист едет обратно и забирает бидон.

Эта история рассказана в Звездном городке (2000). От космонавтов получено предложение – сделать снимок этого места и исследовать его на сканере АЭЛТ-2/160. Так в 2000 году появились первые результаты.

Октябрь 2007 года. Впервые после 2004 года (тогда во время съемок отказал дорогой японский фотоаппарат, сама включилась и заговорила рация: «Не трогай, не трогай!», разбился автомобиль и другое) я решил сделать фотоснимки этого места. Мимо едет точно такой же «черный мотоциклист». Я «щелкаю» снимок – фотоаппарат заклинило.

Энергетическое изображение того же «лесного духа» из параллельного мира, полученное после нелинейной обработки данных от наложенных друг на друга 50 цифровых фотоснимков (дата проведения съемок – 19 августа 2004 года)

Энергетическое изображение еще одного «лесного духа»,
получившего у нас название «малая голова»
(дата проведения съемок – 19 октября 2004 года, когда опали листья)

Первые исследования изображения «лесного духа» были проведены в 2000 году, с применением мониторного сканера АЭЛТ-2/160. И тогда же возникла мысль о том, что надо попробовать применить цифровой фотоаппарат. Но *как* его применить? Этого я не знал, однако мысль не давала покоя. И тут моя дочь Маша, которой уже исполнилось 30 лет, неожиданно заявила, что хочет пойти учиться на специальность «фотоискусство». И поступила в МГУКИ – Московский государственный университет культуры и искусства, где ее путь (а затем мой в 2004 году) пересекся со специалистом по обработке сложных фотоизображений Юрием Бабичем. Так в результате нашего сотрудничества появились приведенные здесь энергетические изображения параллельного мира, что было бы невозможно без заданного мной вопроса о возможности применения цифрового фотоаппарата и указания места, с которого было предложено вести исследования, – того, где Елена в 1980 году вдруг потеряла силы (об этом – выше). Это все выглядит более чем странно, наводя на мысли о том, что в этих научных исследованиях присутствует некто невидимый, в чьих руках все это время и находилась нить нашей судьбы. Причем – немалого времени, которое, как мне подчас кажется, уходит даже не в 1980-й год, а еще дальше – в самое раннее детство...

Выступление автора на Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте», организованном Фондом Достоевского, с сообщением об исследованиях параллельного мира. 18 декабря 2004 года. Москва. Отель «Космос»

«Круглый стол» автора вместо отведенных на него двух часов длился пять и закончился только потому, что пришло время идти пить водку на банкете по завершению работы конгресса. Однако на этом интерес к открытиям автора и закончился, и доложенные материалы даже не были включены в сборник трудов. Мы что – живем в *разных* мирах?

Когда человек применяет инструмент «сжатия времени» в научных разработках, что наполняет его жизнь, обращенную к поискам *красоты*, смыслом «высшего» существования, то не относится ли это и к перемещению во времени достигнутых им результатов? Не это ли и есть причина неспособности других «видеть» очевидное – подтверждение на научной основе существования таинственного «параллельного мира»? Если это так, то автору в его 70 лет и всему человечеству тоже, с учетом того, что «сжатие времени» в 10–100 раз на практике *в целом* ведет к ускорению темпов продвижения «только» в 3 раза, надо ждать поворота сознания к духовности $70 \times 2 = 140$ лет? То есть до середины XXII века? И мне кажется иногда, что я живу в том, *будущем* времени. И тех, кого вижу в метро и на работе, уже *нет*. А они, из прошлого, – еще вот они...

Энергетический образ *первого* «лесного духа»,
с исследования которого в августе 2000 года начался эксперимент
(дата проведения съемок – 19 октября 2004 года)

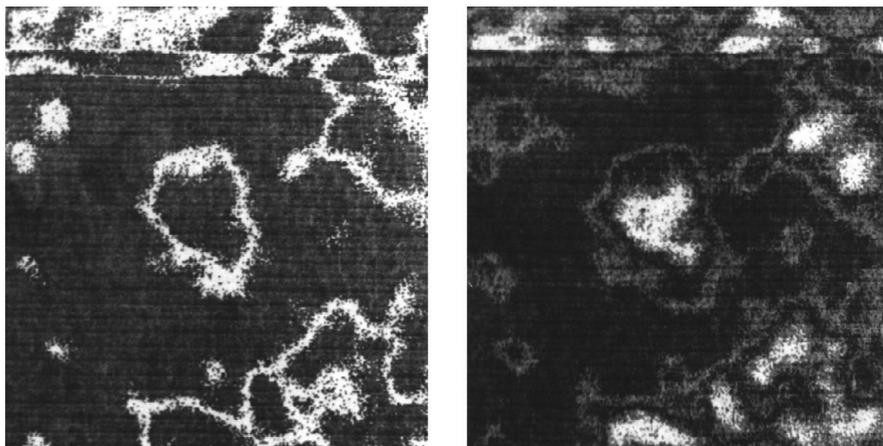
Всего автором было организовано две экспедиции по поиску изображений «лесных духов» – 19 августа и 19 октября 2004 года. Почему-то во время первой экспедиции, когда были сделаны около 1000 снимков в утренние часы и затем еще 1000 снимков в предвечерние часы (из которых затем отбиралась серия из 50 наиболее «динамичных»), не было выявлено исхода в явном виде энергии (ее происхождение неизвестно, но ее фиксировал прибор спотметр – есть такой, созданный для профи) от данного «лесного духа». А во второй экспедиции, в серенький осенний день с морозящим дождем, наоборот, «он» проявился. Больше мне по этому поводу сказать нечего, за исключением того, что я попросил сосредоточиться на этот раз на этом направлении. Но не мог же «он» услышать мою просьбу? Скорее всего – это ерунда, но кто знает? Все, что связано с нашими судьбами (и в науке тоже), так и проявляется...

Так выглядит то место, где были найдены изображения параллельного мира (фото августа 2000 года, которое затем было исследовано на сканере АЭЛТ-2/160). На фотоснимке можно увидеть и без всякой компьютерной обработки контуры голов «лесных духов» – особенно выделяются круглые «глаза».

Автор «отметил» это место с мостом через Горетовку еще в 1971 году, когда писал повесть «Черное озеро». Тогда, в описываемых в повести 1950-х годах, мост был деревянным, выложенным по проезжей части круглыми бревнами, громыхавшими под колесами грузовиков с зелеными, по законам военного времени, кабинами-коробками и бортами – «трехтонок» или «полоторок».

Раньше, еще до революции 1917 года, мост назывался «Дворянским» – вел в расположенную на холме над речкой усадьбу Средниково (на «этой» стороне речки), где юный Лермонтов, влюбившийся в красавицу Катю Сушкову из соседней усадьбы около Черного озера, сочинил много стихов – по преданию, он часто записывал их во дворе построенной в конце XVII века церквушки, носящей имя митрополита святителя Алексия (XIV век), под сохранившимся до нашего времени в более чем странном виде (в три обхвата, без сердцевины) вязом.

Применение мониторного сканера АЭЛТ-2/160

Результаты исследования одного большого круглого глаза «лесного духа» (глаз – прямо над указателем названия речки на ее дальнем берегу). Проводя эти исследования, автор шаг за шагом погружался в оцифровываемое трехмерное изображение глаза в процессе зацикленного (мониторного) сканирования и отслеживал визуально результаты. Приведенные результаты получены на двух уровнях дискриминации (среза) выходных сигналов в измерительном канале сканера. Можно видеть, что глаз имеет объемное устройство, воспроизводящее устройство глаз живых существ.

Предположительно эти результаты можно отнести к первым научным доказательствам существования параллельного мира (август 2000 года).

Усадьба Средниково (конец XVIII века)

Лермонтов, Столыпин, Шаляпин, Рахманинов... Последней хозяйкой усадьбы до революции была Вера Ивановна Фирсанова, владелица Петровского пассажа и Сандуновских бань в Москве. В 1941 году у ворот усадьбы был подбит немецкий танк. Какими путями он пробился сюда, да еще, похоже, в одиночку, одному Богу известно. В первую новогоднюю ночь третьего тысячелетия автор «оторвал» на пианино в овальном зале второго этажа «цыганочку». Свет свечей, топот танцующих, смех. Но «ничто не вечно»: когда был найден «лесной дух», все оборвалось...

Усадьба расположена на холме над речкой Горетовкой, текущей до слияния с речкой Сходней в низине, известной с XIII века как Горетов Стан. В ноябре 1941 года в десятке километров от усадьбы развернулось сражение на подступах к Москве, вошедшее в историю как «бои под деревней Крюково» – станцией на железной дороге Москва–Ленинград. Немцы шли по Пятницкому шоссе, и их «конечным» пунктом стали деревни Горетовка и Баранцево, разделенные мостом через Горетовку. Оборона была организована на спуске с холма за деревней Баранцево, где стояли русские 76-миллиметровые дивизионные пушки. Дальше немцам, танкам генерала Геппнера, пройти не удалось. По рассказам очевидцев тех боев, все пространство вокруг было залито кровью. Русские несколько раз шли в контратаки, мост через Горетовку переходил из рук в руки... Сегодня там установлена одна из тех пушек, которые остановили немцев. Сталин узнал об этих «своих» русских пушках только 1 января 1942 года, после чего они получили название – ЗИС-3. Когда глубокой осенью 1941 года на берегах Горетовки шли бои за Москву, автору шел четвертый год. Мы с мамой жили в Красноярске. Одноэтажный деревянный дом на берегу Енисея с ледяной водой был из двух коммунальных квартир. В одной из них у нас была маленькая комната с печкой-голландкой, топка которой выходила в общественные сени. Соседи – муж, жена и ребенок. Женщина работала заведующей детским садом. Мы голодали, и я, возвращаясь из своего детского сада, спрашивал у мамы: нет ли у нас случайно корочки хлеба? А соседка приносила домой много продуктов. Один раз это была миска топленого масла. В это время по радио – на стене висел черный круг репродуктора – передавали последние известия, и в них перечислялись оставленные за последние сутки нашими войсками города. Настроение было очень мрачное. Мужчина сказал что-то пессимистичное, и они ушли в свою комнату. Миска с маслом осталась стоять на табуретке. Можно было провести по маслу пальцем и затем облизать его. Есть так хотелось! И все же я не сделал этого... В этом было *нечто*? Ведь *что-то* остановило меня? А в мае 1944 года мама вместе со мной уезжала на фронт. Все знали, что немцы будут разбиты. Но их еще предстояло изгнать с нашей территории. На этот счет был разработан план, и в этом плане требовалось восстанавливать железнодорожное движение в 30 километрах за линией фронта. В такой отряд и завербовалась мама, а я объяснял это соседям. Пройдут годы, и я узнаю из Библии, что *под Богом надо ходить прямой дорогой*. «Масла» на этой дороге не будет никогда. Так, после выхода моей книги «Москва – старинный город», где задан вопрос: *куда идет развитие Вселенной?* – я вынужден был дать «ну очень большому начальнику» честное слово, что больше никогда не буду заниматься наукой. Это было уже в 2000 году, и это тогда мной впервые было исследовано изображение «лесного духа». Однако наука это не признает. И правильно делает. Наука – это лес с кривыми дорожками и «лесными гномами».

Речка Горетовка

«Густые заросли мелкого ивняка в изгибах речки [Горетовки] около Малино были уже далеко позади и показались постройки Крюкова. Пора было поворачивать назад.

Дорога завела нас в глухой и мрачный лиственный-хвойный лес, смыкавший где-то высоко кроны своих деревьев. Мы бежали мимо застывших в полутьме стволов-великанов с мертвыми черными сучьями внизу, со странным ощущением живого существа, случайно очутившегося в царстве теней и зловещего безмолвия.

Я прибавил и еще раз прибавил скорости, и мы теперь буквально «рвали» вперед, навстречу неизвестности, напряженно вглядываясь в черноту. Казалось, от того, успеем ли мы выбежать из леса, зависит – схватит нас или нет *кто-то*, прячущийся сзади и дышащий тяжело, стучащий копытами по корневищам...

Наконец показался просвет, и мы, как к надежде, как к счастью, собрав остатки несуществующих больше сил, ворвались в последний поворот и, пролетев сквозь частое мелколесье опушки, попали вдруг на лесную поляну.

Одна – совсем одинешенька, всеми покинутая и позабытая, на ней росла раскидистая желтая сосна. Светило солнце. Пахло травами.

Можно было заканчивать бег, но я, загадав на Людку и «взяв на прицел» раскинувшую ветви заблудившуюся сосну, снова пошел на ускорение. Борька, не понимавший источника моей вулканической силы, не выдержал и сдался:

– Хватит...

Мы перешли на тихий-тихий бег, почти на шаг, когда даже без сил легко «идешь» в гору, и свернули в направлении Черного озера.

...На озере стлался туман, и вечернее солнце мягко золотило болотистую местность. Чахлые березки на дальнем берегу одиноко выделялись среди тростниковых зарослей и кустарника. Протяжно кричала птица.

Мы умылись и посидели немного около темной воды. Все же в болоте есть какая-то тайна. И грусть.»

Это отрывок из повести автора «Черное озеро» (1971), где описаны студенческие годы в Московском энергетическом институте. Но чтобы попасть в Москву мне, простому провинциальному мальчишке, должно было произойти *нечто*. И оно, как это видится, произошло...

Август 1944 года. В составе железнодорожного отряда, восстанавливавшего движение в 30 километрах от наступавших наших войск, моя мама и я оказались в белорусском городе Гродно. В это время шли тяжелые бои, и в городском парке хоронили погибших героев.

Однажды на телеге, запряженной лошадьёю, привезли молодую девушку. На подушке было несколько орденов. Когда отгремел прощальный троекратный салют, все разошлись. Остался только один офицер, горько плакавший в кустах.

Почему-то именно тогда мне пришла и осталась навсегда мысль о том, что я тоже стану знаменитым. Быть может – героем Советского Союза. Но была и вторая мысль: мне не хотелось ради этого умирать. Тогда же почему-то *увиделось*, что что-то важное в моей жизни я достигну в возрасте примерно 40 лет. И это показалось так нескоро... Но это именно в возрасте 40 лет, в 1978 году, я опубликую график связи времени и красоты, приведенный на задней обложке этой книги.

А в 1945 году я пошел в школу. В том году Сталин восстановил старую традицию – награждать отличников золотыми и серебряными медалями. Но медали сумели изготовить только к сентябрю. И так получилось, что на награждение пригласили и нас – первоклассников. Тогда мне пришла мысль – *молчать* все десять лет о том, что я загадал желание – получить золотую медаль. И я ее получил. Возможно, именно потому, что хранил свою тайну все эти годы. А в девятом классе влюбился в девочку, шедшую на золотую медаль, и тоже стал отличником.

Нет ли во всем этом проявления *русского духа*? Я полагаю, что – есть. Ибо здесь есть ключевые для русского духа слова – *увидеть* и *молчание*.

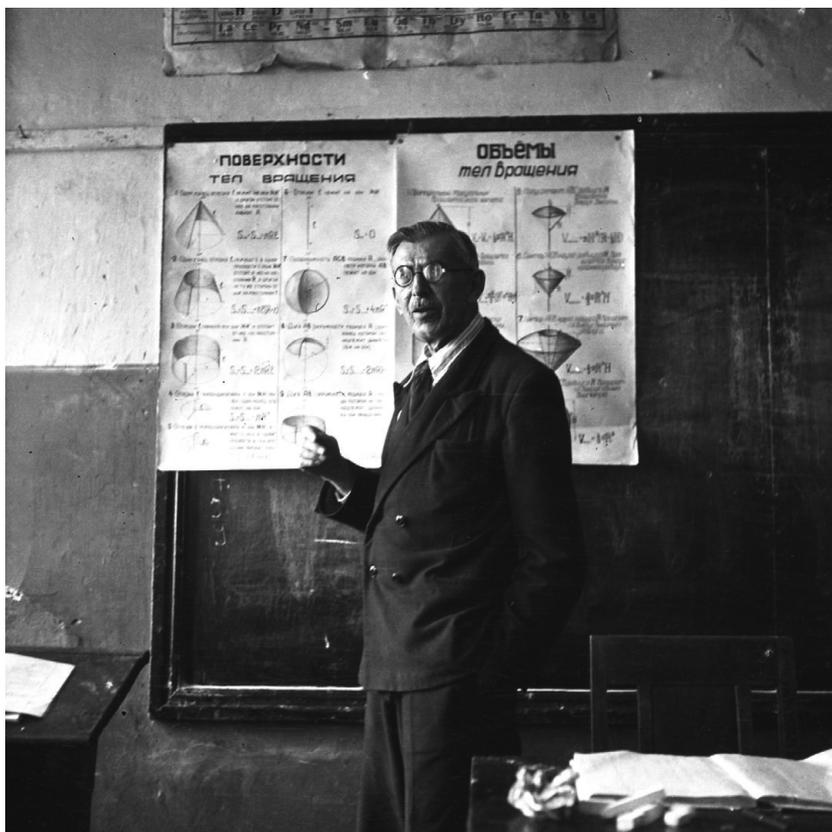

Черное озеро

Автор у доски на уроке математики. На пути к золотой медали
(10-й класс, 1955 год)

Золотая медаль по окончании средней школы была получена, и автор в первый и последний раз в своей жизни сидел на сцене в президиуме. Кроме того, мне было поручено сказать благодарственную речь самому уважаемому из учителей – учителю математики Якову Ивановичу. И то, и другое оказалось несвойственно моей натуре и оставило какое-то неопределенное чувство неестественности... А еще через год, уже в Москве, я стал встречаться со своей «золотой» девочкой. И все погасло... И сейчас, когда пишу этот текст в роскошной гостинице немецкого города Карлсруэ, куда был приглашен на совещание с участием русских философов «Technology, Culture and Society», опять всплывает все тот же сложный вопрос: *зачем все это?* Этого на самом деле не знает никто.

Учитель математики Яков Иванович. О нем шепотом говорили, что он – бывший белогвардейский офицер

Наша 11-я мужская средняя школа Уфы была знаменитой тем, что была основана еще в 1820-х годах. Во второй половине XIX века в ней учился художник Михаил Нестеров, чьи картины можно увидеть в Третьяковской галерее в Москве. И в мое время, пока не прошла реформа 1954 года, смешавшая мальчиков и девочек, уровень подготовки был самым что ни на есть высоким. Так, из 33 человек в нашем классе 31 поступил в высшие учебные заведения. Большинство – в Уфимский авиационный институт, образованный из Московского авиационного во время войны.

На уроке химии

В ожидании начала первомайской демонстрации
(Уфа, середина 1950-х годов)

(См. текст на обороте)

К фотографии на предыдущей странице:

Справа, с папиросой и спичками – друг автора Юра Никитин, с которым мы просидели за одной партой четыре года. Но по окончании восьмого класса (это был 1953 год, когда после смерти Сталина Берия выпустил из тюрем воров и рецидивистов) он неожиданно ушел в вечернюю школу и связался с одной из бандитских шашек. Занятия боксом (второй разряд), гитара, девочки (что по тем временам было немислимой экзотикой для нас), пижонский облик – это мой друг в возрасте семнадцати лет. Он научил меня играть на семиструнной гитаре весной 1954-го, когда я влюбился и моя душа страдала. И мне уже было мало только игры на пианино с погружением в свет «Лунной сонаты» Бетховена или в полет с края обрыва в высь (за правой рукой) в «Седьмом вальсе» Шопена. Однажды он пришел в кинотеатр, а в кассу стоит очередь (шел фильм «Верные друзья», и народ на него «валом валил»). Но «бандиту» полагалось брать билет без очереди. Он влез, его остановили. Он ударил. Оказалось – другого бандита из какой-то шайки, тоже влезшего без очереди. Это было оскорблением бандитской чести, и шайки сошлись на суд. Сочли моего Юрку правым, хотя он знал, что «по законам» он неправ. Но его шайка была главнее. Присудили: Юрка должен нанести три удара на глубину ногтя «пером» (медицинским скальпелем) в живот «неправому», который должен был стоять не шелохнувшись, руки по швам. Местом проведения экзекуции был выбран общественный туалет под Оперным театром на улице Ленина, в котором еще до революции выступал, начиная карьеру, Федор Шаляпин. Не выполнить экзекуцию было нельзя... Как и уйти из шайки.

Во время учебы автора в десятом классе мы уже почти не встречались, разве что вот так – на демонстрации. В это время я сражался за золотую медаль – надо было стать круглым отличником, а затем еще и пересдать экзамены по конституции СССР (за 7-й класс) и географии (за 9-й), по которым у меня были «четверки». Так, уже ложась спать и вдруг подумав, что надо встать и еще раз повторить выученные уроки, я – подобно героям Джека Лондона или комсомольцу Павлу Корчагину – заставлял себя подняться (что было совсем непросто) и раскрыть тетради и книги. Но за этим была волновавшая меня тайна молчания о том, что я хочу получить золотую медаль. И я поднимался *всегда*...

Последний раз мы встретились в возрасте 21 года. Я приехал в Уфу на летних каникулах. Юра, окончивший музыкальный техникум, работал баянистом в каком-то клубе. Мы пили чай в деревянном доме на улице Революционной, где жила его семья – отец и мать, и я рассказал, что только что снова прочел «Героя нашего времени» Лермонтова. Он как-то сразу погрузился и сказал, что искренне завидует моей жизни. А вот в его жизни ничего хорошего не складывается. И что он непременно прочтет про Печорина и княжну Мэри. Больше мы с ним не виделись.

Адель – первая красавица среди девочек-школьниц нашего круга.
На берегу реки Белой, омывающей Уфу

Мы учились вместе в музыкальной школе и встречались в одном классе на уроках сольфеджио. Потом она училась на биофаке в Московском университете, и мы «по инерции» стали встречаться снова, гуляя на этот раз по Неглинной. Однажды зашли в магазин, и я купил кулек мармелада. Мы ходили по заснеженному бульвару и ели мармелад. Вот и все. А в Уфе в нее были влюблены, наверное, половина наших мальчишек.

Здесь она хорошо понимала, *кто* снимает ее на фото...

Провинциальная Уфа середины 1950-х годов

Второй слева – одноклассник автора и наш школьный фотограф Лева Шерстенников, сын профессора медицинского института. По окончании школы Лев учился в Ленинградском институте киноинженеров. Стал с 1960-х годов фотокорреспондентом популярного журнала «Огонек».

Юрий Гагарин

После полета в космос Юрия Гагарина президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди принял решение о высадке человека на Луну, чтобы обогнать русских. Для реализации этой фантастической сверхсложной программы в NASA был разработан комплекс административно-управленческих информационных систем (AIS-комплекс – от Administrative Information Services). Когда в 1980-х годах в ЦЕРН начали обсуждать идею создания сверхмощного ускорителя «Большой адронный коллайдер», то для поддержки выполнения этих работ было принято решение – создать собственный AIS-комплекс, взяв за основу наработки NASA. Воспроизвести эти наработки оказалось сложно. Но в 1995 году в ЦЕРН для выполнения этих работ был применен метод «сжатия времени», предложенный автором. Так в ЦЕРН был создан интегрированный AIS-комплекс, который превзошел по качеству американские разработки.

(Фото Льва Шерстенникова – фотокорреспондента «Огонька»)

Мальчики из нашего 10-го класса
на встрече с девочками из 9-го класса

Когда 1954 году разделение школ на мужские и женские было отменено, то наш 10-й класс был оставлен доучиваться мужским. На фото пятый справа (в белой рубашке) – Игорь Семенов, сидевший со мной за одной партой в 9-м и 10-м классах. Он был чемпионом Башкирии (Уфа – ее столица) по бегу на средние дистанции – 400 и 800 метров. Автор в это время входил в две сборные Уфы – по лыжам и по гребле. Тогда занятия спортом были очень престижными, а значок разрядника был своего рода «элитной карточкой». Игорь окончил медицинский институт и стал знаменитым на весь город детским хирургом. Переехал в Новосибирск.

Студенческие годы (1955–1961)

В сентябре 1957 года нас послали на месяц на целину. Выдали подъемные. Я купил на них кирзовые солдатские сапоги (по совету тех, кто уже побывал там) и большую гитару-семиструнку в магазине на Неглинной. И деньги почти закончились.

Ехали в теплушках – товарных вагонах для перевозки скота и солдат. Кормили нас тоже в солдатских станционных столовых, где еда была настолько плохой (запомнились тухлые щи), что многие есть не могли вовсе. Мне, однако, деваться было некуда, и я приноровился: ел очень быстро, чтобы уменьшить чувство отвращения хотя бы во времени. Ехать предстояло до Рубцовска на Алтае.

У других, хотя они и не покупали гитары, с деньгами тоже было не так уж густо, и с целью рационализации были сформированы временные «колхозы». Основой организации «колхоза» был чемодан, игравший роль обеденного стола. Поэтому, по числу сторон чемодана, все колхозы состояли из четырех человек. Сбрасывались деньги, и на них покупались: хлеб, колбаса, огурцы, помидоры, сахар и заварка для чая (кипяток можно было получить на остановках), а также – свечка. Последняя использовалась в темноте, за ужином и ставилась посередине чемодана-стола, освещая разложенную на четыре равные кучки еду и позволяя «колхозничкам» контролировать: одинаковой ли толщины нарезаны кусочки колбасы, а также другой снеди?

Ехали весело. Время заполняли карты и песни под мою гитару. Неравенство проявлялось только во время еды. Кроме меня в нашем вагоне оказался еще один такой же, обладавший слишком коротким счетом в кармане. И вот на последние деньги в Новосибирске была куплена книга стихов Есенина. А впереди были еще два дня пути до Рубцовска, а затем еще предстояло ехать куда-то на грузовике.

Выдержать сутки без еды было нам не впервой, но вот двое с лишним суток... К тому же песни пели *все*, а ели – *не все*. Согласно же коммунистической морали, которой нас обучили, это было неправильно. И решение было найдено, благо, у меня был напарник.

Мы провели эксперимент с задуванием огня свечи и установили, что если действовать смело и задувать его за одну секунду, то разглядеть, кто это был, невозможно. После чего наступало

еще время растерянности – пара секунд. Оно же – время воровства колбасы. Так мы сократили время голодного существования до одних суток.

* * *

На целинных землях урожаи в те годы были высокими, но наши государственные руководители, поднимая народ, не учли одно обстоятельство: вырастить зерно и собрать – еще не значит, что еще и вывезти. Не было достаточно дорог, транспорта и хранилищ.

В результате горы зерна размером с двухэтажный дом, в которых складировалось до пятисот тонн, горели внутри сами по себе, превращаясь в черные горы обуглившихся (и ни для чего не пригодных) червячков-головешек. Эти горы надо было сушить, что делалось с помощью гудящих железных печей, которые топились углем.

Работа заключалась в том, что в течение двадцати секунд надо было с помощью ведра засыпать зерно в печной бункер, после чего было сорок секунд для отдыха. Выдержать эту, казалось бы, простую работу в течение восьмичасового дня оказалось очень трудно.

Это был самый тяжелый участок, и здесь была норма для бригады из шести человек (по числу печей, которые устанавливались около пятисоттонной кучи): тридцать тонн за смену. А за девяносто тонн всей бригаде давали медали «За освоение целины».

На эту работу не шли. Но для меня она была как бы спортивной тренировкой, и я возглавил бригаду. Поработав несколько дней, понял, что самое сложное – это подтаскивание зерна к печам от «тающей» горы. Тогда мы собрали цепь длиннющих транспортеров, и однажды, проработав подряд две смены, «махнули» всю гору зерна – пятьсот тонн. И пошли под суд: нас причислили к очковтирателям, не останавливающимся ни перед чем, лишь бы заполучить медали.

В дальнейшем работали из расчета под девяносто тонн в смену. Что позволяло после смены еще и подрабатывать в деревне пилкой и колкой дров. И тогда в дополнение к неизменным оладьям с джемом и компоту, чем нас кормил целинный совхоз, мы имели возможность есть еще яичницу на сале и пить молоко. С одной старухи не взяли ничего. А однажды нам даже дали водки, когда мы работали на заведующую местной столовой, красивую женщину лет тридцати пяти.

В тот вечер к ней приехал на «студебекере» ее ухажер, такого же возраста и тоже «видный» мужчина-сибиряк. Нам были обещаны еда и хорошие деньги, и мы старались сделать побольше. Под конец была уже почти ночь и в небе светила луна. Но света ее нам не хватало, и тогда нам были включены фары автомашины. Работать стало легко.

Но на свет явился еще один, похоже, местный бандит, который стал приставать к нашей хозяйке: пусть выйдет «шоферюга», и он его сейчас убьет. Женщина отвечала, что в доме никого нет, она одна и вот только двое молоденьких ребят, которые только что закончили колоть дрова и сели за стол. А автомобиль ей оставили под охрану.

Бандюга, однако, не хотел этому верить и рвался в смежную комнату, где прятался шофер. Появился нож. Женщина перешла на крик. Я положил руку на стоявший у печки топор и поднялся из-за стола. Бандюга опешил. Выругался и ушел.

Женщина плакала. Шофер вышел к нам и пожал по-мужски руки. Выпитые полстакана водки удвоили наши силы. Наверное, так же было у солдат на фронте, когда их посылали в атаку на немцев.

* * *

Поскольку мы несколько раз превзошли результат в девяносто тонн, что отвечало условию награждения медалью, то нам решили простить наш «явный обман» с пятьюстами тоннами. И даже наградить каждого из нас грамотой районного комитета комсомола (что было ниже медали). Для объявления этого решения в назначенный час прибыл важный руководитель, одетый в черный китель и черные же галифе, с кожаной папкой документов под мышкой. Ему показали нашу высушенную и передвинутую пятисоттонную гору зерна и что-то рассказали. Он посмеялся и пошел в обход нее. И на той стороне увидел наши глаза.

Бежать от нас вокруг кучи-гиганта было бесполезно, и он нашел единственно правильный ход: полез через кучу, загребая осыпавшееся зерно папкой с бумагами. И перелез. Как паук. А мы не смогли.

Через полчаса нагрянула милиция, и нас выстроили в шеренгу. «Черный китель» шел вдоль ряда и вглядывался в наши лица. Но мы надели кепки и, растворившись в разных концах шеренги из пятидесяти человек, смотрели в сторону и «никак». Хулиганов не нашли.

Начало сентября 1957 года. Наш студенческий отряд едет на месяц на целину помогать с уборкой урожая

51

Обратно нас повезут уже не в теплушках, а в пассажирских вагонах. И во время этой поездки 4 октября по радио передадут о запуске первого искусственного спутника Земли. В вагоне поднялось шумное ликование. Когда стемнело, все стали смотреть в окна, чтобы увидеть в небе движущуюся звездочку. Но найти ее не удалось. Когда все поутихло, я заставил себя выйти в тамбур, открыл дверь и тоже посмотрел в черное усыпанное звездами небо. Ничто никуда не двигалось...

Этой зарисовкой мне хотелось бы отметить нечто похожее на какую-то отрешенность, которую сам воспринимаю даже как туповатость в моем настрое по отношению к окружающему миру. Это было время, когда Хрущев ломал сталинскую систему. В феврале 1956 года прошел знаменитый XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, на котором Никита Сергеевич выступил с разгромным докладом. Ну и что? Для меня это было «где-то там». Однажды я купил билет в Большой театр на балет «Лебединое озеро» с участием Галины Улановой, и там в ложе увидел самого Хрущева. А в 1987 году его сын Сергей оппонировал мою докторскую диссертацию, мы несколько раз встречались с ним, и он рассказывал мне про их семейную жизнь, в которой его тогда занимала покупка господчи отца. Это было интересно, но тоже «где-то там»...

Но «туповатость» ли это? Или, наоборот, так все и должно было быть?

Наша бригада на целине после рабочей смены

Рядом со мной, в той самой кепке мой студенческий друг Олег Волков. Странная у нас была дружба, в которой он проявлял необыкновенный интерес к моему «внутреннему миру». Мы оба были крайними индивидуалистами. Но если я жил настроениями, то он отличался углубленной до мелочей расчетливостью. В эту осень 1957 года я познакомил его с красавицей Аделью. Мы два раза побывали у нее в общежитии в Черемушках, а потом они стали встречаться сами. И хотя это длилось не менее полугода, что-то куда-то ушло. А еще через год он женится на «выгодной невесте», мы с ним расстанемся, потом он разведется (заработав, однако, очень важную московскую прописку), и мы снова станем дружить. По окончании МЭИ он через некоторое время перейдет на работу в Московский авиационный институт, защитит кандидатскую и станет доцентом. Наши отношения прервутся после моей 6-месячной поездки в ЦЕРН (Женева) зимой 1969–1970 годов. «Почему ты ни разу не написал мне оттуда?» – обидится он. Это было не совсем так: я послал ему открытку с новогодним поздравлением, но почта тогда «оттуда» никуда не приходила. Он не поверил, и мы расстались на много лет. Потом все как будто опять вернулось. А в 1988 году, последнем в нашей дружбе, он спросил: «Скажи, только честно, ты хоть что-нибудь сделал *стоящее* в твоей науке?» И добавил: «Вот я, точно, ничего не сделал...» А за десять лет до этого я узнал, что в бригаде на фото был один чекист.

На целине. После работы

Футбол – это сжатая во времени модель жизни. Здесь все то же самое: можно просто играть, а можно – идти к победе. В первом варианте не надо знать ничего, а вот путь к победе предполагает владение неким «подходом». В его основе лежит знание того, что надо создавать *дух победы*. Для этого каждый шаг должен быть направлен к победе. Останавливать летящий мяч надо так, чтобы он *хотя бы немного*, но уже катился в сторону атаки. Атаковать ворота можно и в одиночку, зная заранее, что пройти не дадут. Да еще и собьют. И если встать и снова пойти в атаку, то опять остановят. Но после третьей или четвертой «гвардейской» атаки, да еще если ты при этом сумел совершить «нечто», например удар по воротам в прыжке через голову, то тут начинается... Противник (защита) вдруг обнаруживает, что у них «спутаны ноги». Кто их спутывает? В моей модели это – *дух*. Так это или не так, но только если в это время подключить к атаке еще одного-двух твоих товарищей, то «машина защиты» взламывается, как орех... Но еще остается удар по воротам. И тут надо не бить, а *забивать*. Взорваться.

(Поселок Курья Рубцовского района Алтайского края. Неприкаянные деревянные дома. Речка с журчащей ледяной водой, огромные тополя вдоль ее берегов. Безрадостная выжженная степь, какие-то невысокие холмы, изрезанные оврагами. В этом поселке родился Михаил Калашников, создатель всемирно известного боевого автомата «калашников».)

Неформальный лидер во мне проявился на первом курсе. Увидев, что наш элитный радиотехнический факультет не блещет в спорте, я задался целью – сделать если не весь факультет, то хотя бы наш курс на факультете спортивным. Но об этом – ниже. А сейчас мысли-воспоминания понесли моих коней в другую сторону, туда, где и должны были блистать интеллектуалы, – в смех, которым была наполнена вся наша студенческая жизнь. И породила на нашем радиофакультете Студенческий Театр Эстрадных Миниатюр – СТЭМ, который живет в МЭИ и сегодня. Представления давались на сцене Дома культуры. Вот несколько запомнившихся миниатюр.

Студент опоздал на занятие. Входит, съезжившись, в дверь. «И почему же вы опоздали?» – строго спрашивает преподаватель. Студент, заикаясь: «Попался трамвай с ма-а-ленькими колесиками».

Идет экзамен. За столом у одного преподавателя студент отвечает на все вопросы. Однако преподаватель ставит ему в зачетку только четыре балла и сообщает залу свою точку зрения по этому поводу: «Все равно я знаю, что он что-нибудь да не знает».

За другим столом, с другим преподавателем. Подходит студент, берет билет, смотрит: он его не знает. «Можно взять другой билет?» – дрожащим голосом. «Можно», – отвечает преподаватель. Студент берет второй билет, смотрит: опять не знает. «А еще можно?» В ответ: «Можно». Студент берет трясущейся рукой третий, потом, уже не спрашивая и все убыстряя темп, – четвертый, пятый, шестой... «Хватит! – останавливает его преподаватель. – Ставлю вам оценку – удовлетворительно». Это три балла. И объявляет в зал о своем подходе: «Раз он что-то ищет, значит – он что-то знает».

Опять – экзамен. Профессор ставит студенту за ответ двойку – неудовлетворительно. Студент просит: «Профессор, задайте мне еще вопросик». Профессор: «Нет. С вами все ясно. Два балла!». Студент не сдается: «Ну, профессор. Хотя бы еще один, последний вопрос!». Профессор: «Два!». Студент продолжает просить и выводит профессора из себя. «Хорошо! – отвечает тот уже с раздражением. – Задам вам, раз уж вы этого хотите, еще

один вопрос. Но с условием: не ответите – два, ответите – все равно два! Будете отвечать?» – «Буду!»

Плавательный бассейн МЭИ. Команда нашего неспортивного факультета РТФ и команда другого факультета встречаются в соревновании по водному поло. В начале этой игры судья бросает мяч в воду на середину бассейна, игроки разных команд прыгают в воду с его противоположных сторон, чтобы плыть к мячу. Кто его первый достигнет, тому он и принадлежит.

Бассейн изображен двумя рядами стульев, на них стоят команды-соперницы, раздевшиеся до плавок. Судья дает свисток и бросает на середину мяч. Одна команда прыгает на пол (в бассейн), наша – нет.

Судья повторяет всю процедуру сначала. Свисток. И снова одна команда прыгает, грохоча об пол сцены, а вторая, команда факультета РТФ, остается на стульях.

Судья в недоумении задает вопрос: «Почему не прыгаете?»

В ответ звучит торжественное, голосом знаменитого диктора Всесоюзного радио Левитана, заявление: «Команда РТФ просит понизить уровень воды в бассейне».

* * *

Но вернемся назад. Придя на первый курс, я задался целью: поднять спортивный уровень нашего РТФ. Зачем это было нужно? Не знаю почему, но мне эта задача будет казаться чуть ли не смыслом моей жизни. И пусть другие смеются над этим, но я и сегодня считаю: любое желание – свято. В этом что-то есть...

А смысл проявляется позже, уже в виде линии судьбы. Но вот судьба – это уже посложнее. С чем «умные» могут не соглашаться, однако первое правило в управлении судьбой – никого не слушать. И тогда можно быть даже не таким уж и умным.

Когда пришла зима, я предложил устроить соревнования по лыжным гонкам между десятью группами нашего курса. Дистанция – три километра. Все *почему-то* согласились, и я задумался: а почему?

Это одно из очень интересных наблюдений: тот, кто берет на себя инициативу, получает власть над людьми. При этом никто не задает этих сложных вопросов, которые так мучают лидера-одиночку. Кем я и был и только всегда удивлялся: почему другие мне подчиняются?

Зимой 1957–1958 годов наш курс стал чемпионом МЭИ.

Автор в составе сборной лыжников МЭИ

(См. текст на следующей странице)

Текст к предыдущей странице:

1959 год. Автор – в составе сборной команды лыжников Московского энергетического института. Это было время светлых надежд и первых разочарований, описанных автором в повести «Черное озеро». Лыжный спорт – это звенящая морозная тишина и одиночество. И ощущение какой-то безграничной силы в *страшном* «затаившемся» лесу... Тогда еще все было впереди, и будущее воспринималось как таинственная сказка, в которой где-то уже была *она*... Входя в электричку на Ленинградском вокзале, чтобы ехать в Подрезково, где мы осенью бегали в овраге, по которому протекала речка Сходня, я – высокий, светлый плащ, черный бархатный шарф вокруг шеи, черная же замшевая спортивная сумка – услышал однажды: «Смотри, смотри, какой мальчик!» В нашем роду по линии отца, в которой соединились Смоленск и Псков, эти извечные форпосты борьбы русских с немцами и поляками, все обладали физической силой. Так, отец, когда его в 1938 году «судили» по доносу как «врага народа», выкинул «свидетеля» в окно со второго этажа. А мой двоюродный брат Юра, тоже учившийся в том же МЭИ, стоял на воротах сборной студенческой футбольной команды Москвы. И в 1949 году оказался соперником Льва Яшина, который потом стал лучшим вратарем мира. А автор «чуть не стал» чемпионом России по гребле, но «помешала» полученная по окончанию школы золотая медаль: пришлось выбирать – ехать на чемпионат или учиться в Москву.

* * *

В декабре 1960 года автор, тогда – студент-дипломник, снял комнату в частном доме в Подрезкове. И даже получил прописку в так называемой «зеленой зоне», что позволяло остаться работать в Москве. Это была какая-то загадочная история в моей жизни. Получить такую прописку тогда было практически невозможно, но мне ее дали за «вознаграждение» в 25 рублей (за поход в ресторан), при том что стипендия была 50 рублей и на предприятии, где я проходил практику, мне платили 70... Однажды в глухое зимнее время мне вдруг ни с того ни с сего пришло желание пробежаться в лесу. Сама эта мысль была просто абсурдной, но и отказаться от нее было почему-то совершенно невозможно.

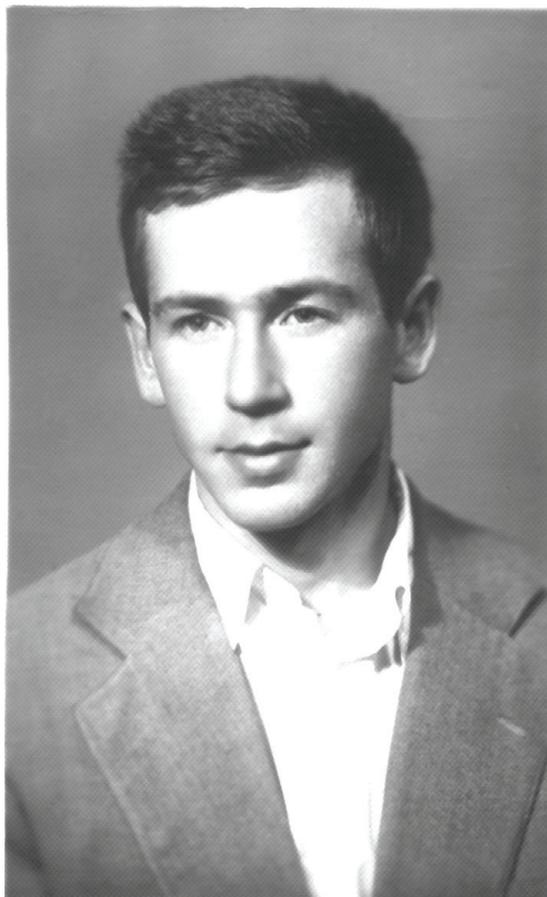
Я надел вылинявший голубой тренировочный костюм и вышел из дома в ночную темень. Небо, закрытое облаками, белый снег. Перейдя рельсы железной дороги, стал спускаться в овраг, туда, где в речку Сходню впадала другая речка, Горетовка. И неожиданно увидел впереди стайку девушек, возвращавшихся к себе в деревню с поздней электрички.

Они шли по узкой протоптанной в снегу тропинке и, чтобы не бояться, громко смеялись. Я настигал их, но они даже не могли предположить, что кто-то может быть сзади. Не зная, что делать, я сошел в глубокий снег и обошел их немного стороной. Бесшумная серая тень пробежала мимо них, поднимая снежную пыль, и, перейдя по покосившимся деревянным мосткам через речку, свернула с тропинки в сторону леса...

1958 год. Учеба в Московском энергетическом институте.
Семинарское занятие по философии. Выступает автор

Третий слева – Володя Щербаков. По окончании МЭИ стал писателем-фантастом, заведовал отделом фантастики в издательстве «Молодая гвардия». За открытие древнего города асов (ранних ариев) в Средней Азии – Асгарда вошел в число 100 самых знаменитых археологов мира. Четвертый – Женя Ерёмин, стал начальником отдела в одном из «почтовых ящиков» (в подмосковном городе Истра). Пятый – Сеня Зорин, вошел в «команду» космонавтов. На дальнем плане – Толя Надточеев, стал проректором Московского электротехнического института связи.

Автор – студент-дипломник

Текст к предыдущей странице:

Одиночество. Его давал зимний лес со снежными шапками на ветвях лохматых елей и с торчащими из-под снега желтыми травинками на краю замерзшего болотца, но в него уводили и те странные настроения, которые возникали каждый раз, когда я брался за перо. «Но нельзя все время работать и работать, человек становится ученым, только когда он пишет», – скажет автору Михаил Григорьевич Мещеряков, создатель в Дубне первого отечественного ускорителя – синхроциклотрона (1949). Но это будет много позже. А в возрасте 21 года автор сам пришел к тому, что надо *писать*. И завел дневник. «Кто хочет погибнуть, погибнет» – стало одной из первых записей. Но это был Лермонтов, написавший за год до своей гибели «Героя нашего времени». А первые *свои* записи автора стали связанными с четырьмя походами (вместо лекций про антенны и волноводы) в Третьяковскую галерею. «Почему мне нравятся Поленов и Левитан, а не «главные» – Репин, Шишкин и другие?» – как окажется, вопрос является ключевым на пути становления человека как личности. Надо было только дать *правильный* ответ: я должен верить *своим настроениям*. Тогда твоя судьба станет наполненной светом предназначенного именно тебе. Что, однако, не значит – предопределенного. Иначе ты – не русский. Впрочем, предопределения нет ни у кого, но не все это знают. Таинственная Вселенная требует только следования в направлении Красоты. В это время приходит состояние «осветления». Что даже можно увидеть – по этому фото (ноябрь 1960), сделанному по какому-то «капризу», когда я «поймал» такое состояние.

* * *

«Что было раньше – курица или яйцо?» – Эта всем известная загадка еще более применима к вопросу о творчестве и настроении. Настроение приходит, когда начинаешь писать, или же сначала надо его «поймать»? М.Г. Мещеряков сказал автору, когда потребовалось написать кандидатскую диссертацию «без отрыва от производства»: надо каждое утро написать одну строку текста, а затем попробовать написать вторую. Если вторая не пишется, то это дело надо отставить. Но уж если написалась, то надо отодвинуть все другие дела и написать целиком параграф. Именно целиком, до последней строчки. Так, следуя этому совету, автор «сделал» свою первую диссертацию всего за один месяц. И задумался: а прав ли М.Г.? Да, он с И.В. Курчатовым построил синхроциклотрон. Да, он стал членом академии наук СССР. Да, он – профессор Московского университета. Но нет ли в его подходе *пассивного* обращения к «параллельному миру» (моя интерпретация сказанного им) некой неточности? И когда спустя три года, в 1971 году, я писал повесть «Черное озеро», то шел по другому пути: сначала – настроение. Ощущение огня. Тогда надо безо всякой «пробы» (здесь говорится о первой и второй строчках) просто идти в атаку – садиться и писать, никогда не зная, куда заведет

то, что *видится* только как «начало». Вот только можно ли управлять созданием настроения? Оказалось – можно, что по тому, к чему это приводит, автор со временем стал обозначать как *управление временем*.

В этих поисках, которые привели к выявлению связи между временем и красотой, автор несколько раз обращался с разговорами к М.Г. На что однажды получил скептическое замечание: «Человечество никогда не знало, как ответить на три вопроса: зачем нужны деньги и что такое любовь и красота? А Вы, Владимир Николаевич, хотите...»

Да, хотел. И однажды, когда судьба сблизила нас до участия в одной научной теме и я мог позволить себе «запросто» заходить к нему, мной был задан каверзный вопрос: «А были ли Вы, Михаил Григорьевич, когда-либо счастливы без причины?» Он посмотрел на меня с удивлением, высказался на этот счет, а потом сказал: да был. И это было всего один раз, в 1939 году. Однажды он пришел к Курчатову, его научному руководителю по аспирантуре, и предложил некий научный эксперимент. Но этот эксперимент расходился с какой-то точкой зрения знаменитого физика Нильса Бора, и Курчатов, а вместе с ним и члены Ученого совета, куда было вынесено на обсуждение предложение М.Г., согласия на проведение эксперимента не давали. Но М.Г. почему-то *горел* этой идеей. И в конце концов Курчатов дал согласие, эксперимент был проведен и результаты опубликованы в главном научном журнале «Доклады Академии наук СССР». А уже после войны, в 1946 году, когда Курчатов занимался созданием атомной бомбы (и М.Г. был в его «команде»), однажды Игорь Васильевич протягивает М.Г. руку и говорит: «Мишель, я тебя поздравляю!» Оказалось, что только что вышла статья в каком-то важном американском научном журнале, где сообщалось о повторении того опыта М.Г. и со ссылкой на него. После чего М.Г. стал первым заместителем Курчатова и получил задание – построить в Дубне синхротрон. «Но счастлив я был не в связи с этим назначением, а в 1939 году, когда отстаивал право на свой эксперимент, – сказал М.Г. и повторил: – А вообще, Владимир Николаевич, я иногда удивляюсь Вашим вопросам». И рассказал по поводу счастья одну историю, написанную в мемуарах какого-то очень известного француза-академика. На склоне лет тот, достигший всех званий и наград, признался, что был счастлив всего лишь однажды. Он был бедным студентом и снимал дешевую комнатку под крышей дома. И однажды пережил настоящее счастье, когда услышал, как по скрипучим ступенькам к нему поднимается девушка. Больше такого счастья он не испытывал никогда в жизни.

* * *

Ответ М.Г. и рассказанная им история про француза-академика не вели к разрешению тайны происхождения наших настроений. Хотя в них был и интересный момент: даже одно по-настоящему светлое настроение, однажды снизошедшее на человека, может заполнить всю его жизнь. А нельзя ли *создавать* эти настроения, чтобы стать *видимым* «оттуда»?

Профессор Михаил Григорьевич Мещеряков

«Где Вы, Владимир Николаевич, видели, чтобы это было уже открыто на Западе? А это значит, что Вас не поймут никогда. И Вы только получите лишних врагов. Но зачем Вам это? Подумайте. Желаю успеха!» – Замечание М.Г. по поводу утверждения автором открытия «числовых характеристик красоты» и «чисел управления», позволяющих «сжимать время» в 10–100 раз. Что было успешно применено при разработке двух десятков программных комплексов для сканирующих систем АЭЛТ-1 и АЭЛТ-2/160 в 1970-х и 1980-х годах (при М.Г.), а с 1995 года применяется в ЦЕРН (Женева) в разработках информационных AIS-систем. Мне не хотелось соглашаться с ним. Но я с ним не спорил. И хотя не все, что он предлагал, было «правильно», а подчас и просто обидно, однако потом оказывалось, что именно на этом пути – самое интересное. Но, может, не самое?.. У него был гост: «За науку, которая нас кормит!».

Здание первого отечественного ускорителя – синхроциклотрона в Дубне, построенного под руководством М.Г. Мещерякова

Автор проработал два с половиной года инженером-электронщиком в «стандартной» группе физиков, ставивших эксперименты на синхроциклотроне. Как правило, мне доставалось дежурить по ночам. Один в огромном гудящем здании из бетона, где за стеной гуляет радиационная смерть, а в одной из бетонных стен, согласно легенде, замурован живо надсмотрщик над заключенными, строившими это сооружение, – это было нечто... Во всяком случае, во время дежурств хватало времени, чтобы думать, как это по тому, что можно найти в книгах, было у заключенных в одиночных тюремных камерах. И что было удивительным – я *летал* во время этих дежурств. Что-то ждало меня впереди?

* * *

Время на синхроциклотроне стоило очень дорого, Чтобы сберечь его, мой товарищ по работе, такой же молодой, как и я, физик Саша Купцов при настройке аппаратуры на оптимальный режим работы на пучке выбрасываемых из ускорителя частиц заходил в зал, где происходило облучение детектора, и в течение одной–двух минут быстро менял количество медных пластин (мишени) детектора. А я в это время «висел» на телефоне в соседнем, защищенном от радиации помещении и сообщал ему, в какую сторону отклоняется стрелка регистрирующего прибора. Однажды я *ощутил*, что тоже хочу поиграть в прятки со смертью, и Саша уступил мне «свое» место. Об этих «вольностях» никто не знал. А нам это нравилось. В науке, как на корабле, есть какая-то тайна... В это время на экранах шел знаменитый фильм «Девять дней одного года» Михаила Ромма, снятый в Дубне. Как бы о нас. И совсем не о нас.

Река Сходня
(См. текст на следующей странице)

Текст к предыдущей странице:

1957 год, станция Подрезково на железной дороге из Москвы в Ленинград. Нас, лыжников сборной команды Московского энергетического института привезли сюда в один из осенних дней для тренировки в беге по склонам оврага, по которому протекала река Сходня. Выпал первый снег. Чистый прозрачный воздух. Звериная сила в волчьих ногах. Уйти было невозможно, и мы бегали до самых сумерек. В окнах домов на другой стороне оврага начали зажигаться вечерние огни. И вдруг сердце защемило так, что я понял: отсюда мне не уйти никогда.

По окончании учебы в МЭИ я снял в Подрезкове шестиметровую комнату в деревянном доме и стал ездить на работу в Москву. Потом перешел на работу в Дубну. Но все равно приезжал и приезжал в этот овраг. Что-то странным образом притягивало меня к нему... И однажды, летом 1996 года, прочитавший к этому времени много книг по русской истории, *увидел* в хитросплетении не совсем обычных дорожек в овраге целую систему «инженерных» сооружений. Это был перевал с одной водной системы на другую, по которой в средневековые времена «шли» товары из богатой Венеции (позже – Генуи) в далекую Персию. А здесь был организован сбор мыта (налогов). И тогда же понял смысл этого странного названия – Подрезково, когда «нашел» (мы по ней бегали на тренировках) скрытную дорогу, подрезающую главную. Здесь можно было собирать мыт и скрывать его от покоривших русские земли татар! Чтобы победить их в 1380 году в Куликовской битве? Я нашел – мне было «подсказано»? – место, где живет дух победы на Куликовом поле?

* * *

«Хочешь, я покажу тебе, где живет дух победы на Куликовом поле?» – предложил я осенью 1999 года дружившему со мной Роберту Кайо (Robert Cailliau), второму автору «мировой паутины» WWW – World Wide Web, которая была создана в ЦЕРН в 1989 году Тимом Бернерс-Ли при участии Роберта. Перед его вылетом из аэропорта Шереметьево-2 в Женеву у нас было немного времени, и мне пришла мысль – свозить его в город Сходню, на другой стороне «нашего» оврага. «И где же дух? – спросил Роберт, когда мы прошли по неказистой привокзальной площади, зашли в магазин и купили для него русской водки и рыбы. – Я ничего не увидел». Но «дух» не разговаривает, он передает настроения. Мы поехали с ним дальше вдоль железной дороги до Т-образного перекрестка. Направо был Зеленоград, центр микроэлектроники, налево – дорога вела к усадьбе Средниково. «Сейчас ты сделаешь свой выбор – направо или налево, – сказал я ему. – Но на самом деле это будет не твой выбор, а – подсказка. Которая будет иметь неизвестное будущее». Он выбрал Средниково, и уже в сентябре следующего года мы провели с ним в усадьбе семинар на тему: можно ли дух поселить в Интернете? Так или иначе, но это именно в этот год я начал исследования «духа»...

Река Сходня между городом того же названия (находится слева) и поселком Подрезково. Справа находится невидимый отсюда ручей – место тайного выхода в сторону Подрезкова (2004 год)

Снимок со спутника местности с рекой Сходней между городом Сходня и поселком Подрезково

Обозначения на снимке:

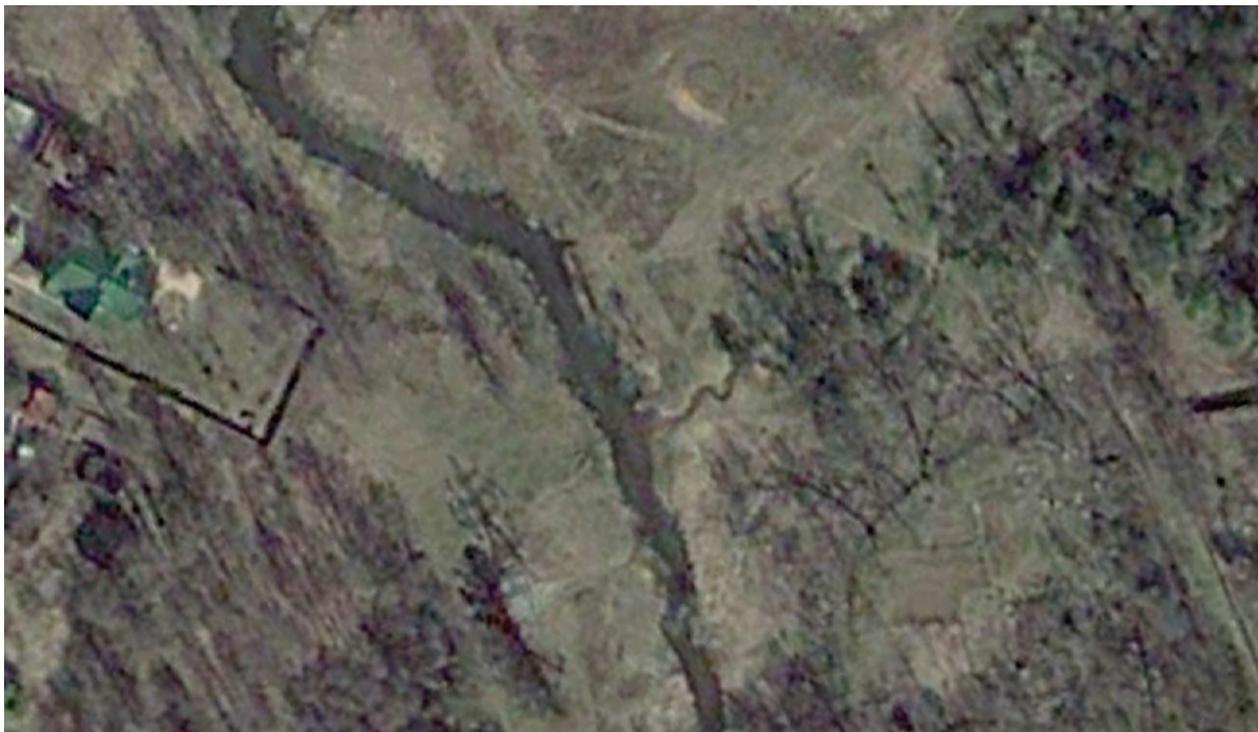
1 – место «официального» выхода из реки Сходня на главную дорогу, ведущую к реке Клязьма. Здесь расположены две искусственно вырубленных «гавани» (см. на увеличенном снимке). Отсюда начинается главная дорога, которая идет сначала направо, а потом сворачивает налево и идет в виде просеки через лес по краю другого оврага. На расстоянии полукилометра, в склоне этого оврага, слева от дороги прокопаны десять «овражков», в которых, как можно предположить, и «мытарили» провозимые товары (проверяли товары и собирали налог).

2 – место «неофициального» (скрытного) выхода из реки Сходня, в виде «гавани» в устье впадающего в нее ручья (см. дальше).

На снимке отмечено место съемки панорамного фото (см. выше).

Две «гавани», с которых начиналась главная дорога (увеличенный снимок в точке 1)

Устье впадающего в реку Сходня ручья (темная линия на снимке) и вырубленная «гавань», место тайного выхода на скрытную дорогу (идущая вправо кривая светлая линия) (увеличенный снимок в точке 2)

Искусственно вырубленная «гавань» (левая в точке 1) – месте «официального» выхода из реки Сходня на главную дорогу (снимок 2002 года)

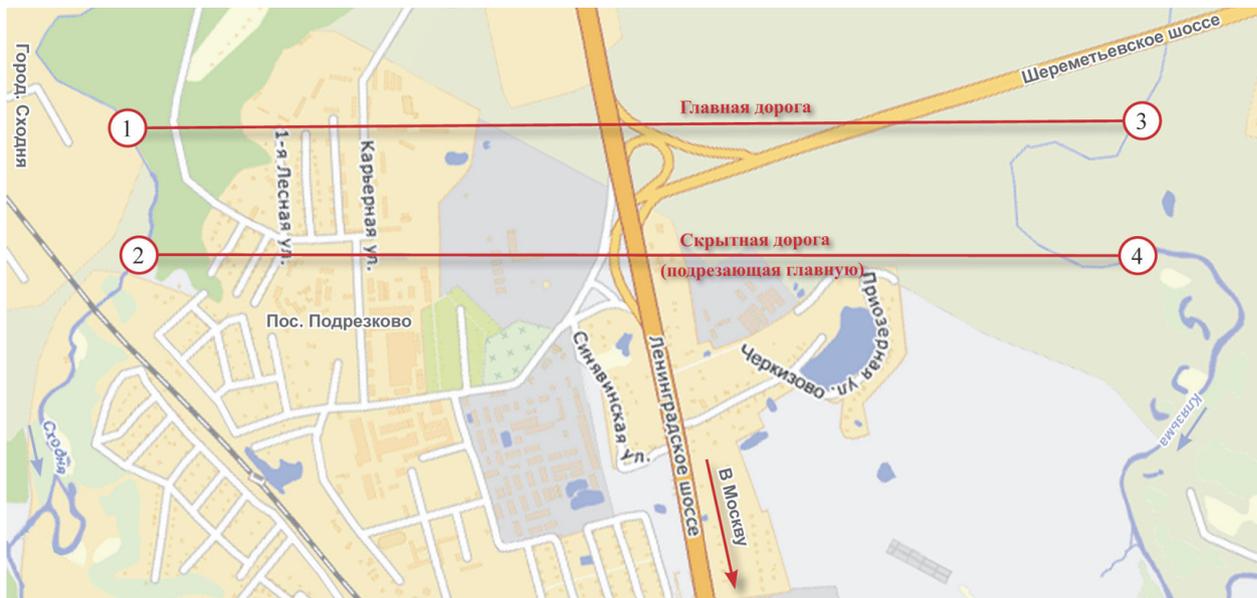
Прекрасно сохранившаяся главная дорога, проложенная, как можно предположить, в середине XIII столетия, с приходом на русские земли монголо-татарского ига (снимок 1997 года; в 2004 году этот участок дороги частично разрушен после приватизации прилегающей к ней земли)

Место тайного выхода из реки Сходня на скрытную дорогу, подрезающую главную. Идущая от мостика дорожка пересекает остатки земляного бруствера. «Гавань» и устье ручья расположены правее, на снимке виден только самый край «гавани»

Почему, делая этот снимок в 1997 году, я *не увидел* самой «гавани»? Правда, с другого берега реки «гавань», частично заросшую по краю травой, разглядеть было непросто. И все же дело не только в этом. Похоже, истина открывается не сразу. И когда в ноябре этого, 2009 года я *увидел* на снимке со спутника квадрат «гавани», то уже на следующий день был на месте. Пробираться сюда со стороны главной дороги пришлось по крутому склону засыпанного мокрым снегом оврага, иногда на четвереньках, разгребая руками снег, чтобы добраться до травы, что позволяло не скатиться вниз. Но уже ничто не могло остановить меня ...

Неуверенность и страх... Это были *такие* ощущения, что они запомнились на всю жизнь. Я испытал их, садясь в трамвай в декабре 1960 года на нашей остановке «Лефортовский вал», чтобы ехать на Ленинградский вокзал и оттуда на электричке в Подрезково. Где мне тогда словно с Луны свалилось – снять комнатку и получить московскую прописку. Но почему мне стало *вдруг* страшно на трамвайной остановке? Кто-то скажет, что я уже тогда предчувствовал, раз уж я *такой*, что буду аж на восьмом десятке ползать здесь на четвереньках... Что ж, может, и это...

Карта местности между реками Сходня и Клязьма.

Две линии отражают схематично главную и скрытную дороги
(соответственно между точками 1–3 и 2–4)

Замечание. Здесь на карте мы видим поселок Подрезково, от которого идет скрытная дорога. А ниже я говорю о том, что сначала сбор мыта собирали в Мытищах. Как оказалось, там тоже есть поселок с подобным названием – Подрезово. Видимо, это именно там начинался в XIII веке «эксперимент» с сокрытием от татар сбора мыта.

Снимок со спутника реки Клязьма с «гаванями»,
в которые входят главная дорога (точка 3) и подрезающая ее (точка 4)

Христианская Святая Троица разделяется на Западную (католическую и протестантскую) и Восточную (православную). Разница – в трактовке Святого Духа. В первом случае, считается, он несет энергию мужского начала в Природе, во втором – не несет, а ведет человека к погружению в Красоту. Что уходит в спор о *Filioque*. А Бог Сын и на Западе, и на Востоке, также раздваиваясь, проявляется одинаково. Он выражает либо свободу духа («время разбрасывать камни»), либо несвободу и дух коллективизма («время собирать камни»). А это отражается в расколах.

Принимая в X веке христианство восточной ориентации – я отметил бы здесь поход киевского князя Олега Вещего в 911 году на Константинополь (когда он прибил щит на его ворота), – Киевская Русь (киевские руссы) заменяет в своем ареопаге Богов, где выделялась дохристианская Троица – Сварог (сварганивший этот мир), бог войны Перун и бог любви и красоты Святovit, – жестокого Перуна на мягкого Иисуса Христа, заключавшего в Своей двойной ипостаси не только жесткий коллективизм, но и ведущий к расцвету творческих сил индивидуализм. На первых порах, когда руссы были воинственным народом, новым был индивидуализм. Армия и индивидуализм? Именно. В такой армии, в которой воин делает шаг в сторону *личности*, проявления им личной инициативы, взлетает *дух*. И армия начинает побеждать везде. Это мы видим в Киевской Руси на протяжении всего X века и первой трети XI века, когда был разгромлен главный враг – хазары. Но затем, в мирное время, с очередной сменой поколений, когда нет врага и «интеллекту» незачем идти в армию, всегда наступает расцвет культуры – что мы и знаем по правлению великого князя Ярослава Мудрого. Но по этой причине культура – это еще и разброд, ведущий к гибели. Это и происходит.

Междоусобицы во второй половине XI века. Приход тюрков-половцев, которых привлекала красота славянской женщины. Неспособность защитить честь перед остановившемся на ночь на твоём дворе татаринoм (так будут называть, обобщая, всех восточных воинов). И возникновение вопроса: что дороже – богатые киевские земли или свобода и честь? Ответ дал великий киевский князь Владимир Мономах: честь. Умный и сильный, он придавил половцев, но также основал город своего имени в 1000 километрах на северо-восток от большого Киева, куда под защиту

лесов и болот его сын Юрий Долгорукий и внук Андрей Боголюбский начинают переводить будущих великороссов. Вокруг города Владимира ставятся три крепости – Москва (как крепость в 1156 году) для защиты от остающихся в Киеве, Тверь (1208) для защиты от братьев-славян в Великом Новгороде и Нижний Новгород (1221) для защиты от тех, кто поплывет с востока по Волге.

В это время Европа экспериментирует с Крестовыми походами. Последний заканчивается в 1204 году взятием Константинополя и открытием торгового пути между богатой купеческой Венецией (через шестьдесят лет ее заменит папская Генуя) и Персией. По Днепру и Волге идет поток товаров с перевалом в Москве. И здесь с него собирают мыт (налог) в нынешнем подмосковном городе Мытищи. Как и полагается, вознесшийся дух свободы, связанный с уходом из Киева и удалением от греческих патриархов (что вело к повышенной личной ответственности человека), привел сначала к победам на новых землях, потом к расцвету культуры (вспомним хотя бы храмы во Владимире), а затем жди поражения? Так все и было. В 1237 году на русские земли приходят монголо-татары, и хан Батый облагает все доходы Владимирского княжества 10-процентным «выходом». Вот тогда – эту дату еще никто не исследовал – сбор мыта был перенесен с места перевала в Мытищах, куда по рекам Москва и Яуза плыли торговые суда *под контролем* со стороны Боровицкого холма, на удаленное на двадцать пять километров от центра Москвы *плохо контролируемое* новое место – в нынешний город Сходню. Где был оборудован «официальный» выход из реки Сходни для перевала на текущую на восток реку Клязьму, и это был главный путь, а также – «неофициальный», подрезающий главный (это место показано на фото). Там возник поселок Подрезково. И это там, по моим представлениям, Москва собирала неучтенный мыт, который стал, как это видится, материальной основой в процессе ее возвышения до столицы русской земли.

Кто дал ход этой идее? Опять же *видится* – князь Александр Невский, чей сын Даниил вдруг оказался при деньгах и стал прикупать к Москве Можайск, Коломну и другие земли. Потом были братья-интриганы Юрий Московский и Иван I Калита (калита означало – кошель). А затем пришло время победы на Куликовом поле (1380) и благословившего на эту битву московского князя Дмитрия (ставшего Донским) преподобного Сергия Радонежского. И еще через сто лет Московская Русь стала Россией.

1380 год. Преподобный Сергей Радонежский и московский князь
Дмитрий Иванович перед сражением на Куликовом поле

Русская Святая Троица – это ориентация на Красоту. Но проникнуться духом погружения в Красоту можно только *светлой* душе. «Осветление души» – это то, о чем говорил преп. Сергей. Но и этого еще мало. Нужно *страдание*, когда становятся видны истинные ценности в нашей краткосрочной жизни. И к этим истинным ценностям относится любовь, но никак – не власть и не богатство. Страдания на русскую землю принесло монголо-татарское иго. Но они же (татары) перерезали путь по Днепру, удалив Русскую Церковь от власти киевского митрополита.

Это создало редчайшую предпосылку для возникновения в пространстве христианской культуры уникальной возможности – соединить Красоту (а это женское начало, направленное на «порабощение» мужского духа) с неограниченной ничем свободой духа (что ведет мужское начало на «небеса» – в поэзию; во *всем* – и в искусстве, и в любви, и на войне, а в наше время – также в науке). Но для этого *кто-то* должен был пренебречь властью и стать здесь первопроходцем. Им и стал преп. Сергей.

Потом были Иван Грозный, патриарх Никон, Николай I, наконец – Ленин. Но дух русского староправославия уже вошел в русские души. Его единственная проблема – в нем нет *движения*. Проявления мужского духа. «Природными инструментами» решения этой задачи в отношении народа и были в русской истории монголо-татары и разные «деспоты». Но на *индивидуальном* поле, где, как в поэзии или в принятии решения о выступлении против татар, приведем к Куликовской битве, нужно было нечто иное – то, что улавливается только в *одиночестве*. Что мы и назовем поэзией, и при том – в самом широком смысле. Секрет поэзии очень прост: его вершина – *красота*, но постигается она только в *движении*. Последнее совершенно естественно для немца и самое сложное для русского. И это от неспособности понимания немцем смысла в *красоте*, а русского – в необходимости поиска ее в *движении*, как мне это видится, и происходили все войны между нашими народами. Что остается за чертой понимания не только политиков, но и интеллектуалов-философов. Ибо ни тем ни другим это не доступно. Но оно тем не менее может быть доступно *кому-то* – как это можно увидеть на примере преп. Сергия. Поэта русской земли. Творца природы гения русского духа. На скучном языке философии поэтическое творчество называется *синергией*.

В 1969 году автор в возрасте 31 года был приглашен на полгода в ЦЕРН для участия в создании сканирующей системы ERASME, применявшейся затем для обработки фотоснимков со строившейся тогда Большой европейской пузырьковой камеры.

По приезду в Женеву произошел смешной случай. Я пригласил к себе в отель немца Эдвина, с которым учил немецкий язык в обмен на изучение им русского, чтобы выпить «по быстрому» русской водки. Мест для парковки его автомобиля на улице не нашлось, и мы заехали – «А, была не была!» – на частную стоянку. Возвращаемся – наш автомобиль заперт сзади приехавшим на свое место такси. Сбоку, отрезая нам выезд, стоит маленький красный «форд». Вдруг рядом с нами глохнет мотор проезжавшего мимо «фиата», и из него выскакивают два парня-итальянца. Меня осенило, и мы вчетвером откантовали «красного американца» в сторону и выбрались из ловушки. «Американца» закантовали обратно. Я поднял в прощальном приветствии руку: «Vivat Italia!» – В ответ: «Vivat Russia!». «Фиат» почему-то сразу завелся и уехал. Назавтра – вызов Эдвина в полицию: он должен заплатить штраф и дать, по требованию таксиста, объяснение: как выбрались из «клетки»? Штраф Эдвин заплатить соглашался, а давать объяснение таксисту отказался – в Швейцарии на такой случай закона придумано еще не было. В конце концов «доведенный» таксист предложил компромисс: штраф не нужен, пусть только «злодей» даст объяснение. «Фиг ему!» – заявил Эдвин.

А что до изучения языков, то через месяц я уже говорил по-немецки, а Эдвину, «получившему урок» с познанием русского, было предложено ограничиться заучиванием молитвенного и спасительного – русского мата. Он легко осилил эту несложную премудрость и стал, здороваясь, спрашивать: «Хау а ю? Ни х...?»

С подобных простых шагов – со временем я буду называть это созданием в кратчайшие сроки ядра решаемой проблемы (действующего ядра создаваемой системы), и здесь важно именно *движение*, что подвластно нашей воле, – и начался мой путь к изысканиям роли *красоты* в вопросе *управления временем*. Что привело к *антропокосмической модели Вселенной*, где русский дух поначалу следует за гордым немецким, а кривая линия гордости воспроизводит известное для научных теорий: сначала нет ни х..., потом вспыхивает фейерверк, а в конце – опять нет ни х...

Женева

15 ноября 1969 года. Суббота. Самолет Москва–Женева «прошел» над озером и сел. С корабля – на бал. Летевший со мной физик в тот же вечер пригласил меня принять участие в party (вечеринке). Я надел черный костюм с белой рубашкой и черным галстуком. Все остальные оказались одетыми либо в свитера, либо, если это был костюм, то с яркими кричащими галстуками. Женщины были одеты очень красиво. Одна, высокая черноглазая красавица немка, сама подошла ко мне и стала расспрашивать про мою жизнь. Оказалось, я понимаю и могу ей кое-как отвечать: женат, семилетняя дочь Ирина пошла в первый класс. (Ирина в пять лет: «Я уже все понимаю, но что-то никак не могу понять: откуда солнце взялось? Где лежат нитки с иглой?») Мы встретимся с ней в следующий раз только в марте 1992 года. После многих лет перерыва, в которых был 15-летний из-за моей глупости (отказа стать «славным чекистом» с помощью всего трех букв), я снова приехал в Женеву, и мои друзья устроили для меня party. И она, узнав, пришла. А тогда, на следующий день после прилета в Женеву, я решил сделать «проверку». Вышел закоулками на бульвар вдоль Женевского озера, досчитал до пяти и выскочил обратно. Тайный агент должен был в это время бежать большими шагами по переулку. Но там никого не было.

* * *

Уже через неделю после приезда в Женеву мне было предложено каждую субботу играть в футбол в русской команде, организованной при Миссии нашего СССР при Организации Объединенных наций. Кроме нас, «физиков», там были (играли) представители еще нескольких учреждений – Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и других. Но мне запомнилась только эта.

Один из игроков ВОЗа однажды после игры, когда мы сидели в кафе и пили пиво – на что в Миссии специально выделялись деньги, – стал расспрашивать меня о нашей работе в ЦЕРН. Я увлекся и стал говорить ему о том странном явлении, которое было в то время связано с массовым непониманием роли человека в Природе. Поскольку, однако, мой собеседник тоже был на стороне тех, кто верил в возможность создания искусственного интеллекта на основе компьютеров, то мои доводы привели его в восхищение. «Я бы никогда не поверил, что можно так интересно рассказывать о человеке и компьютере, – сказал он. – А что ты думаешь о Сахарове?»

Про Сахарова я ничего не слышал. И спросил: а кто это? Больше я его не интересовал.

А я нашел книжный русский магазин и отыскал в нем полку с книгами диссидентов. Но они показались мне скучными и неинтересными.

* * *

Прошло два месяца, и меня пригласил в гости руководитель группы, в которой я работал, Курт. Я принес с собой купленную в Миссии бутылку водки «зеленая головка», как мы ее называли. А официальное название у нее было «Московская особая».

Жена Курта, похожая на американских киноактрис блондинка, объявила, что мы будем есть итальянскую пиццу. И ушла готовить ее на кухню.

Курт посадил меня за стол и стал рассказывать про свою жизнь. Его отец был шкипером на небольшом корабле и утонул, когда корабль подорвался во время войны на mine. Закончив эту часть рассказа, он поставил на стол малюсенькие рюмочки, грамм на двадцать, и налил в них водку.

«Если пить такими порциями, по-шкиперски, то к концу мы совсем окосеем», – подумал я. И решил, что ни за что не сдамся сыну морского волка.

На столе появилась пицца. Я никогда еще не ел ее, и меня поразил вкус итальянцев: это было сырое тесто, напичканное свежими помидорами и сырыми же сосисками вперемежку с жесткими кусками колбасы. Наверное, если бы это были просто лягушки в тесте, то и то их было бы есть намного проще. Чтобы не ударить в грязь лицом и не показать, что капризничаю, я попросил дать мне большую кружку чая. И стал заглатывать как можно большие куски этого очень странного кушанья, запивая каждый кусок приготовленным специально для меня чаем из полулитровой фарфоровой кружки. Увидев, что я быстрее других справился с «едой», хозяйка положила мне на тарелку второй кусок пиццы.

Я с тоской смотрел на стоящую на столе бутылку, но предложить выпить из нее так и не решился: мало ли что на уме у этих немцев...

Часа через два Курт говорит: «До чего ж хорошо пошла! А не выпить ли нам с тобой еще и по второй?»

Пройдет несколько лет, мы с Куртом давно станем друзьями, и однажды я расскажу, как в тот первый раз ел в его доме пиццу. На которую с тех пор не хочу даже смотреть.

И тут оказалось, что его жена вообще никогда ничего сложного не готовит, а в тот раз, ради русского, набралась храбрости и взяла первый раз в жизни поваренную книгу. И выбрала пиццу.

А потом они долго обсуждали этот ужин. Но не ее пиццу, а то, что русские сначала пьют чай, а уже затем только кушают.

* * *

Самым сложным оказался третий месяц. С работой все шло хорошо. Раз в неделю устраивался семинар, и я отчитывался на нем. Но «тоска по родине» достигла в это время своего апогея. А в довершение ко всему меня втянули в «службу» разведчика.

Отвечавший за этот участок работы сотрудник нашей Миссии при ООН, совершенно безлика серая личность, вызвал меня и предложил побеседовать с представителем некой «фирмы», которая, как он объяснил, занималась поставкой в СССР новейшей электронной элементной базы.

Моя задача была простая: помочь фирме в составлении перечня такой базы, опираясь на опыт работы в ЦЕРН. Отказываться было как-то неудобно, и мы пришли на эту «фирму».

Это была простая двухкомнатная квартира в доме недалеко от Миссии. Нас встретил ее хозяин, пиджак и галстук, и закричал с порога: хау ду ю ду? И протянул радостно руку.

В глубине квартиры за пишущей машинкой строчила, как из пулемета, дама-секретарша. В ее стрекоте не было совершенно пауз. И то ли она была такая талантливая, то ли ее задачей был чистый стрекот, но только чувство идиотизма происходящего никак не покидало меня с момента, как открылась входная дверь.

Мне предложили заполнить какие-то подробные анкеты на меня и на всех членов моей семьи. Я спросил: зачем это? Мне ответили: чтобы посылать вам всем поздравления к дням вашего рождения.

Из-за границы? Поздравления?

Даже я, ничего не знающий толком в этой жизни, и то ощущал: чушь какая-то. Мало ли что можно зашифровывать...

Однако анкеты заполнил и расписался. А потом получил задание: придти в назначенный день со списком электронных схем.

В этот день, придя снова, я обнаружил, что квартира закрыта. И никто никогда мне не дал никакого объяснения. Осталось только чувство какой-то мерзости. Может, меня просто проверяли «свои»? По крайней мере, на работе отношение ко мне никак не изменилось.

Все смешалось... Я пошел к руководителю Советской миссии, очень уважаемой (говорю искренне) даме по имени Зоя Васильевна Миронова, и попросил ее отпустить меня обратно, домой. Но она отговорила меня писать такое заявление, сказав о том, что Родина ждет от таких, как я, подвига и победы в науке.

Вскоре после этого я попал в госпиталь. Прыгнул во время соревнований по волейболу вверх, чтобы «погасить» мяч, и там на меня *нашло*. И скрутило. Так и приземлился – на подвернутую ногу, и разорвал что-то в области щиколотки. Пришлось вызывать машину скорой помощи.

Три дня я пролежал в белоснежной палате. Ко мне пришел Курт и принес фрукты. Еще через пару дней я уже приковывался к работе. А потом все забылось: молодость. И я даже занял 2 место в забеге на 1500 метров 9-го мая, в день Победы. И получил приз.

А за месяц до этого Курт пригласил меня «для разговора» и сказал: «Ты сделал большое дело. И мы победили. Но ты только работал, а мы знаем: все русские имеют задание – собирать информацию. Однако ты это не делал. И теперь, по возвращении, у тебя возникнут неприятности. Поэтому мы решили: вот ключ от сейфа с документацией на всю нашу систему. Ты будешь первым русским, который получает такое. Бери и работай с сейфом».

Я вспыхнул: брать ключ было нельзя. В этом было что-то *нечистое*... И ответил отказом.

Курт удивился и повторил предложение. А я уже понимал: это было *неспроста*. Такое мгновение упустить нельзя! Но где оно, это единственное истинное решение?..

Сгораю от напряжения, а время летит: секунда за секундой...

И *оно* пришло – решение, которое изменило всю мою следующую жизнь. Я сказал: «Пусть будет так: завтра я принесу вам список вопросов, которые найду интересными, а вы мне сами подберите по этому списку имеющуюся в сейфе документацию».

Это было действительно именно то, что нужно: что бы я делал с этим битком набитым бумагами сейфом? Да еще на английском языке... Но что мне ответят на эту «наглость»?

Молчание. Кажется, еще немного и я сгорю до тла. А потом Курт и присутствовавшие при этом разговоре еще двое сотрудников стали хлопать в ладоши. Это были аплодисменты.

* * *

На следующий день я передал семь вопросов, после чего были назначены семь ответственных за подборку документации по каждой теме и составлен график *их* работ. Мне оставалось только приходить в согласованное время и получать.

Но что я буду делать с этой бесценной информацией? Ведь дома я почти никто – в это время даже мой первый сканер еще не был запущен в эксплуатацию. И потому – где мне достать, начиная с уникального объектива, требуемую по качеству элементную базу? Я знал: не достать нигде. И оставался лишь один выход: получить ее здесь же, в ЦЕРНе, для создания *моего* второго сканера в СССР. Вот только как это сделать? Не идти же советоваться с дураком-разведчиком?..

И тут пришла одна мысль.

Это была абсолютно наивная мысль: «сыграть» на том, что о России говорят, что это – *необыкновенная* страна.

С этим, правда, согласны не все. Но что мне все эти «не все»? Пусть кто-нибудь из них построит хотя бы один сканер, не говоря о выполнении блестящей разработки в ЦЕРН. А уже потом рассуждает о стране. Где все действительно просто плохо, сплошной хаос, но в то же время – и по той же причине – и все возможно.

И я знаю, как считал тогда, некую тайну, которая ведет русских к победам. Объяснять ее бесполезно: кому *дано*, тот и *так* это знает. На это и была направлена моя странная мысль.

Загадка России – в поэзии. А поэзия – это свобода и тоска о любви. Но только для этого надо, чтобы было о чем тосковать. А именно это и есть то, по чему «умирают» русские за границей.

А вот у них *такого* нет. В чем я и решил им *помочь* – показать Россию, ее *прекрасную* сторону, в обмен на элементную базу.

Первое – об этом никому нельзя было говорить. Вокруг все были «такие умные». И обратиться к кому-либо за советом означало – только вызвать смех. (Как это относится и к настоящим временам, когда кто-нибудь говорит что-либо хорошее о России.)

Второе – надо было решить: вносить ли мое предложение о сотрудничестве с *прекрасной* Россией – тогда я думал только о женщине – сразу или же отложить на последний момент? Отложить было эффективнее, но кто гарантирует, что в последние дни найдутся «все, кто надо», чтобы согласовать мое предложение?

Угадать в этом вопросе было невозможно. Можно было только положиться на судьбу. Что я и решил сделать.

Наконец, третье: я решил создать *настроение*. Для чего перестал ходить в ЦЕРН и целый месяц шлялся по городу в надежде, что обо мне начнут забывать. А это значит: время высветит нашу победу *в прошлом*, и я, товарищ по борьбе – а она была жестокой, – стану «легендой».

Наверно, это все выглядит не очень надежно. И для умных – наверняка ненадежно. Тем не менее – сработало. А я даже попробовал в это время начать писать повесть, которая получила потом название «Черное озеро». Благо, времени было предостаточно.

Тогда я еще не знал, что этот, последний, штрих будет иметь самые большие последствия: фактически это тогда и была начата моя карьера пишущего мыслителя. Что стало возможным именно потому, что я тогда *не спешил*. А это, как знаю теперь, в поисках истины (а к ней нас ведет *настроение*) – самое главное.

Но вернемся обратно, в ту середину мая 1970 года, когда я выступил с предложением о нашем сотрудничестве. И победил.

За два дня до возвращения в Россию я устроил прощальный party в виде производственного банкета с выпивкой для коллег. На party полагалось сказать речь, и я ее подготовил.

Но это должна была быть не просто «какая-то речь», а речь настоящая, способная дойти до самого сердца. И я построил ее на том, что вначале наговорил немного глупости – о том, что вот я, приехал к ним на Запад из страны, строящей будущее челове-

ства, но нашел «что-то вроде человечества» и тут. И мы стали товарищами (камераден). И сражались вместе, одержав нелегкую победу. А теперь пришло время расставаться. Возможно навсегда. Я уезжаю от них обратно, к себе домой, в мою Россию, которую люблю. Где в лесных озерах тихо светят далекие звезды...

В конце я переходил на *поэзию*, что вместе с выпитой под речью водкой и моим новым статусом «человека-легенды» должно было создать то самое настроение, во имя которого я все это и городил. Но вот поймут ли меня? Не решат ли, что я говорил в том смысле, что и в озерах у нас светят все те же *красные* звезды?..

Наконец, настал тот день, и мы собрались. И тут я, и так чуть живой, обнаруживаю, что допустил ошибку: забыл заказать в ресторане стаканы. И делаю вторую ошибку: иду туда, в ресторан, один. При том, что там говорят только по-французски.

Все же я смог объяснить, что я – русский. Делаю party с водкой и закуской. Что мне надо 30 стаканов. Вот залог – 50 франков. Завтра стаканы верну...

В ответ тоже понял: мы видим – ты хороший парень. Но также и болван. Друзья ждут выпивки, а ты тут что-то нам объясняешь. Беги бегом к ним (показали пинок под зад) и тащи свои стаканы.

Как дошел, не помню... Только вижу, как хочу попасть в проем двери в коридоре и чувствую, что не попаду. Наклонил поднос на себя. В проем не попал, задел плечом. Стаканы поехали, но не упали: спас заготовленный наклон подноса.

Разлил водку. Все хотят понемногу – грамм по двадцать. Себе налил целый стакан, «чтобы встряхнуться». Сказал свою «поэтическую» речь. Выпили. И тут вижу: никто пить со мной не захотел. И я понял: наговорил про звезды на свою ...

Через полчаса, однако, все встало на свое место. Все уже пили и пели песни под мою гитару: «Расцветали яблони и груши...» Тогда я спросил своего приятеля-норвежца: а почему не пили?

«А! – ответил он почему-то шепотом. – Мы в книжках читали о том, как русские пьют по двести грамм и не закусывают, но – ни разу не видели!»

Я подошел к Курту и сказал, что мы могли бы в общем и не расставаться. Предложение вызвало общий восторг.

Так я подметил еще одно правило, которое может быть выражено известной пословицей: «Помогают лошади, которая везет».

Да, еще предстояло дожидаться разрешения из Соединенных Штатов, а меня ждал донос в КГБ. Но это уже не имело значения.

* * *

Когда я вернусь из этой шестимесячной поездки в Женеву, меня спросят: что было самое сложное? И я отвечу: отсутствие женщины. Так, ставший мне в ЦЕРНе другом грузинский физик Вова Роинишвили рассказал про это одну забавную историю.

Вконец соскучившись по *этому делу*, он решил посетить одно веселое заведение под названием «Ва-ta-clan». А чтобы не чувствовать себя там неловко, пригласил двух русских приятелей.

Ничего *такого* там не оказалось, были накрыты столики, а на сцене танцевали стриптизерши. Одна из них, разглядев горящие глаза грузина, спустилась в зал и села к нему на колени. Как он рассказывал, она была мокрая (от танцев) и оттого противная. Он хотел было уже прогнать ее, но она заказала шампанское (очень дорогое в таких заведениях) и обняла его. Пришлось и пить.

Пришел черед платить, и с них взяли бешеные деньги – 500 франков. У них вытянулись физиономии, к тому же *обнимался* только Вова, и так этот «праздник» закончился для него, гусара с шампанским, тем, что он только и мог сделать тогда в финале: небрежным жестом заплатив один за общественное удовольствие.

Через несколько дней «друзья» пригласят его сыграть в преферанс. Он выиграет, а они проиграют ровно 2/3 этой суммы...

* * *

Другую историю рассказал один русский физик, с которым мы играли в футбол.

По приезде в Женеву он понял, что если не найдет себе бабу, то помрет. Уже дважды он терял сознание: один раз в магазине, начав листать книгу «Мужчина и женщина» и дойдя до известных картинок, а другой раз – в кино с порносодержанием.

В это время подошел Новый год, и всем русским было настоятельно рекомендовано провести его встречу в нашей Миссии при ООН. Чтобы не дай Бог не случилось чего с советским человеком (живущим без женщины по шесть месяцев в центре Европы). И ему почему-то *показалось*, что на этом празднике *что-то будет*.

Собрались. Все физики, пятнадцать человек работающих в ЦЕРН, уместились за одним столом, около входной двери.

Подходит администратор и предлагает половине перейти за другой стол. На их место сядут семь женщин. Наш бедный малый, которому предчувствие подсказало решение, смотрит: кто из посаженных за стол не нравится ему меньше других, и приглашает ее (когда уже начали танцевать) на танец.

Рядом входная дверь и лестничная площадка. Он понимает, что надо действовать. Нина, назовем ее так, не возражает, если они будут танцевать на лестнице. Он ее целует. Она отвечает.

В четыре часа праздник заканчивается и все разъезжаются по домам. Он вызывается проводить ее.

«Надо было немного раньше, пока еще все оставались в зале, – сказала она с некоторым раздражением. Но тут же взяла себя в руки. – А, черт с ними. Пойдем».

Машины останавливались около них, и «друзья» предлагали Нине подвезти ее.

«Спасибо. Мы прогуляемся», – отвечала, улыбаясь, она.

Около ее дома она спросила: «Хочешь зайти на чашку чая?»

Именно этого он и хотел.

«Ты останешься или пойдешь домой?» – спросила она, когда он вместе с чаем получил еще и предложение выпить коньяка.

«Останусь». – Иначе зачем же он и пришел сюда?

«Тогда я первая пойду в ванну», – сказала она.

Через десять минут она вышла в распахнутом наполовину халате. Пытаясь снять ботинки, он никак не мог поймать трясущимися руками шнурки. Разозлившись, махнул ногой так, как если бы бил пенальти. Ботинок слетел и ударился в потолок...

Его не любили, но он был ей тоже нужен. Вербуясь за границу, она обязалась не выходить замуж.

Он приходил к ней раз в неделю, предварительно позвонив по телефону и задав любой ничего не значащий вопрос. Если она отвечала положительно, значит, сегодня можно было прийти.

Перед входом лежал резиновый коврик, и прежде, чем нажать кнопку звонка, он смотрел: не сдвинут ли он хоть чуть-чуть. Если сдвинут, то он должен был не обнаруживать себя и уйти. Сдвинуть коврик можно было одним легким движением ноги.

«Дай мне клятву, – сказала она в первый же день, – в том, что, если нас поймают, даже взломав дверь и найдя нас вдвоем в постели, ты при вызове тебя на разборку к шефу КГБ, следящему за нравственностью, будешь говорить: меня там не было. Пусть нас видели, пусть это будет даже комиссия. Но тебя здесь не было, и все тут. И я буду говорить то же самое. Тогда от нас в конце концов отстанут. Ты понял? Тогда клянись».

За месяц до возвращения домой он пришел к ее двери. Коврик лежал не сдвинутым.

Он повернулся и стал спускаться по лестнице.

Ночь на Женевском озере

(В 1994 году начнется новое участие автора в работах ЦЕРН – по созданию AIS-систем)

«Какая странная судьба... Пишу в Женеве, сердце рвется на речку Сходню. Никогда она ко мне уж не вернется.

Вода – тоска. Громада-зверь-тоска в Женеве. Зачем, куда течет вода? Так трудно верить, что не напрасно. Именно туда. Что жертвы нет, а есть – судьба...»

(Автор, февраль 1997 года. В этом году при переиздании своей книги «Москва – старинный город» автор напишет, что существует всего три фундаментальных вопроса, заданных человеком: **почему** так устроен мир, **как** он устроен и **куда** идет развитие Вселенной? Через семь лет выяснится, что до автора никто не задавал третьего вопроса, а из первых двух «вышли» Ветхий Завет, Новый Завет и Коран, наука и философия.)

2005 год. Банкет в Московском инженерно-физическом институте (государственном университете) по случаю вручения диплома Почетного доктора МИФИ помощнику генерального директора ЦЕРН Николасу Кульбергу (в центре). Справа от Н. Кульберга – ректор МИФИ профессор Борис Николаевич Оныкий и автор.

Чтобы пробиться в ЦЕРН к работам по созданию AIS-систем, применение которых сделало прозрачным построение ускорителя Большой адронный коллайдер, автор написал книгу «Москва – старинный город», где изложил основанный на староправославной культуре метод «сжатия времени» в 10 и более раз, и предложил эту книгу еще в рукописи Н. Кульбергу (август 1994 года). И Кульберг поручился за автора.

* * *

Справка. Отец Николаса – Николай фон Кульберг был белым офицером в армии Врангеля. Крым, Турция, Франция – Марсель. Здесь он встретил дворянку Елизавету Траскину. Николай родился в 1941 году. Окончил филологический факультет Университета в Экс-ан-Прованс под Марселем. С 1966 года – в ЦЕРН. В 1996 году по поручению нобелевского лауреата Карло Руббиа он с министром науки России Борисом Салтыковым организовал договор между Россией и ЦЕРН на сумму 120 миллионов долларов, что спасло российскую физику высоких энергий. При этом деньги остались в России – на заводе им. Хруничева и других.

Николас Кульберг – «ключевая фигура» в пространстве активности автора. Сам себя я ощущаю как бы подвешенным в некоем звездном – возможно, уже потустороннем? – пространстве. И при том держащим в своих руках чуть ли не будущее всего человечества: именно так видится значение подхода со «сжатием времени». Для чего мной вне какой-либо подсказки создана группа работающих в ЦЕРН талантливых российских специалистов, а сейчас затевается налаживание учебного процесса в российских университетах по тематике AIS-технологий, без применения которых ни одно высокотехнологичное направление (нанотехнологии, биотехнологии, ядерная физика, исследования космического пространства и другие) успешно развиваться не смогут. И все же и не это самое главное. Главным является заданный мной вопрос: **куда** идет развитие Вселенной? И данный ответ: в сторону наращивания «массы» Красоты.

И это здесь я летаю. А с реальным миром, в котором звездой первой величины сияет ЦЕРН и в его лучах мерцает едва заметная звездочка наших планов по налаживанию принципиально нового подхода к международному сотрудничеству на основе *возврата к духовности* с особой ролью России и русской культуры, меня связывает ниточка в лице друга – Николаса Кульберга. Француза из русских белоэмигрантов времен Гражданской войны. И мне хочется рассказать здесь о нем подробнее.

Сначала еще несколько слов о его отце. После поражения Белой армии от Красной в Крыму его отец, белогвардейский офицер Николай фон Кульберг, оказался в Турции. Потом их, русских белогвардейцев, посадили на пароход и отправили в Аргентину. Когда пароход остановился около Марселя, Николай прыгнул за борт и доплыл до французского берега. Без верхней одежды и документов. Французы приняли его в этом виде – в их крови есть что-то от д'Артаньяна. Таким же увидела его юная Елизавета Траскина, будущая мать его троих сыновей – нашего Николаса и двух его братьев, Сергея и Андрея. Последний, замечу, стал профессором философии.

А в дворянке Елизавете Васильевне Траскиной представлены два старинных русских рода – князей Голенищевых-Кутузовых и графов Капнистов. Ее отец, Василий Дмитриевич Траскин, был в царское время прокурором в Одессе. В 1919 году, во время революционной смуты, он с семьей, включавшей дочерей Лизу и Олю, перебрался на время (как считал, года на два) в Болгарию, в Варну. Но потом, разобравшись в происходящем, сменил Болгарию на Францию, где в Марселе жила его сестра Анюта (по-домашнему – Нюта).

Жизнь эмигрантов сладкой не бывает. Создав семью, Николай фон Кульберг и Елизавета Траскина (сменившая фамилию на Кульберг) стали жить в Марселе. Николай был «помешан» на автомобилях. Это послужило основой того, что он совместно с одним французом открыл гараж по их ремонту. Официально эмигрантам бизнес был запрещен.

Их совместный гараж числился за французом. И когда дело встало на ноги, француз «настучал» куда надо, и их дело перешло в одни руки. Николаю пришлось начинать все сначала.

Постепенно, однако, все наладилось, и семья даже приобрела собственный дом с садом на окраине Марселя. Каменный дом с окнами в сад стоял на покрытой травой улице (потом ее асфальтировали) с гордым названием бульвар Независимости, на спуске с горы, с которой открывался вид на гавань Марселя, всегда заполненную кораблями.

Мне довелось побывать в этом доме в 2000 году, последнем году жизни мамы Николаса – Елизаветы Васильевны. Она была больна, и он поехал, по существу, попрощаться с ней. И пригласил нас с Еленой.

Утром на завтрак пришли оба его брата, Сергей и Андрей (напомню, философ), и мы встали из-за стола только в шесть часов вечера. После чего я попросил Николаса спустить нас с горы к гавани, чтобы хотя бы окунуть руку в воду Средиземного моря.

Но вернемся во времена Гражданской войны. Не все Траскины покинули Россию. Дома осталась двоюродная сестра Елизаветы Васильевны – Ольга Владимировна, у которой родился сын Володя (работает в МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент). В 1975 году Николай Кульберг, который в это время был представителем администрации ЦЕРН в Институте физики высоких энергий в подмосковном городе Протвино, где в 1967 году был построен самый мощный в то время ускоритель, восстановил связи между разорванными более полувека назад семьями Траскиных – эмигрировавшей из России и оставшейся в России.

Заканчивая зарисовку из жизни семьи Николаса Кульберга, я приведу переданное им мне письмо от Ольги Владимировны Траскиной к своей двоюродной сестре Елизавете Васильевне Кульберг. Надеюсь, читатель поймет мои настроения, обусловившие желание опубликовать его, написанное именно *под настроение*.

Первое письмо Ольги Владимировны ТРАСКИНОЙ к Елизавете Васильевне Кульберг после восстановления связей

Мне кажется, что со мной этим летом произошло чудо. Обычно я уезжаю из Москвы, а этим летом я все торчала и торчала в Москве, как будто меня кто-то удерживал.

Когда я услышала по телефону мужской голос, с легким акцентом сообщавший, что он имеет какое-то отношение к нашим зарубежным родственникам, я решила, что это нечто очень далекое и стала ожидать свидание с вялым любопытством.

Но когда я открыла дверь очень милому мальчику [*это был Николай Кульберг, в возрасте 34 лет*], похожего на моего Володю [*троюродный брат Николаса*], сердце мое дрогнуло. «Моя мать – Елизавета Васильевна», – сказал он. Нет, я долго не могла сообразить, о ком идет речь.

Потом... Боже мой!.. Дядя Вася... Внук дяди Васи... Сын Мимочки... Мимочка!.. Кумир нашего босоногого детства! Наша сестра! Мимочка – беленькая, холеная, кружевная, крутолобенькая девочка, охраняемая царственно надменной дамой...

Мы очень любили эти фотографии, подолгу рассматривали и любовались. Но я всегда чувствовала дистанцию между собой – веснушчатой, шкодливой, всегда исцарапанной и тощей пролетаркой – и этой принцессой, которая, конечно, не полезет на крышу выдирать осиное гнездо, купаться в строго запретной речушке с пиявками и головастиками, не открутит у скелета (папа держал у себя в кабинете скелет) руку, чтобы положить сестре в постель, – нет, эта ангельская девочка не рвет платья, не дерется с мальчишками – она играет в изящные игры, читает красивые детские книги с золотым обрезом и лакированными картинками, а не таскает исподтишка взрослые романы...

Этому образу идеальной девочки не суждено было развиваться. На него не наслонились возрастные изменения – информация прекратилась и так и осталась... Мимочка... Беленькие ножки... Кружева...

Жизнь шла, мы вступили в странную эпоху и, чтобы выжить, должны были забыть *все*. Дядя Вася... Анюта... Мимочка... уходили в туман и постепенно превратились в бесплотные призраки. В сон из другой жизни. Упомянуть о дяде Васе было опаснее, чем убить и зарезать соседа.

Илья Траскин пишет нам о моем папе – «весельчак, шармер, уха-жер»... Кто? Мой папа? Этот угрюмый, мрачный, оборванный старик – он-то весельчак?

Он стал смеяться только с моим сыном, которого обожал, а так – мы долгие годы не видели у него даже улыбки.

Мне очень хочется написать вам, как мы жили (и выжили), но я не успею в этот раз. Лучше всего было бы, если бы вы приехали с Колей [Николасом] и остановились у меня.

Я бы охотно съездила на землю своих предков, хотя думаю, что мы не найдем ни жилища, ни могил... Я напишу вам о нашей семье то, что помню, но, надо сказать, что с конца двадцатых годов у нас никогда не говорили о родственниках и предках, а так как я лично жила весьма живой и деятельной жизнью – мне было не до того, чтобы расспрашивать.

В 1950 году, за два дня до папиной смерти (он умер от рака 72 лет), я, сидя около него и стараясь разговором отвлечь его от страданий, спросила: «Какое отношение к нам имеют Капнисты?». Он усмехнулся и сказал: «Моя бабушка была Капнист».

Я не углубилась дальше своих бабушек – знала, что папина мать была женщина простая, но, как говорила моя мама, очень добрая и славная. Еще краем уха слышала, что вроде бы у бабушки с дедушкой насчет закона было не вполне... но мне это было неинтересно – своих дел хватало...

Во время войны я была в Харькове, и как-то сестра моего мужа, ожидая гостей, сказала мне строго: «Оля, ты приоденься и подтянись, потому что к нам прибудет тетя Нюта – она очень важная и строгая, она, понимаешь, работала г о р н и ч н о й у графини Капнист...».

Уже не помню, как выглядела эта дама и испытала ли я священный трепет, глядя на нее, знаю только, что о Капнистах с ней не беседовали, поскольку сама имела о них весьма смутное представление.

С нами жила Марья Григорьевна СТУДЕНЕЦКАЯ (Демена), очень добрая, которую мы все очень любили, она была папина сестра, не то двоюродная, не то троюродная. Она умерла во время войны. Дочка ее Агния, которая росла с нами, умерла в 1951 году, а сын Агнии Валентин, который был учителем в Ахтырке, спился и повесился.

Жора был неглупый и способный человек, но не мог оторваться от этой паршивой Ахтырки – преподавал физику в каком-то техникуме. Умер в 1968 году от сердечного спазма.

У него две дочки – Ольга и Татьяна. Ольга живет в Риге, имеет двух сыновей, а Татьяна живет в Ахтырке, была замужем за каким-то пьяницей, который утонул в пьяном виде, имеет сына.

[Здесь я опускаю часть текста с аналогичными перечислениями.]

Я, Ольга, родилась 17 декабря 1912 года. *[Умерла в 2004 году.]*

Вот такие невеселые дела с потомством Владимира Дмитриевича ТРАСКИНА.

Посылаю вам Володину фотографию и две свои – столетней давности, поскольку я уже много лет не фотографируюсь. Посылаю несколько детских книжек – этим я зарабатываю на хлеб. Они ужасно плохо напечатаны, рисунки искажаются больше, чем голос, записанный на дрянном магнитофоне.

Как только я получила пенсию – перестала работать в издательстве. Теперь только пишу акварелью и выставляю на наших периодических выставках. Больше всего люблю писать портреты.

Посылаю вырезку из газеты – рецензия на мою персональную выставку (первый раз в жизни предьявляю печатный отзыв о себе, обычно даже сама не читаю). Это для знакомства, вместо того чтобы самой рассказывать о себе.

Коля посоветовал мне послать вам что-нибудь из рисунков, но у меня все большого формата, а маленькие где-то труднодоступны. Если вам интересно, обязательно пришлю что-нибудь.

Ведь мы нашли друг друга не для того, чтобы расстаться? Не правда ли? Передайте мой сердечный привет второй сестричке. *[Речь идет об Ольге Васильевне ТРАСКИНОЙ, сестре Елизаветы Васильевны – Мимочки, матери Николаса Кульберга. Обе женщины жили в Марселе.]*

Р.С. Маша Капнист звонит мне время от времени, очень хочет встретиться.

Москва. Октябрь 1975 года

8 сентября 2009 года. Вторник. Женева. Мы с Николасом сидим в саду его дома. Это половина трехэтажного коттеджа на тихой улочке рядом с самым крупным в Женеве торговым центром. Небольшой садик перед домом с въездной дорожкой, на которой умещаются два больших авто – его новая «хонда аккорд» и мой допотопный, но роскошный «мерседес 420», позволяющий использовать его как «жилое помещение». За домом есть еще сад-огород, шесть соток, на которых он выращивает картошку, лук, помидоры, огурцы, кабачки, кажется, что-то еще и цветы. Много цветов на дальнем краю. А на переднем – несколько яблонь.

Между садом-огородом и домом небольшая заасфальтированная площадка, на которой стоят стол и пластмассовые стулья. Над площадкой по деревянным балкам вьется виноград. Здесь у него за два десятка лет побывало много простых и именитых гостей. Среди последних – Войнович, физик-диссидент Юрий Орлов и Сахаров. Но в этот раз мы сидим перед домом, на крошечной полянке среди зарослей высоких кустов. Разговор идет об архиве семьи, который подробно представлен в виде документов за 1878–1926 годы и в виде разрозненных писем за последующие годы. Одним из них было приведенное выше письмо, которое с согласия Николаса я помещаю в эту книгу. «А не расскажете ли и вы о своем происхождении?» – как-то неожиданно предлагает он.

* * *

У меня все проще. По материнской линии история нашей семьи известна со времен восстания в Польше в конце XVIII века под предводительством Тадеуша Костюшко. Тогда мои предки-шляхтичи по имени Кавыль-Кашковские бежали от восставших крестьян в Россию. Сначала жили, кажется, в Сызрани, а потом мой прапрадед по имени Семен основал вместе с другим крепким хозяином село Семено-Петровское, которое было на севере Оренбургской губернии, а в советское время перешло в Башкирию. Его можно найти на карте.

У моего деда Федора Кашкова до революции были свой дом, мельница и две лошади. Он женился на дочери помещика Елене Васильевне Ананьевой, у них было четыре дочери – Мария, Анна, Антонина, моя мать Евдокия (1915) – и сын Петр. Когда моей маме было четыре года, умерла Елена Васильевна – выпила, разгоряченная после езды на лошади, ковш ледяной воды. Дед Федор женился второй раз, а у мачехи тоже была дочь Евдокия. Тогда моей маме дали второе имя – Дина. Так ее все и звали – Дина Федоровна. Сейчас в нашем доме Диной зовут кошку. Ей долго искали имя, и когда я предложил его, то тут же все согласились. А еще интересно, что в деревне у нашего соседа так же называли собаку.

После революции дед Федор все потерял, перебрался в Оренбург и стал работать кондуктором на железной дороге. Мама окончила дорожный техникум, поехала на практику в Красноярск и там вышла замуж за Николая Михайловича Шкунденкова, инспектора на железной дороге. «Ему так шла строгая черная форма!» – говорила она.

С происхождением нашей фамилии связана некая не очень надежная история. Как будто дед Михаил Фомич был из деревни Шкундино в Смоленской губернии, по национальности белорус. Но во время русско-японской войны 1904–1905 годов он, простой солдат, защищавший Порт-Артур, получил два Георгиевских креста. Стал унтер-офицером. Был в плену у японцев, которые, как известно, очень хорошо относятся к героям. Потом был пароход до Одессы, где ему царским указом фамилию Шкундин «возвысили» до той, которую ношу я (с окончанием на «-ов»), назначили быть русским и вручили 5000 рублей золотом.

Дед женился на статной псковитянке Анне Ефимовне, они жили в Одессе, где родилась моя тетя Елена, сыгравшая большую роль в моей жизни. Но после 1910 года дед был замечен в связях с большевиками и выслан в Новониколаевск (Новосибирск), где в самом центре на Красном проспекте у него был дом. Сейчас на этом месте театр. В деревне под Новосибирском в 1913 году родился мой отец, а потом дядя Петр.

По линии отца все дети были большими и сильными, и это однажды сыграло роковую роль в биографии отца: он как железнодорожный инспектор уличил какого-то негодяя и «врезал» ему. За что был переведен в машинисты на паровоз. Я родился, когда он был машинистом. А тут, опять же по устному свидетельству, из службы Берия был спущен приказ: арестовать в Красноярске восемь машинистов, пятерых расстрелять, а троих отправить в концлагерь. Фамилия отца начиналась с буквы в конце алфавита, и он не попал под расстрел, а поехал строить Комсомольск-на-Амуре. Бежал. Чтобы не оказаться в Китае, переплыл в октябре Амур и простудился. Сдался охране железнодорожного моста.

Во время войны, опять же как то, что мне запомнилось из услышанного во время «тихих» разговоров в нашей семье, когда еще всего боялись, отец пошел добровольцем в штрафбат. А это те, кого посылали вперед в самых тяжелых условиях, а иногда – просто на минные поля. Но он не погиб, а попал к партизанам. Воевал. После войны вернулся туда, откуда пошел на фронт. Как я понимаю, это были то лагерь, то тюрьма. Мама с ним развелась – таковы были условия снижения ее «вины». Под конец отец был директором кирпичного завода где-то на среднем течении реки Енисей. Женился второй раз. Умер от болезней на 41-м году жизни, в июле 1954 года. А в августе пришло извещение о его реабилитации. Тогда же тот, кто донес на него («японского шпиона») в 1938 году, получил 25 лет тюремного заключения.

В 1955 году я поступил учиться на радиотехнический факультет Московского энергетического института. Однако после первого курса от меня потребовали справку о том, что я не являюсь сыном «врага народа». Мама, которая в это время жила в Уфе, поехала в Красноярск. Там ее встретили очень плохо, не хотели давать никаких справок, Но она как-то все же добилась своего, и справку ей выдали. И пришлось давать еще и компенсацию за смерть отца – две его месячных зарплат.

* * *

За полгода до смерти отец прислал письмо сестре Елене Михайловне (Лёле), которое, подобно приведенному выше письму Ольги Владимировны Траскиной, рассказывает о «закулисах» реальной российской жизни. Привожу это письмо. Орфографию не меняю.

Здравствуйте, Лёля, Борис и Людмила! [*Семья Елены Михайловны.*]

Я нехотел бы беспокоить Вас, но жизнь все складывается так, как как рас-бы не хотелось.

Вообщим коротко о нашей жизни.

Ты знаешь, что в 1952 году я снова попал в лагерь, был срок 3 года, когда был в тюрьме и в Лагере. Лидия [*вторая жена отца*] все время следовала за мной и все время меня поддерживала и материально и морально, в 1953г по амнистии я освободился в г. Красноярске.

Был в нашем доме [*адрес я по какой-то причине помню – улица Баграда, дом 87; это был двухэтажный деревянный дом, у нашей семьи было две комнаты на втором этаже, на окнах стояли цветы – красная герань, на столе – самовар*], кой кто там еще живет, но город после 15 лет я не узнал, все перестроилось, был у товарищей, но к вилкому сожалению, многие погибли на фронте, был у отца Бориса и даже я который привык, вернее приучала в течений 15 лет, к беспощадному унижению собственного достоинства и то вздрогнул, как это могло случиться что он воспитал (отец Борис) столько детей и сейчас находится в очень тяжелом состоянии. Это Ольга, у меня нет слов охарактеризовать эту сволочь, вообщим старик работает, теперь инженер-мастер тяги н-к депо, сказал мне что просто держу, не погибать-же человеку, который проработал 55 лет на ж. дороги, он добивается пенсии, но ему ее недают почему-то, оглох и почти что ничего не слышит. Мы с ним попили чаю, Ольга постаралась сразу-же уйти и я больше туда не заходил, мне просто было очень жаль смотреть на эту обстановку, а каким я его помню орлом.

Квартиру там мы ненашли, в общежитии Лидия не захотела жить, да и материально мы были с ней очень слабы, поэтому уехали в Енисейский р-н пос. Маклаково, до августа я поработал, Лидия старалась подлечить меня, ты видь знаешь что у меня язва желудка, а потом пошел работать, стал получать 690 рублей.

[*Опускаю текст, где отец жалуется на то, что моя мама требует с него алименты с его и так очень низкой зарплаты. Мама в это время болела – ее, как бывшую жену врага народа, «там» просто довели.*]

В Красноярске я узнал что Петя погиб [*брат отца, был на фронте*].

С приветом – Николай и Лидия

* * *

Когда меня отправляли в 1969 году первый раз за границу, то спросили: как я отношусь к Советской власти? Я ответил, как полагается: хорошо.

Философы академик РАН Вячеслав Семенович Степин, директор Института философии Российской Академии наук, и профессор Владимир Иванович Аршинов (ЦЕРН, декабрь 2005 года)

В.С. Стёпин дважды приезжал в ЦЕРН и задал там вопрос: правда ли, что метод автора позволяет на практике «сжимать время»? И получил ответ от партнера автора по применению метода – Джеймса Пурвиса: правда. Но Вячеслав Семенович все же так и не принял объяснения природы проявления этого эффекта, основанного на *синергии* (означает применение наряду с научными также богословских знаний), который автором назван эффектом *нелинейности времени*. Так в процессе этого непростого продвижения к *истине* по рекомендации В.С. в пространстве исследований данной проблемы появился профессор В.И. Аршинов (2001 год), в настоящее время – руководитель Отдела философии науки и техники в Институте философии, который дал интерпретацию найденного автором как построение *антропокосмической модели Вселенной*. Оставаясь при этом, по собственному заявлению, на позициях атеизма.

Современные философские системы построены на основе разума, что делает их – и здесь я согласен с Патриархом Кириллом – бесплодными. На разуме же базируется атеизм, который, однако, по опыту Германии и России в XX веке, бесплодным назвать нельзя. Здесь есть неуловимая тайна? Есть, и она *близка к раскрытию* в трудах чуть ли не единственного философа – декана Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова членкора РАН Владимира Васильевича Миронова, говорящего о двух началах – разуме (на чем стоят наука и философия) и интуиции (искусства, религии). Это же входит в антропокосмическую модель Вселенной автора. Но я говорю еще о свободе духа (атеизм – ее примитивная форма) и несвободе (в формах *божественной красоты* и рабства). Мое наметившееся знакомство с В.В. Мироновым произошло в городе Кралсруэ (Германия), в ноябре 2008 года, куда я был приглашен после разговора в Институте философии в Москве (ул. Волхонка, 14; бывшая городская усадьба князей Голицыных; в этом здании Пушкин встретил на балу свою будущую жену Наталью Гончарову) с Готтхардом Бехманном (Gotthard Bechmann), представителем создававшегося тогда аналога Массачусетского технологического института (США). Наш разговор, в котором я затронул историю создания русского танка Т-34 и мистику победы над Германией, оказался для немца настолько интересным, что я тут же получил это приглашение – приехать в ноябре на рабочее совещание в Карлсруэ в качестве одного из русских философов. Похоже, я и там оказался не менее интересен, так что в конце моего 45-минутного выступления «шедший» за мной В.В. Миронов уступил мне свое время. А организовал все эти встречи другой профессор из отдела, руководимого В.И. Аршиновым, Виталий Георгиевич Горохов. Совсем чуть-чуть уловимое снисходительное отношение ко мне как к затесавшемуся в их философское сообщество философствующему самоучке в лице доктора технических наук (так, он и В.И. Аршинов демонстративно встали и ушли из комнаты, когда я начал рассказывать Г. Бехманну о наполненной мистикой истории создания русского боевого оружия), однако, стало меняться, когда он в конце июня этого, 2009 года приехал ко мне в Женеву для участия во встрече с Н., одним русским замминистра, пожелавшем увидеть своими глазами то, о чем я говорил в Москве. Сыграл ли положительную роль меркантильный интерес (интерес к моим результатам со стороны замминистра), или все было чище – нам об этом обычно судить не дано, – но только Виталий (мы перешли на «ты») говорил со мной в течение целых трех дней с повышенным вниманием. Из этих разговоров я узнал немало нового, о чем может рассказать только высокого уровня профессионал. Так, я впервые услышал о том, что еще Платон говорил о Красоте с большой буквы, а также про неоплатоников (по памяти, это II–IV века), целый ряд идей, высказанных которыми, совпадали (опережая почти на два тысячелетия) с моими.

Но и от меня он услышал *новое*. Так, я склонен считать Красоту чем-то, что обладает «массой», которая способна (по «воле» Самой Красоты?) превращаться («отщепляясь» «квантами») в энергию. Зачем? Чтобы еще больше увеличить «массу» Красоты. Что может делать только человек. Энергия – это *движение* (мужское начало), воспринимаемое как «Зло». Направлением движения управляет *красота* (женское начало), через победы «Добра» (на пути «сжатия времени») над «Злом». В этом назначение человека, отвечающего за движение и его направление к Красоте. В этой модели я выделяю два *развернутых во времени* больших этапа: первопроходческий, на что смутно «намекают» богословы, и внедрения. В отличие от всех других моделей, созданных каббалистами, неоплатониками и Псевдо-Дионисием, это была работающая на практике модель.

* * *

Чтобы объяснить читателю, почему и как работает предложенная мной модель Вселенной, начну с анекдота.

Чукча приносит в издательство рукопись и предлагает ее опубликовать. «Вы кто?» – спрашивают его. «Я писатель» – отвечает чукча. «О чем написано в вашей рукописи?» «Прочтите и узнаете» – говорит чукча. «Тогда скажите хотя бы, что вы читаете?» «Я же сказал, – отвечает чукча, – чукча не читатель, чукча – писатель».

Так вот, мой уважаемый Читатель: в этом анекдоте больше прав чукча. Только при таком подходе к творчеству, буду утверждать, рождаются как настоящие писатели и поэты, так и ученые-первопроходцы. Но есть и отличие вторых от первых, о чем я напишу в конце этого эссе.

Как рассказал мне друживший со мной филолог, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Петр Алексеевич Николаев (1924–2007), когда одного известного русского поэта (кажется, Заболоцкого) спросили, почему он ничего не читает, тот ответил: а знания поэту вредны. И это первое (очень опасное!) условие, когда дело касается науки. Здесь без опоры на знания твоих предшественников не обойтись. Однако тут есть большая тонкость, которая заключается в следующем. Американцы исследовали и показали, что при создании нового самолета (очень сложная разработка) типично 70% закладываемых идей потом оказываются уже известными и опубликованными. Тем не менее они рекомендуют не заниматься их поиском, а каждый раз заново «изобретать велосипед». И только потом, когда все исследования уже проведены, изучать достигнутое ранее – уже для патентной чистоты.

В этом подходе – великая правда. Ибо самолет (или ракета и так далее) – это, как вообще все в природе, *живое* существо. Но только при одном условии: *все*, что в него заложено, должно быть *оригинальным*. Что не значит – неизвестным до того. Но оно должно быть не заимствовано, а рождено в творчестве. В этом случае всегда появляются нюансы – то, что делает создаваемый тип самолета *индивидуальным*. И он начинает жить своей собственной «человекомерной» жизнью. Именно жить!

Понятие «человекомерный» (сначала это называлось «человекоразмерный») применяет Вячеслав Семенович Стёпин (см. выше). Но он, посмею утверждать, *не дотянул* до истины. Ибо, как я понимаю его подход, он, подобно всем современным ученым и философам, не признает участия в творчестве еще и «параллельного мира», который, однако, по нашему опыту, существует и устанавливает связь с человеком, наполняя наши души энергией и желанием что-то делать, а с творениями человека эта связь устанавливается только при условии их *красоты*.

И тогда техника оживает. Но это случается не чаще, чем в одной из десяти разработок. Так, в 1930-х годах в СССР до войны было создано около 100 типов самолетов, а на войне участвовали только У-2, Ил-2, Яки и Ла (с 1942 года), да еще в небольшом количестве Пе и Ту.

А из авиационных историй я приведу две. Когда однажды А.Н. Туполева назначили главным экспертом по приемке одного нового самолета, он пришел на аэродром, увидел самолет, повернулся и ушел. Его спросили: почему? Он ответил: самолет некрасивый. И он действительно не летал. Другая история, о которой я услышал в ЦАГИ (где я работал по хоздоговорам 12 лет), едва ли известна. Речь идет о красавце Ил-62, флагмане Аэрофлота в 1960–1980-е годы. Рассказывали, что С.В. Ильюшин увидел его во сне. Проснувшись утром, нарисовал, пришел в свое конструкторское бюро и сказал: рассчитайте! И самолет стал летать.

Почему я это знаю? Потому что с моими сканерами, АЭЛТ-1 и АЭЛТ-2/160, построенными мной как *красивые*, тоже происходили странные истории. Так, они ломались при визитах «нехорошего» начальства. Но про них рассказывать не так интересно: кто их видел? Это не самолеты. Однако именно этот опыт позволяет мне писать эту книгу. И дальше мы будем говорить, пожалуй, о самом интересном из того, что я могу рассказать, – о теории возникновения во Вселенной порядка из хаоса, предложенной нобелевским лауреатом по химии Ильей Романовичем Пригожиным (бельгийский ученый российского происхождения, годы жизни – 1917–2003).

Впервые я услышал о нем от Николаса Кульберга в 1997 году. Тогда я понял эту теорию так: в бесконечном пространстве при бесконечном времени могут возникать сверхсложные *случайные* соединения неживых элементов в природе, которые способны приводить к возникновению живого и даже разума. Это была оригинальная мысль, но – для меня – не более. А в 2004 году я узнал о его модели, которая была близка к моей, изложенной в опубликованной в 1996 году моей первой книге – «Москва – старинный город» (Дубна).

В модель И.Р. Пригожина, в которой выдвинута идея самоорганизации в природе порядка из хаоса, входят три условия: 1) система должна быть существенно нелинейной; 2) она должна находиться в состоянии, далеко от равновесного [*у меня здесь свобода и несвобода духа*]; 3) она должна испытывать постоянное воздействие «энергетического потока».

Этим Илья Романович, в моем видении, обозначил решение задачи, но не решил ее. Он тоже не решился говорить в своей модели о человеке. При том что, из устных рассказов о нем, он был готов к этому. А именно в человеке и в том, что человек являет собой не замкнутую на себя систему, обладающую разумом и с его помощью творящую новое, но является системой разомкнутой, взаимодействующей через наши *настроения* еще и с параллельным миром (в своих ранних книгах я называю его миром духа-интеллекта), «зарыта собака» ответа – здесь я говорю уже о своей модели – то самое решение задачи, до которой *не дотянул* теперь уже «сам» Пригожин. И не привел свою модель к возможности практического применения, если не считать «тьмы» математиков, набросившихся на нее со своим моделированием (в виде предсказаний того, «что будет, если ввести в модель такие-то или такие-то гипотетические, то есть придумываемые искусственно, параметры нелинейности и пр.). И создания кормящихся этим «школ Пригожина». Что напоминает легализацию всплывших на волне глобализации (я ее сторонник, но с поправкой на *духовность*) «профессий» геев и лесбиянок. Но даже и это в отношении «блистающих» интеллектуалов-математиков с их пугающими формулами на всю меловую доску мне кажется слишком высокой оценкой. Скорее, как я вижу все эти «школы», когда во главе их оказываются не настоящие первопроходцы, а только сделавшие первые шаги в том или ином кажущемся «новом и интересном направлении» и вознесенные на Олимп журналистскими технологиями «авторитеты», они напоминают мне «однополюе игры» одиночек... Такой же «однополюй игрой» мне видится раздутая до невероятных размеров популярности теория немецкого физика-теоретика Германа Хакена (родился в 1927 году) – синергетика (Synergetics). Эта теория опирается на человека (в чем, безусловно, ее отличительное достоинство) и исследует значение межчеловеческих связей, считая их основными исключительно на разуме как феномене деятельности головного мозга (что уже, буду настаивать, может быть обозначено как глупость, отдающая дань традиции в науке). Это обусловило признание *честного* немца Хакена в том, что «природа гения все еще окутана тайной». Да не обидится мой друг Владимир Иванович Аршинов (руководитель Отдела философии науки и техники в Институте философии РАН) за то, что я воспринимаю его именно как «синергетчика». Но самого умного. Признание наряду с разумом также роли интуиции, что в скрытой форме отражает существование в природе как мужского, так и женского начала, проходит, как это уже отмечено выше, красной нитью в работах Владимира Васильевича Миронова, декана Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Но и здесь мы не найдем никаких следов раскрытия тайны наших *настроений*. Иначе – того, что «нисходит» на нас как необходимое условие «вхождения» в творческое состояние. Оставалось сделать всего один шаг. Но В.В. Миронов его не сделал.

Этот шаг связан с введением в участие в деятельности человека также параллельного мира. Объяснения этому миру я не даю, это – тайна и для меня. Но уже признание его существования и участия его в процессе творчества позволяет перейти от скучного изучения законов творчества к исследованию *динамичной* модели взаимодействия человека с чем-то таинственным в его окружении, что в режиме *разделения времени* проявляется в виде двух этапов: рождения нового *слова* и затем его широкого внедрения. На первом этапе человеку нужна *свобода духа*, причем тут просматриваются два возможных пути – «положительный», когда новое слово ищется нашим разумом, и «отрицательный», когда к деятельности разума добавляется отбрасывание всего, что может быть отброшено на пути «очищения» найденного разумом до проявления *красоты*. Того, что потом *оживет* и останется навечно во Вселенной. Но останется *оно* не как рожденное в таинстве взаимодействия гения-одиночки с Тайной, которую мы не можем познать, а уже как нечто материализованное трудами большого количества людей. Где нужны «инструменты» *принуждения*, такие как самый первый из таких инструментов – властвующий над миром иудаизм (женское начало и коллективизм с проявлениями «милосердия» к гениям) и «огненный» ислам (мужское начало и коллективизм), служащий тому, чтобы там, где могут проявляться энергия и красота, образно говоря, «карась не дремал». И нужны «исполнительные инструменты», для чего Природа позаботилась о существовании у нее многоконфессионального христианства, обладающего уникальной возможностью разделения на первопроходцев и вечно борющихся за справедливость рабов. По этой модели между иудаизмом и исламом должен располагаться мир христианства. Иначе будет происходить то, что и происходит сегодня на Ближнем Востоке. А все из-за того, что человечество до сих пор не сумело понять, что оно существует *для чего-то* во Вселенной. В моей модели – для наращивания «массы» таинственной Красоты. Что, согласно этой модели, нуждается в человеке-гении. Который должен быть свободен (как чукча), но и обладать эрудицией в знаниях. Именно эрудицией, а не рассматривать знания как «кирпичики», которые можно складывать в нечто новое. Можно, конечно, и гора будет расти. Но это будет гора шлаков. А живой она станет только при условии применения к знаниям недоступного для всегда уверенного в себе человека из толпы (типичного неотёпы) подхода: *не верить ни единому слову*. Но и этого еще недостаточно. Еще требуется *служить*. Не себе. А тому, что было до нас и что будет после нас. В ином случае ход истории предстает как фарс с неотёпами. Для пояснения данного утверждения приведу смешной пример. Так, на Украине, по оценке общественного мнения, самым главным украинцем всех времен называют великого киевского князя Ярослава Мудрого. Даже учрежден орден его имени. А ведь при его жизни еще не было разделения на русских и украинцев, а были киевские руссы. Это потом

мы разделились, когда решался вопрос (в связи с наступлением на Киевскую Русь тюрков-половцев), что важнее: богатство киевских земель или честь? И это, словно он предчувствовал надвигающуюся беду, и привело *великого* Ярослава Мудрого к основанию на Волге города его имени – Ярославля (1010 год). Что указало его праправнуку Владимиру Мономаху направление спасения, по которому на крыльях свободы ярославов дух «служения» перелетел из Киева в междуречье Оки и Волги. О значении свободы знает даже чукча. Но и знания тоже нужны. Однако нужными являются не просто заготовленные кем-то «кирпичики», а каждый раз в чем-то новые знания, которые могут быть только *увидены*. А для этого надо *служить неземному*. И это именно то, чего не знал пришедший в издательство со своей рукописью наш чукча. А без *этих знаний* вместо ведущих к смелости и отваге появляются примитивные настроения, склоняющие к смиреннию и наглости, способным породить в науке интеллектуальных аналогов бесплодных геев и им подобных. Наконец, в заключение полета моих мыслей остановлюсь еще на роли *случая*, который наряду с *настроениями* является тем «инструментом» общения с нами, которым, как это удается подчас подметить, пользуется «параллельный мир». Для чего тоже приведу пример.

Когда в мае 1938 года мой отец был арестован как «враг народа», маме пришло извещение из НКВД с требованием явиться туда с паспортом. Что это означало, было известно: штамп в паспорт с требованием уехать из города за 100 километров в течение 24 часов.

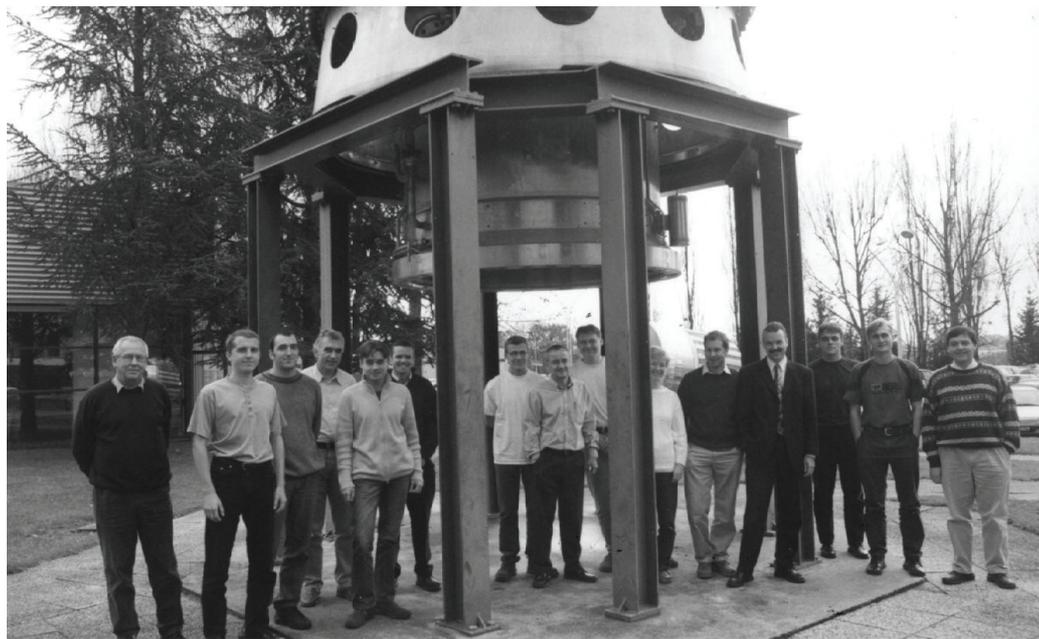
Куда уехать, да еще с двухмесячным ребенком! В тайгу? Мама была в отчаянии. Спас начальник «военного стола», которому нравилась моя красивая мать-полька. Он сказал ей: «Бери сейчас же отпуск на месяц и уезжай из города. А когда вернешься, о тебе в этой мясорубке могут просто не вспомнить».

Мама так и поступила. И когда выходила из нашего дома с завернутым в одеяло будущим автором, в него входили два бравых мужика. «Здесь живет Шкуденкова?» – спросили они (нашу фамилию часто так искажают). Мама молча показала пальцем на второй этаж. И мы сбежали.

А потом о ней действительно просто забыли. Что, правда, не значило – насовсем. Но мы остались по крайней мере живы.

Это был случай или *не совсем* случай? Доказательств, способных убедить всех, тут не существует. Однако как сказал Франсуа Ларошфуко, в судьбу верят те, кому она благоприятствует.

Но это становится возможным только при условии, что человек *нужен* тому, кто может ниспосылать (подобно настроениям) эти самые случаи. И тогда неизбежно приходит мысль о том, что человек не просто возник благодаря сверхслучайности в течение бесконечного времени, но все же был *создан* во имя чего-то. И вот здесь математика оказалась нужна: подсчитали (зная уже про ДНК), что для такой сверхслучайности потребовалось бы в сотни раз больше времени, чем существует Вселенная.

Ноябрь 2002 года. Наша интернациональная группа в ЦЕРН. Слева – автор, шестой слева – англичанин Джеймс Пурвис, девятый – русский Ростислав Титов, крайний справа – шотланец Дерек Матисон. Фото на площадке музея ЦЕРН под открытым небом, под Большой Европейской пузырьковой камерой (BEBC). Это для участия в создании сканирующей системы ERASME, использовавшейся затем для обработки 3000 000 снимков с этой камеры, автор был командирован на полгода в ЦЕРН в 1969 году.

Текст к предыдущей странице:

Применение основанного на *синергии* («совместном с Ним делании») метода «сжатия времени» предполагает ориентацию на *настроения*, связывающие человека с той Тайной, которую мы познать, возможно, не сможем никогда, но которая, тем не менее, существует. Динамичные синергийные отношения, однако, установить можно только при условии следования крайне сложно выполнимого для большинства требования, являющегося установочным в культуре русского православия: *смысл жизни лежит вне жизни*. Иначе – в *служении неземному*. Например, науке, воспринимая ее как священную тайну.

В этом подходе существует проблема: тот, кто встает на этот путь, чуть ли не всегда получает отторжение в обществе. Причина проста: люди не хотят соглашаться с тем, что кому-то везет «просто так». Без труда. И это именно «труженики в науке» (инженеры в науке, чьей опорой являются исключительно знания) и превращаются в инквизиторов. На самом деле их тоже «питают» настроения, но не синергийные, а – человеческие. А это – зависть и ненависть. Откуда «справедливые» доносы.

...Двое «русских» оказались такими «павликами». В 2004 году они, составив «военный план», настучали одновременно – один в Женеве, другой в России о «неполадках» в делах автора. А и всего-то было: мы скидывались «добровольно» (по неформальной подписке при приеме на работу) в общественный котел с целью получения финансовой свободы в реализации наших инициативных планов, связанных с налаживанием учебного процесса в российских университетах по «запрещенной» (делает прозрачным выполнение любых проектов) тематике – применению административно-управленческих информационных систем (AIS-систем – от Administrative Information Services). Согласовать это было сложно, и мы с Николасом Кульбергом (по линии матери он из рода князей Голенищевых-Кутузовых), помощником генерального директора ЦЕРН, пошли на это «преступление». Доносы сработали.

Почти сработали, ибо в пространстве «служения неземному» подобное не срабатывает до конца никогда. Надо было только сделать выбор: защищаться или атаковать? Атаковать означало – не обращая внимания на понесенные потери (отмену командировочных и др.) продолжить работы по поддержке создания в ЦЕРН Большого адронного коллайдера. Мы так и сделали. И все сразу стало смешным. Так, вызванный для разборки к начальнику отдела Джону Фергюсону, который в течение десяти лет не «опускался» до знакомства со мной, я после объяснения ему сущности русской культуры (с графиком «сжатия времени» на доске) стал его другом. И уже через два месяца, в июне 2004 года мы провели мастер-класс в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ), а еще через четыре года он защитил в МИФИ докторскую диссертацию и стал первым в истории России западным доктором технических наук.

МИФИ, 8 ноября 2006 года

Коллеги поздравляют Джона Фергюсона с защитой кандидатской диссертации, оцененной как докторская (она так и писалась). Слева направо – ректор МИФИ профессор Б.Н. Оныкий, автор, Джон Фергюсон, Ростислав Титов, профессора А.Д. Модяев и Н.М. Гаврилов. В марте 2008 года Джон защитил повторно эту же диссертацию уже как докторскую. Так мы получили в свои руки уникальный материал для налаживания учебного процесса.

Мастер-класс в МИФИ.

Выступает Джеймс Пурвис. Слева направо – Ростислав Титов,
Дерек Маттесон (почти не виден) и Джон Фергюсон

Джеймс Пурвис (справа), внедривший в ЦЕРН в создание AIS-систем применение метода «сжатия времени», и его коллега Дерек Матисон на экзамене по кандидатскому минимуму в МИФИ

(см. текст на следующей странице)

Джеймс был *единственным* в моей жизни, применившим метод «сжатия времени» в *не моих* научных разработках. В феврале 1995 года я привез в ЦЕРН на три месяца группу из трех программистов, и нам была поставлена задача – модернизировать за два года систему контроля финансов – Budget Holder’s Toolkit (ВНТ). Работали по 11–12 часов, прихватывая выходные. Продвинулись на 20%. Вернулись в Дубну, и там в течение пяти месяцев продвинулись еще на 20%. Появилась надежда, что уложимся в отведенный срок – два года. Но тут Джеймс, который в ЦЕРН был руководителем этого участка работ по созданию AIS-комплекса, заявляет: «Все, что сделано, надо выбросить. Будем работать по новому подходу». По моему предложению он не ссылался на меня. Результат превзошел все ожидания. Система ВНТ была создана «по чистому листу бумаги» всего за два месяца! А дело было так.

Когда мы после трех месяцев работы в ЦЕРН вернулись в Дубну, он по моему приглашению приехал на неделю к нам, в Россию, чтобы на месте познакомиться с «русским методом» поиска *красивых* решений.

Об этой поездке, во время которой мы ходили в Третьяковскую галерею и я объяснял ему про важность одиночества в настроениях и мыслях, он, как ему помнится, рассказывает в книге «Антропокосмическая модель Вселенной» (В. Аршинов, Н. Кульберг, Дж. Пурвис и В. Шкунденков. М., 2008. – 260 с.). Но в этой книге я показал изображение параллельного мира (см. стр. 26). Книга была выставлена на продажу, и тут же кто-то наступал в администрации ЦЕРН о ее «несовместимости» с современной наукой. Джеймс получил серьезное замечание. И в наших до этого прекрасных отношениях проявилось *что-то не то*, когда он, гордый космический одиночка, опустил, как многие, до уровня «научной школы». Где вместо случайно нисходящих мыслей царствуют железная логика, математика и моделирование, без чего о науке никто бы не знал.

К слову сказать, при создании своих сканирующих систем АЭЛТ-1 и АЭЛТ- 2/160 я применял математический аппарат для расчета на надежность всех схем – как электронных, так и оптико-механических. Моим «коньком» было сочетание линейных расчетов по паспортным данным об используемой элементной базе (номиналам сопротивлений, крутизны коэффициента усиления транзистора и др.), что умеют делать все хорошие инженеры, с применением теории вероятностей, что позволяло создавать любые схемы (электронные усилители, оптико-механический канал и т.д.), исходя из требуемого показателя надежности (например, равного 99,7%). Последнее на практике не умел делать *никто*. Ибо никто не знал как, кроме как путем муторного моделирования на компьютере, можно учесть в расчетах наличие различных законов распределения разбросов случайных величин используемой элементной базы. Хотя задача эта решалась элементарно: существует закон, согласно которому в ансамбле случайных величин все устремляется к *известному* нормальному закону. Это доказано. Но это можно было только *увидеть*.

Профессор Ярослав Афанасьевич Хетагуров (слева), создатель корабельных систем управления стратегическим оружием для атомных подводных лодок (АПЛ), и автор на фуршете по случаю защиты диссертации Джоном Фергюсоном

Разговор идет о проявлении судьбы. Так, Ярослав Афанасьевич пережил взрыв топлива ракеты на АПЛ. Мы говорили о том, что такие «случаи» таковыми, скорее всего, не являются, а служат знаком «предупреждения свыше». Но это знают не все: сначала надо *служить самому высокому*. Как жить в современной России, теряющей ежедневно порядка тысячи жизней из-за дикой экономической политики? – эта тема не могла быть затронута в разговоре. Наши взгляды тут частично не совпадали: он был большой пессимист. А мне было известно то, что «нормальному» человеку знать «не положено»: про *оружие космического одиночества*. Православие подвижничеством монаха Григория Паламы приблизилось к нему через молчание-исихазм, но нужна еще немецкая «власть воли», однако уже на русском пути: мольбой о победе с жертвой заклада души. А здесь я выступал в роли пророка, чей удел, как известно, одиночество. Но на самом деле роль «пророка» была у меня только потому, что у нас не знают русской истории: обо всем этом говорил Сергей Радонежский, вселяя в людей настроения веры в надежду русского староправославия.

«А там, в этой сверкающей дали, где разбиваются корабли смелых, я знаю – там на небе сияют звезды! И рука, доставшая саблю в последний раз, – не дрожит...» – *Автор, 1978 год. Дубна.*

В 1978 году автором был опубликован график связи времени и красоты, приведенный на задней обложке книги. Чтобы «протащить» эту публикацию, неприемлемую для «советской науки» (ввиду связи изложенного с «невежеством» русского староправославия), автор сдал в комиссию по контролю за публикациями один текст, а когда подписи членов комиссии были получены, то передал в издательский отдел другой, заменив две страницы на текст с графиком. После выхода публикации председатель комиссии искал: кто виноват? Но все уважаемые члены лишь разводили руками: ничего не понятно. Какая-то странная история.

ЧУДНЫМ ЗВОНОМ ГРЕМИТ КОЛОКОЛЬЧИК

(Повесть о Медведе, звездах, собаках, пиратах, Козочке, Ученом Козле, Лисе, Петухе, драной рыжей Кошке и кислой капусте)

*Нет повести печальнее на свете
(сказал кто-то)*

Жил на свете Медведь, большой и лохматый. И, как все медведи, был он к тому же косолапый и любил собирать в глухом овраге над речкой с обжигающе холодной водой сладкую ягоду-малину. А еще ему нравилось, выбравшись из чащи леса, искать на темном ночном небе Большую и Малую Медведицы. И тогда к нему подкрадывались и трогали его лапками невидимые зверята-стихи:

*Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха...*

Как-то раз он брел по дороге и, глядя на голубые Медведицы, думал о мерцающей и такой одинокой Полярной звезде. И нашло на него, лесного зверя, необычное настроение: ему показалось, что что-то ждет его впереди, за морем-океаном, куда он поплывет на своем корабле. А если это настроение окажется пророческим...

...и, как в старые времена, я построю опутанный тонкими вантами корабль, то однажды, выйдя из гавани, он отдаст ей прощальный салют. Закричат испуганно птицы, и эхо ударит о скалы, а он – развернется на рейде и – уйдет в открытое море. В поисках нового счастья.

Корабль мой будет, как лебедь, такой белый-белый. И очень смелый. Но осторожный: он будет умный. И – всегда – готовый к новому бою...

Из книги автора «Москва – старинный город». Дубна, 1996.

Подумал Медведь и записал это «для истории» – вдруг звезда говорила правду? – царапая когтем по коре-бересте. А бересту, едва стало светать, свернул и спрятал в овраге в дупло.

Бежали мимо собаки.

– О чем замечтался, Медведь? – залаяли они на него. – Или не знаешь самого важного? Теперь ты должен все рассказывать нам, собакам, потому что нас обучили гавкать, как надо. И по свистку, и так, как решит большинство, – по коллективной собачьей совете. А потому мы самые умные и современные, и нам поручено охранять тебя от ошибок. Давай, рассказывай нам скорее про все свои глупые, как всегда у медведей, мысли.

– Почему же сразу и глупые? – расстроился Медведь. – Вот сейчас, например, я думал о том, что там, где сверкают такие красивые звезды, тоже, наверное, есть медведи. И, конечно, собаки тоже, – тотчас исправил он свою (это же надо было такое ляпнуть!) медвежью оплошность.

– Собаки в первую очередь! – протянула трясущаяся от злобы Шавка с остренькой хитрой мордочкой. И обернулась – я сделала все, как надо? – за поддержкой к другим собакам.

– О, да! Да-да! Она совершенно права, – дружно загавкали все собаки. – До чего же она права, наша маленькая бесстрашная Шавка. А как умна! Ее непременно надо наградить. Ты же, Медведь, опять нагрубил.

– Как – опять?.. Да у меня и в мыслях не было ничего такого, чтобы хоть как-то задеть вас, уважаемые собаки, – начал оправдываться опешивший и кругом запутавшийся Медведь. – Я только хотел рассказать вам про звезды... Не обижайтесь! Пожалуйста! Вот как об этой загадочной тайне я услышал однажды в стихах:

*Улеглася метелица, путь озарен,
Ночь глядит миллионами тусклых огней.
Погружай меня в сон, колокольчика звон,
Выноси меня, тройка усталых коней...*

– Красиво, правда? – «виновато» улыбнулся Медведь. «Ведь они, – подумал он, – меня просто не поняли. Их нужно простить». – А знаете, – продолжил он, – я заметил нечто ужасно интересное. Красота, как звезды на небе, разбросана, словно это осколки чего-то, по разным местам и во времени. И осколки эти можно не только издали наблюдать, оказывается, их можно еще и собирать.

И тогда они образуют новую, неизвестную и высокую красоту. Правда, немного холодную, как бы уже – неземную. Но это она, составленная из осколков, холодная сияющая красота, возможно, и остается – единственная – в таинственной грозной вечности. Где время – ничто. И медведи – ничто, и... – Он вовремя спохватился. – Я хочу показать вам это. И вы, собаки, сразу поймете.

«Какой же я, что бы ни говорили, ловкий, – подумал Медведь. – Все-таки ум есть ум. Да и опыт не пропадает».

Чинно попросив у уважаемой публики тишины, он стал читать под одобрительные ухмылки усаживающихся поудобней собак:

*Чуть помедленнее, кони! Чуть помедленнее!
Пой, ямицик, вопрекор этой ночи,
Хочешь, сам я тебе подпою?
Чудным звоном гремит колокольчик.
Я еще постою. На краю...*

– И вообще мне кажется, что все начинается с красоты и ею же заканчивается, – продолжал косолапый философ, обращаясь к застывшим с отвисшими и разинутыми пастьми своим новым друзьям-собакам. – А мы, возможно, и живем лишь затем, чтобы создавать не известную ранее небесную красоту. Как это все и странно, и удивительно – создавать неизвестно что. И все же это дано нам... Но откуда – звезды? Зачем тревожат они наши души?

Большой черный Пес, потягиваясь и зевая, поднялся первым, выбрал раскидистое дерево с дуплом, в которое кто-то невесть зачем засунул свернутую бересту, и отметил под ним свое пребывание. Чиркнул спичкой и закурил, косясь сквозь дым на Медведя.

– Звезды, звезды! – тут же презрительно залаяли все собаки. – Ты бы лучше грибы собирал да на зиму солил. Или ягоды – не в рот бы клал, а сдавал бы в наш прекрасный собачий кооператив. А то ишь какой здоровенный! И шуба у тебя откуда такая? Учти наше мнение. Мы еще вернемся к этому разговору.

Смелая Шавка решительно подскочила к нему и залилась громким лаем, но кусать все же не стала: напоследок необязательно. Он швырнул корявый сук в лающее, но, оказалось, пустое место.

– Р-р-р, – беззлобно, ни на кого не обращая внимания, оскалил клыки черный Пес. Шавка поджала хвостик и засемила к выглядывающему из травы грибу-мухомору, который ее вдруг очень заинтересовал. Собаки еще погавкали – так, в никуда, и убежали.

Да только оглянулся Медведь – а малина его вся поломанная лежит. Это собаки, чтобы он лучше запомнил про поучительный разговор, порастоптали и повыдергивали из земли все, что росло в его малиновом овражьем саду.

Опечалился Медведь. Но малину все равно уже не воротить. И пошел, бедолага, искать свое медвежье счастье в другие края.

«А может, это судьба? Надо потерять, чтобы найти?» – возможно, это была лучшая мысль из когда-либо приходивших к нему. А за дверью уже царापалась, тихонько повизгивая, другая. И присилась к нему. Он впустил ее. И оказался пиратом.

И так каждый раз, когда я оставался один, мой корабль выходил в открытое море. Когда никто уже над тобой не кружится. Только небо и море – плыви, куда хочешь. Хочешь – налево, хочешь – направо, а хочешь – по звездам – прямо...

...Все ближе и ближе его паруса. И вот уж их пушка стреляет в последний раз. Но снова мимо. А я стою и смотрю: это стреляют в меня.

Рука на сабле. Черный флаг над водой. И жизни многих из них, что со страхом глядят на идущий на них корабль, оборвутся, как нити, когда еще не закончится этот бой. Но сделать уже никто ничего не может.

Борт ударяется в борт. Скрежещут снасти. Летят abordажные крючья. Над океаном разносится рев: вперед, туда!..

И сразу – сильнейший удар. Но я предвидел его, и он оскользнул по подставленной сабле. Какой отчаянный гордый взгляд – он уже знает... Не думать! Тусклый блеск моего стального клинка...

Вперед! Только там, среди криков и дыма, ждет нас победа. И пусть никто никогда не узнает, какие сомнения в моей душе...

Корабль в плену. И сразу обвисли его паруса. Поникли – трепещущие. Как и те, столпившиеся на носу. В глазах их ужас, и они – словно тени.

Из трюма выносят на палубу золото в крепких, окованных сундуках. Пляска чертей, полосатых и драных! Но справедливых.

А ко мне, капитану, поднявшему флаг корабля пиратов, ведут вырывающуюся с криками пленницу. Черные жгучие волосы, бант. Испанка?.. И отчаянно-смелый взгляд – она не боится?

Но я не смотрю на нее. Она ждет от меня этот жаркий жадный огонь: ведь она же знает, что она – моя. И я это знаю.

А я стою на мостике поверженного и захваченного в бою, еще дымящегося корабля и смотрю на плывущие в небе красные облака. И «тени» тоже смотрят туда – не на золото – на облака...

Я понял однажды и помню с тех пор всегда: мы все все равно умрем. Быть может – завтра, а может – сегодня. И в их глазах, людей, сложивших оружие и побежденных, я вижу нечто – одно и то же, горящее светом, похожим на эту затухающую зарю...

Зачем мы живем? Ведь должно же быть что-то, что бросает жизни в огонь борьбы?

Однако это, я знаю, – не золото. Быть может, это – любовь? Полет над бездной, которым одаривает только одна она?

– Есть у тебя ребенок?

Она не ответила, гордая женщина.

– Он здесь?

Ее глаза расширяются, как у дикой кошки, готовящейся к прыжку. Для нее это будет последний прыжок. И она прекрасно знает об этом тоже. Вот оно, «мгновение зверя»! Все, атака...

Я смотрю ей прямо в глаза. Как страшно... Даже свет начинает меркнуть. И вот уже ветер срывает морскую пену, а палуба проваливается под ногами. Ее подводят вплотную.

Какая буря, какой ураган!.. Черные низкие тучи закрыли плавающее над горизонтом солнце. И солнце исчезло. А океан вокруг метался и рвал, и огромная надвигающаяся волна, казалось, сейчас захлестнет меня – прошедшего через ветры стольких морей – навсегда. И исчезнет все в обрушившейся зеленой воде...

Но и в ее потемневшем взгляде я тоже вижу вспыхнувшее отчаяние: она ненавидит себя. Я вижу это: что нравлюсь ей! Нравлюсь, когда она, бесстрашная, гордая, унижена до рабыни, лишена свободы, лишаемой чести. А жизнь ребенка – это её ребенок! – на волоске. И она – погибающая – в огне и смятении...

– Отдать им корабль! Вы – свободны.

Не оглядываться. Вперед. Сейчас – только вперед!

Я отдал приказ, и корабль, повинувшись, распрямил паруса и послушно двинулся в сторону все накрывающей темноты.

И она пришла... Вокруг еще вздымается и качает, но это, как с окончанием грохота боя, уже не страшно и не опасно. И вот уж совсем утихло и вышли звезды. Над океаном спустилась ночь.

Где ты, звезда моя Вега? Отчего так ая тоска?

.....

Шел так, шел Медведь – в душе капитан (оказалось – пират), – размечтавшись о далеких синих морях, и пришел на заросшую травами солнечную поляну. На поляне домик стоит. Елочка растет. А под елочкой сидит Козочка и плачет. Тоненькая такая, глазки, как морская вода, зеленые, ножки на копытцах.

– Отчего ты, Козочка, плачешь? – спрашивает Медведь.

– Как же мне, Козочке, не плакать? Прибежали собаки, пообрывали в огороде всю капусту, забрали, сказали – в кооператив. А мне вот деньги отдали. «Иди теперь, – пролаяли напоследок, – покупай эту капусту в нашем прекрасном кооперативе. Там и малина скоро будет, ее Медведь принесет». А зачем мне малина?

– А ты купи только капусту, – предложил ей Медведь.

– Ах, какой же ты умный! – сказала она, даже подпрыгнув на ножках (ого, ка-акие крутые!) от радости. «И какой хороший», – подумала позже, когда он принес ей мешок с капустой. – Клади на полку. Сюда! Да осторожнее, прямо медведь косолапый! Ой...

– Зато я могу за пчелиным медом на самое высокое дерево залезть, – он, похоже, нисколечко на нее не обиделся и даже прищелкнул языком: а вот ты не можешь!

– Ну и ладно, – ответила она. И вдруг снова заплакала, так ей показалось обидно, что не может она, как другие, лазить по высоким деревьям. А если честно, то и по низким тоже.

Тут Медведь совсем растерялся: он не дружил еще с козочками и не знал потому – можно ее, так горько плачущую, погладить по головке или нельзя? А потрогать ее ему хотелось сейчас больше всего на свете. Он позабыл даже думать и про свой корабль, и о других медведях, которые живут на далеких звездах. Он страдал.

А она уже прыгала по полянке и звонко смеялась. Сплела венок из ромашек и надела его на свои тоненькие рожки.

– Я тебе нравлюсь с веночком? – спросила она, останавливаясь совершенно случайно около страдающего Медведя. – Да ты откуда идешь-то? Поди и голодный? Заходи-ка, солнышко, в мой дом. – Она взяла его за медвежью лапу и повела на кухню. И вдруг всполошилась: – Ох! Ведь сейчас придет мой законный муж. Он у нас Ученый Козел. И все у него по порядку и по режиму.

– Ах, как ужасно, просто ужасно, – повторяла она. – Ну уж эти собаки! – Схватила белыми ножками на копытцах за черную головку и, повязав на ходу передничек, побежала готовить скорее Козлу капусту. А Медведя спрятала за занавеску.

В гостиной разлился колокольный бой старинных часов.

Точно, по часам пришел Козел и сразу потребовал капусту.

– Знаешь что? Налей-ка мне «Московской». Я хочу сообщить, дорогая, что у нас будет торжество: меня выдвигают в секретари нашего, пользующегося, скажу это не хвастаясь, самой высокой в городе, да и за рекой тоже репутацией Ученого совета.

Я понимаю, как ты довольна, – говорил он, задрав белобрысую голову с рогами и опрокидывая в ее рот рюмку водки. – А нет ли у нас еще и соленой капусты?

Он пошевелил одним ухом, подумал, пошевелил другим и торжественно объявил:

– Хорошо пошла!

– До чего же все вообще хорошо, – продолжал говорить он, радуясь волшебному теплу и уткнувшись в тарелку с капустой, тыча в ней зажатой копытами вилкой. Потом поднял внушительные рога и, выставив острую бородку, которая, по единодушному мнению, придавала ему столько интеллигентности, долго и сосредоточенно о чем-то думал. Наконец, поразмыслив как следует, сказал, глядя серьезными глазами на присмирившую жену: – А не выпить ли мне еще и вторую рюмку?

– Ты мне нравишься сегодня, – лукаво подмигнул он ей немного погодя. – «Зачем вы, девочки, красивых любите...» Я что-то никогда не видел тебя с цветочками. Благодарю! Можно съесть?

Он откусил одну ромашку, пожевал, пожевал, укусил еще, а потом уставился на Козочку недвижным оловянным глазом. Зажмурился, как на заседаниях Ученого совета, другой такой же.

– Разве ты ничего не заметила? – спросил он приятным, хотя и с проскальзывающим еще в нем этим «бе-е», голосом, в котором, однако, уже можно было уловить нотки будущего ученого секретаря. – Я, когда кушал, кажется, вилку уронил.

Она нашла под столом около грязного копыта вилку, вымыла и подала ее снова. И «вся в трепетном ожидании», как учила одетая всегда «под козочку» свекровь, пристроилась рядом.

– Угу, – поблагодарил он, сверкнув в ее сторону, как могло показаться, недовольным взглядом. И переложил вилку на отведенное ей место. – И еще, будь так добра, заведи патефон и поставь пластинку, которую подарила Лиса. Что-то забыл название... Как она? Ты ведь знаешь, там еще есть вот это, что нас с Петухом-депутатом, избранным разве что из-за перьев, так тогда позабавило. И Лиса, когда ей тоже указали на эти развеселые слова, так просто падала, так смеялась. Ага, кажется, вспомнил:

«Умру ли я, ты над могилою гори, сияй моя звезда...» – пропел он низким и, надо признать, неплохим голосом, но в конце, на «моя звезда», вдруг всхлипнул и, взлетев на пол-октавы, «дал козла».

– Дура, эта Лиса! Причем тут могила? Да еще и с музыкой! – Без Пегуха он оказался не таким уж храбрым. – А поищи-ка, пожалуй, вот эту: «В бой роковой мы вступили с врагами...» Она как раз под мое настроение. Да и полегче – ты же знаешь, ее ведь можно петь как бы в подполье. Даже не петь, а шептать – как те, что были первые, с горящим взглядом, вонючие и при свечах. А я принесу барабан. На рояле моя игра, я заметил, тебе не нравится, к тому же там мешают черные клавиши.

«Почему смеялась Лиса? – удивился Медведь, который слышал в приоткрытую дверь весь разговор. – Она же ко мне тогда приходила и просила совета – какую купить пластинку? Говорила: «В подарок в будущем о-очень ва-ажной персоне». И еще чуть-чуть усмехнулась. Я спросил – вот такие слова понравятся: «И пусть останется навеки тайною, что и у нас была весна с тобой?..»

Лиса посмотрела на меня грустными-прегрустными глазами и сказала, что эти слова очень красивые, но что «там» вкусы несколько иные. Надо что-то «из старого» и возвышенное во всех отношениях («навеки тайною» – это как бы *не очень*). А кроме того, надо бы, чтобы это пел кто-нибудь из Большого театра. Мы подобрали. И поговорили о том, что в красоте скрыта судьба – у каждого своя. Она была растрогана и искренне мне благодарна...»

– Ну а теперь, – продолжал Козел, снимая со стены висевший на гвозде барабан, – я скажу тебе то самое главное, о чем ты, не будучи такой же умной, как я, никогда и ни за что не догадаешься.

Положение Ученого Секретаря, а я им, надеюсь, стану, открывает – пусть не сразу, но я ведь еще не стар – дорогу к должности Самого Председателя Совета. Представляешь? Идешь коридором и слышишь из искренней деликатности приглушенный шепот: «Смотрите, смотрите! Это же идет наш Эс-Пе-Эс!» И я даже думаю: а не сделать ли мне тот мой Совет еще и международным?

И тогда меня, возможно, начнут называть на их английский манер: Си-Пи-Си. Да! И звучит по-научному, а главное – никаких тебе «бе-е» и «е-е». И все считают уже, что я когда-нибудь обязательно получу эту должность. Если только Высший Бульдожий Совет не направит на это мое место какую-нибудь собаку... Или же не вылезет снова эта драная рыжая Кошка! Тоже мне – независимая! Демократка до пяток! Мурлычет! Задрав вверх хвост.

Но не будь пессимисткой, я запрещаю это! Как там: «Но мы поднимем гордо и смело...» Налей-ка еще! Я уже представляю, как очень скоро, дай только стать ученым секретарем, мы сумеем «поговорить» с этим выскочкой Серым Волком. Лезет к нам со своей диссертацией. Говорит – интересно! Но он повоюет еще – эх, хорошо идет! – при этой, бля..., луне, когда узнает, что нам, козлам, объединившимся в дружное стадо, никакие волки уже не страшны. И неужели же сразу не видно, что он дурак? Не понимает главного в жизни – кому он такой, одиночка, нужен?

Наука бывает, это известно, маленькая и большая. Хочешь, как мы, решать проблемы большой науки – построить город в пустыне и повернуть текущую в ошибочном направлении реку или присвоить правильное название открытой кем-то случайно новой звезде – изволь, как все, нацепить рога и – в стадо, к нам. Где мы, козлы, изучая труды Председателя, не жалея себя – а иначе откуда бы наши награды? – пашущие за других на нивах полей науки, уверенно и спокойно, из года в год, движемся вместе по горным тропам к ее сияющим впереди вершинам!

Он взял паузу, как делал это на лекциях, чтобы дать возможность слушающим его глубже вникнуть в излагаемый материал. В сих торжественных словах были заключены его кредо и основа его успехов, признанных в мире науки, судя по объективному числу ссылок на него других ученых козлов. Потом продолжил:

– Вечные ценности! К ним стремимся мы, труженики науки. Самым же ценным в жизни является интеллект. Ум философа, ум ученого. Это с нас все начинается. А потом уже идет практика, где бараны внедряют наши идеи. И по-своему даже счастливы, получая за это деньги. Опять же от нас. Что лишь подтверждает известную истину: нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Искушенный профессионал, он закончил свои рассуждения изящной мыслью. Ну и что, что давно известной? Зато все проверено и понятно. А кому не понятно, так вы, как говорят живущие в Париже французы, «подыхайте, собаки, если вам плохо».

Он почесал копытом за ухом, придвинул портсигар с “козьими ножками”, понюхал, подумал, но передумал и, ласково прищуриив один глаз и строго глядя другим, тут же почему-то превратившимся в оловянный, обратился к застывшей на краешке стула, вся в завитушках из серой шерсти, красавице-жене:

– Можно попросить еще тебя, дорогая, приготовить чашечку ароматного кофе?

– Ты устала, – сказал он, когда она принесла ему кофе. – Иди отдохни, попрыгунья. А я еще поработаю: правилам трудолюбия изменять нельзя. Чтобы развить талант, нужен огромный труд. К тому ж у меня осталась всего одна мысль. Но я уже завтра хочу направить ее в журнал – не держать же в секрете от других!

– Про что он там пишет? – тихонько спросил Медведь, неловко высовываясь с измазанным чем-то носом из-за ситцевой занавески с голубыми цветочками, когда она принесла на кухню посуду.

– Что он пишет? Диссертацию. О Медведе. Говорит, что утрет носы (*пауза*) его предшественникам. Всего-то лишь фантазерам. Принеся себя в жертву, он, теоретик в науке, займется также бараньей практикой. Это будет эксперимент века. А Медведя он называет просто Миша. И всю диссертацию – «Миша Булгаков и Кот Бегемот в оценке будущего лауреата Козпремии». Он надеется стать профессором. Будет учить котов пить с ним водку.

– И прошедшие его курс станут образованными козлами? – с затаенной грустью, облизывая нос спросил Медведь. Задумавшись, он печально опустил непутевую голову. Было слышно, как за стенкой играет пластинка и немного не в такт стучит барабан. Часы снова отбили время. Патефон мяукнул и замолк. Это Козел, имея еще одну мысль, готовился совершить последний бросок.

Медведь понимал, что где-то, по-видимому, промахнулся.

– У Козла уже есть рояль, а я все про звезды. Э-эх, жизнь!..

– Откуда Медведь? Зачем Медведь? – забыв про предательское «бе-е», закричал Козел. – Опять ревет, опять пробрался к науке! Придумал, наверно, какую-то новую вредную идею. Козочка, посмотри запоры! Чем только занята эта неплохо живущая на наши народные деньги собачья общественная охрана? Не будь я ученым с именем и положением, сам бы пошел в охранники. Чтоб показать, как надо работать. Почему-то только одни и те же и могут делать одинаково хорошо и то и другое.

– Не беспокойся, Ученый Козел! Я проверила, все закрыто, – звонким голосом отвечала Козочка, запихивая Медведя обратно за занавеску. – Ну, иди же! Иди! – И швырнула огрызок венка.

– Наверное, мне пора, – глухо сказал Медведь. – Пойду назад, в свой дремучий лес. Где растут березы и ели.

– А как же я? – растерялась она. – Ты меня оставляешь?

– Но я ведь даже не ем капусту...

– А ты представь, что это малина. Только белая и большая.

«Может, и правда? – подумал Медведь. – Если тебе говорят, что капуста – это совсем не капуста, а сладкая ягода-малина и ты согласен, то завтра, глядишь, и твое счастье найдется?»

Да не в берлоге у края оврага с колючими елками, а в светлом доме, и в нем хозяйка с милыми рожками, в клеточку передничек, стучит копытцами по паркету и несет самовар для вечернего чая и малиновое варенье. Из кислой капусты...»

...А в этой сверкающей дали, где разбиваются корабли смелых, я знаю – там на небе сияют звезды! И рука, доставшая саблю в последний раз, – не дрожит... – Его корабль уходил под воду, и надо было на что-то решаться – сейчас, немедленно.

– Похоже, я не умею, – чуть слышно сказал он, глядя в эти враз потемневшие зеленые глаза с длинными пушистыми ресничками. – Прощай и прости, прекрасная Козочка! Ягодка-малинка.

«Я остаюсь одна? С большой наукой и барабаном? И жизнью, как изогнутая лошадиная подкова?..»

– А ты не можешь мне подарить медвежонка? Маленького, хорошенького такого...

* * *

Но вызов брошен, и пути назад больше – нет. Так поставить все паруса!

И пусть мой прокладывающий дорогу оружием корабль плывет и не знает границ. Бушует море Сомнений, кричат какие-то птицы, а он – плывет, распустив паруса, положившись на небо и ветер, в туманный океан Неизвестности.

Под ним океанская темная глубина. Над ним необъятная черная бездна. И – звезды. Какие звезды!..

Эй вы, птицы, перевернитесь когда-нибудь и взгляните, вы поймете, что мы живем, наверное, т о л ь к о р а з . И это так недолго!

Так в чем же – счастье?

Не склоняться и выдержать все. Чего нет – не жалеть. И служить н е з е м н о м у .

Чтобы – сабля в руке! Ярость битвы! Смятенье огня!

Прощение... Прощание... Не оглядываться никогда...

А в небе – голубая мерцающая звезда.

Сходня – Женева

Мистика побед русского оружия во Второй мировой войне

Всякая истина крива
Фридрих Ницше (XIX век)

В глубоком знанье жизни нет
Пушкин (XIX век)

Россией управлять несложно, но совершенно бесполезно
Император Александр II (XIX век)

Изложенное в этой статье отражает *тайную* метафизическую основу русской культуры, ориентированной на женское начало в Природе и призванной через победы красоты управлять направлением *движения*, этого проявления *энергии* в Природе, или мужского начала. Что было привнесено автором в западный, мужской по духу, ЦЕРН и выразилось в виде эффекта «сжатия времени» при создании интегрированного комплекса административно-управленческих информационных систем, сделавших прозрачным ход выполнения работ по созданию ускорителя Large Hadron Collider (LHC). Без чего LHC хотя все равно был бы построен, но, похоже, уж никак бы не в 2008 году. Не говоря о его качестве.*

Говоря об *управлении временем* (разном, по наблюдениям автора, в частности для немцев и русских), можно проследить проявление этого эффекта как в научных разработках (о чем написано в идущей выше статье «Time Compression: русско-английский эксперимент в ЦЕРН»), но также и в ходе истории. История, если присмотреться, отражает эту *тайну*, проникнуть в которую разумом невозможно, но можно опереться на выражающий ее *дух*. В нашем случае – *русский дух*, который и привел, как это видится, к победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

*Слова о качестве были написаны за четыре месяца до пробного запуска LHC. Но качеством пренебрегли ради сокращения сроков. И получили... По одной из версий причина «теплового взрыва» была банальной. На криогенном участке работали русские, но мы не являемся членами ЦЕРН, и наших ребят поменяли на захотевших на их место «членов»...

Вот только какие силы порождают русский дух и немецкий дух? Ответа нет...

* * *

Нет ответа и на то, почему автору как бы сами собой «нисходили», случай за случаем, в его жизни те сведения о русском боевом оружии во Второй мировой (Великой Отечественной) войне, которые были собраны им и представлены еще в рукописи его первой книги «Москва – старинный город» летом 1994 года помощнику генерального директора ЦЕРН, французу с русскими корнями Николасу Кульбергу, что и позволило ему, предложившему в этой книге русский подход с *управлением временем*, пробиться в закрытое тогда для нас пространство по созданию административно-управленческих информационных систем, призванных стать в XXI веке «грозным оружием» (не уступающим по мощи влияния атомному оружию XX века), уже пущенным в ход для управления темпами развития высоких технологий (нанотехнологий, биотехнологий и др.) в глобальных масштабах.

Один из таких снизошедших случаев произошел в 1993 году, когда автор в уличном книжном «раскладе» (сегодня этого уже нет) на Лубянке купил книгу Гитлера «Майн кампф». И узнал из предисловия, написанного издателем, что эта книга, найденная в спецхране ЦК КПСС, была переведена на русский язык и издана тогда всего лишь в одном экземпляре. По огромному количеству ошибок и по датированным ссылкам, сделанным в переведенной книге (их сохранили при переиздании), можно было понять, что она была выпущена в кратчайший срок и только для одного человека. Из текстов автор смог также *увидеть* причину, сыгравшую исключительную роль в создании победоносного русского оружия, сделавшего, наряду с героизмом русского духа, возможным принести и бросить к подножию мавзолея Ленина на Красной площади в Москве именной штандарт фюрера.

Этой причиной является, как это можно увидеть из последующих событий, отход Сталина от «ленинской линии» на глобальное подавление свободы духа русского народа, что проявилось, в частности, в создании «шарашек», этих «оригинальных» тюрем для выбивающихся из народа талантливых специалистов. Первая «шарашка» была организована Львом Троцким в 1925 году для Дмитрия Григоровича, создавшего первый пущенный в серию советский самолет-истребитель. Следом за ним в нее же посадили Николая Поликарпова, когда он создал знаменитый биплан У-2.

Но что-то в этом «подходе» не получалось, хотя «шарашки» сохранялись еще и во время войны. Однако начиная с 1935 года проявляется *вторая* линия в отношении русских талантов, отражающая изложенное в книге «Майн кампф»: открытый поиск этих самых талантов из среды народа и поддержка их всей мощью государства. Это можно было бы найти и в действиях Петра Великого, обратившегося после поражения от шведов под Нарвой (1700) к сотрудничеству с русскими старообрядцами, носителями в русской культуре духа свободы (против которого выступали царь Иван IV Грозный и патриарх Никон), но факт остается фактом – Сталин пошел на слом «ленинской линии» именно с того времени, когда ему перевели книгу Гитлера. Так в 1935 году в Кремле был проведен первый открытый конкурс на создание боевой техники.

И это именно тогда, на первом смотре в 1935 году, был *увиден* будущий создатель 80 процентов наших артиллерийских систем, действовавших на полях войны в 1941–1945 годах. Это его пушки потом выбивали более половины шедших в атаку немецких танков и его же системы стояли на лучшем танке Второй мировой войны – русском Т-34. О его пушках Гитлер отдал приказ в Курской битве – брать их в плен, чтобы использовать на своей стороне. И это его музей артиллерийских систем Великой Отечественной войны был уничтожен в конце 1950-х годов по приказу маршала Дмитрия Устинова (тоже артиллериста). А его книга «Оружие Победы», которая в полном объеме была выпущена только в 1990 году, через десять лет после его смерти, заканчивается описанием лишь 1942 года, хотя *мистика*, заложенная в его оружие еще в 1935 году (о чем речь пойдет ниже), проявила себя начиная с Курской битвы (1943). Имя этого главного из главных военно-технических русских гениев того времени – Василий Гаврилович Грабин.

Что же такое сделал Грабин? За ним «числятся» две простые идеи. Первая связана с *красивым* решением выбора между мощностью орудия, точностью стрельбы и весом. В противоречие вступали точность и вес. Известно понятие «артиллерийская вилка»: два прицелочных выстрела и третий (скорректированный по взрывам снарядов) – гораздо более точный. Но для этого пушка должна стоять при выстрелах неподвижно, что требовало высокой прочности и вело к увеличению веса. Грабин сказал: пушка должна быть легкой и мощной. В ущерб точности. Ради

снижения веса, а также простоты изготовления он выступил и против занимавшего тогда многие умы «больших» военных создания универсальной пушки, способной стрелять как по танкам, так и по самолетам. И в этом своем подходе оказался *один*. Но это именно его увидел на том смотре Сталин. И поддержал его, сделав главным конструктором Центрального КБ в Нижнем Новгороде (Горьком) и придав ему завод. После чего Грабин, воспользовавшись этой поддержкой, заложил во все стволы своих пушек второе *мистически красивое* – «глядящее» в неизвестное будущее – решение: он стал делать стволы всех своих артиллерийских систем с двойным запасом дорогого легированного металла. Что по тем временам, грешившим доносами «друзей народа» на «врагов народа», тянуло известно куда... Но ничего «такого» не произошло, а Грабин со временем даже получил право звонить *прямо* Сталину, и они могли еще и «поболтать». Когда он мог что-то попросить. Что вызывало нескрываемую ненависть у тоже талантливых, но не настолько, а потому обязанных стоять навытяжку, разговаривая с «самим» даже по телефону.

Итак, Грабин создает свои мощные длинноствольные 76-миллиметровые артиллерийские системы для борьбы с танками и для установки на танк Т-34. И, пользуясь *свободой*, творит без согласования с военной «научной общественностью». Его ненавидят. Он становится «космическим одиночкой», но не отступает. Его опытные образцы, сделанные в полете мысли, не утверждаются Главным артиллерийским управлением (ГАУ). А война уже «витает в воздухе», и он начинает без согласования с ГАУ, но при поддержке директора завода Еяна выпуск своих систем – для Т-34 и для борьбы против танков. Чтобы пушки, однако, могли уходить с завода, требовался еще и третий смелый – военпред. И он тоже нашелся – Телешов, ждавший, но так и не дождавшийся разрешения от запрашиваемого им ГАУ. Так в июле 1941 года на полях сражений появился танк Т-34 с мощной длинноствольной 76-мм пушкой, пробивавшей броню немецких танков Т-III (основной танк, калибр пушки – 37 или 50 мм) и Т-IV (75 мм) с расстояния до двух километров. А те со своими слабыми короткоствольными «пушечками» должны были подойти к Т-34 на расстояние ближе 500 метров. Что на практике было невозможно. Наш Т-34 просто расстреливал «немца» типично с расстояния в 800 метров (как рассказывал автору один из воевавших на нашем танке солдат, с более дальней дистанции не стре-

ляли, «чтобы не расходовать зря снаряды»). Гитлер был потрясен. А Сталин узнал о «своем» Т-34 с могучей длинноствольной пушкой только в августе, из рассказов пленных немцев.

Еще интереснее история с победой в битве под Москвой в декабре 1941 года. В этой битве с нашей стороны участвовало около 670 танков Т-34 и 1000 дивизионных противотанковых 76-мм пушек Грабина. О пушке Сталин узнал только 1 января 1942 года и сказал Грабину: «Она спасла Россию». После чего она и получила свое название – ЗИС-3 (сегодня ее можно увидеть, в частности, на постаменте в Потсдаме). Хотя ее видели *все* в кинохронике осени 1941 года: это ее и только ее в силу малого веса (1100 килограммов) можно было таскать по грязи осенних дорог руками солдат. Все остальные, более тяжелые по весу, пушки к этому времени остались позади. Где – мы знаем. А лошадей немцы перебили еще летом. Что и надо было *увидеть заранее*.

Да, они были неточными, эти установленные на пружинящие, прогибающиеся при выстреле две разводные станины, легкие грабинские пушки. Но когда немецкий танк, рыча мотором, подходил на 50 метров, то и из нее, буквально раскалывавшей броню, можно было уже бить без промаха. Правда, при этом, как рассказывал мне другой солдат, дрожат руки и ноги. Но и у немцев в танке – тоже. К тому же пушку можно было замаскировать. А вот почему ее не разглядел *никто* в кадрах хроники тогда, осенью 1941-го, – этого я объяснить не берусь. Хотя и догадываюсь.

Но обратимся к другой мистической истории, связанной на этот раз с созданием танка Т-34. Его главный конструктор Михаил Ильич Кошкин был переведен в 1937 году с Кировского завода в Ленинграде на паровозостроительный завод в Харькове с заданием создать колесно-гусеничный танк по чертежам американского инженера Кристи (не признанного в Америке, и правильно не признанного). Это была «заумная» идея создания быстрого танка, призванного «лететь» по дорогам и в атаку (подобно героям-кавалеристам времен Гражданской войны) или носиться по бездорожью по тылам противника и «поливать огнем». Пехоту и тылы, естественно, но не танки и пушки. Что и *увидел* Кошкин и предложил другую концепцию танка – как не только атакующего пехоту, но и противостоящего танкам противника. Но *все* военные оказались против... И так уж случилось, что один «знающий» человек предложил Кошкину доложить его идею *прямо*. Так, учитывая к тому же, что Кошкин пообещал создать за

одни и те же средства и в те же сроки оба танка, быстроходный «крести» и настоящий внедорожник Т-34, с мощным мотором и широкими гусеницами, с наклонной передней броней (идея другого конструктора), в полтора раза усиливавшей защиту, и башней для установки могучей пушки, идея была поддержана. Правда, всего одним человеком. Но этого оказалось достаточно.

Так зимой 1939–1940 годов при крайнем напряжении сил были построены два опытных образца танка Т-34. Но когда Кошкин запросил разрешение осуществить их перегон по снежному бездорожью, чтобы проверить и испытать, то такого разрешения от военного заказчика, не признававшего этот танк и его главного конструктора, этого «выскачку», получить не удалось. И тогда темной мартовской ночью из ворот завода вышли две зачехленные сверхсекретные машины и сопровождавший их тягач, свернули с дороги в поле и пошли в направлении на Москву.

Поступил приказ: поймать и арестовать. Но с помощью чего можно было поймать в заснеженных русских полях лучший в мире боевой танк? Однако, когда были пройдены 500 километров пути, их все же перехватили на единственном в тех местах железнодорожном переезде около Тулы. И тут происходит невероятное. Взятый в «плен» беглецов чекист оказался бывшим танкистом и с первого взгляда влюбился в невиданные машины. Сел, пользуясь властью, за рычаги одного из танков, стал управлять им и сломал что-то в его ходовой части. Остался один пригодный для дальнейшего «прорыва» по русской земле танк, который еще мог дойти до Москвы. Тогда чекист в нарушение данного ему приказа (!) сам возглавляет этот поход. Имя чекиста осталось неизвестным. А имя танка стало известно всем. Кошкин в этом походе простудился, тяжело заболел и в сентябре 1940 года умер. Его похоронили на кладбище в Харькове. (Осенью 1941 года произошел странный случай: этот участок кладбища был атакован немецкими бомбардировщиками, от участка ничего не осталось.) А новым главным конструктором Т-34 стал Александр Морозов, упростивший инициативно (что на нормальном русском языке означает – подпольно) за оставшийся до войны год конструкцию танка. «Вся ваша боевая техника была настолько примитивна, что даже не ломалась», – сказал мне со злостью один бывший немецкий солдат, участвовавший в блокаде Ленинграда.

Итак, концептуально танк Т-34, в котором главным (в оценке не только автора) была установка мощной пушки, был создан

двумя конструкторами – Кошкиным и Грабиным. Но едва ли кто знает, что был еще один, третий, человек, отстаивавший ту же концепцию. Его имя – Гитлер. В 1940 году он выдвинул идею установки в танк Т-IV длинноствольной 75-мм пушки, но был осмеян своими «светилами». А после начала войны эту идею поддержал немецкий танковый гений Хайнц Гудериан, и в 1942 году появился именно такой немецкий танк. Он был в целом все же слабее Т-34, но имел одно важное преимущество: в нашем танке в башне было два человека, а в немецком размещалось три. Что позволяло командиру немецкого танка не заниматься стрельбой, а оперативно руководить боем. В результате возможности Т-34 и Т-IV стали сопоставимыми. И тут проявило себя то, что немецкий философ Гегель назвал «хитростью мирового разума», а если говорить с русских позиций, то это можно было бы обозначить как проявление «прямолинейной немецкой ограниченности». При том, что нельзя забывать – немцы делают самые высококлассные технические разработки. В том числе создали самые лучшие по характеристикам танки Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр»). И «погорели» на этом: надо было, как это видится, создавать не оказавшиеся капризными сверхдорогостоящие «игрушки», а наращивать производство «вытащенных» Гудерианом танков Т-IV.

Наступил 1943 год – год Курской битвы (5 июля – 23 августа). Немцы к ее началу создают 250 «тигров» и 200 «пантер» (в боях из-за поломок будет участвовать менее половины). Мы узнаем об этих танках заранее, но слишком поздно. Теперь уже новые немецкие танки с мощными длинноствольными пушками (88 мм и 75 мм соответственно) пробивают броню Т-34 с расстояния до двух километров, нам же надо приблизиться к «пантере» с ее крепкой лобовой броней на 100 метров, а 100-миллиметровая лобовая броня «тигров» была вообще непробиваемой для наших 76-миллиметровых пушек. Катастрофа кажется неминуемой. И тут нам опять везет: Гитлер откладывал Курскую битву раз за разом, чтобы выпустить «требуемое», по его мнению, для разгрома русских качественно превосходящей немецкой техникой количество «пантер», с начала мая (на чем настаивали выдающийся фельдмаршал Манштейн и генерал-инспектор танковых войск Гудериан) до начала июля. Что стало одной из самых роковых ошибок для немецкой стороны. Так это видится сегодня немцам, но не так мне, русскому: здесь все представляется

утонченнее и сложнее: немцы *должны* были совершить эту ошибку, чтобы могла проявить себя *красота*.

В это время (предположительно в апреле) Грабин приходит к Сталину и сообщает, что во все стволы своих артиллерийских систем он еще с 1935 года закладывает двойной запас металла. Что позволяет одним проходом сверла перевести их на калибр выпускаемых на заводах 85-мм зенитных снарядов, которые могут пробить лобовую броню «пантеры» с дистанции 1000 метров – основной в танковых боях. На что надо только немного времени – совсем немного для пушек и не слишком много (здесь, однако, было посложнее) для танков.

Напомню о сказанном выше: Грабину не разрешили описывать в его книге «Оружие Победы» события дальше 1942 года, поэтому апрель, май и июнь 1943 года, предшествовавшие Курской битве, стали для их исследований самыми загадочными. И все же где-то промелькнуло, что в это время на заводах расверливались стволы грабинских пушек под калибр-85. Но вот было ли это только для противотанковых пушек ЗИС-3 или также и для пушек на танках Т-34, ответить мне трудно. Но Курскую битву оказалось возможным выиграть и по ряду других, близких к мистическим, причин, хотя для себя я убежден: в ней участвовали по крайней мере пушки ЗИС-3/85. Уже потому убежден, что Грабину так и не разрешили описать это время. Важно и то, что из общего числа уничтоженных «пантер» на долю пушек ЗИС-3 пришлось очень много – более половины. «Тигры» же всегда, по уставу, шли в атаку позади танков Т-IV, и их достать было почти невозможно. Для этого были разве что мины или же надо было подойти вплотную и бить их в бок, что могли сделать только танки. Что и было сделано в Курской битве в знаменитом танковом бою под Прохоровкой. «Пантеры» в этом сражении не участвовали.

Сначала о «трагедии» «пантер». Это был, по общей оценке, самый сильный танк, созданный во Второй мировой войне. Но и очень сложный, что привело к откладыванию Гитлером срока проведения Курской битвы раз за разом с начала мая. Так мы получили два месяца, возможно, ставших *тем самым* резервом времени, когда, похоже, и было переведено большое количество пушек ЗИС-3 на калибр 85 мм. (В переводе на калибр-85 пушек на танках Т-34 в этот период я, пожалуй, не уверен.) Но вот, наконец, 200 «пантер» направлены на русский фронт. И тут про-

исходит почти невероятное, если бы примерно такое же не было совершено еще до этого по чьей-то глупой инициативе, поддержанной Хрущевым, в феврале того же 1943 года. Тогда после разгрома немецкой группировки в Сталинграде наша танковая армия под командованием генерала Попова была брошена без должной поддержки пехоты в поход на Харьков и окружила его. Узнав об этом, Гитлер приказал эсэсовскому генералу Паулю Хауссеру, в распоряжении которого были танки «Тигр», организовать оборону и держаться до конца. Но Хауссер, дававший клятву верности лично фюреру, нарушает этот приказ (!), вырывается со своими мощными танками из окружения и в свою очередь отсекает танки Попова от его тылов. В этом постыдном для нашего командования поражении мы потеряли 600 тысяч солдат – вдвое больше, чем немцы в Сталинграде. И вот нечто подобное происходит, но уже в отношении отряда из 200 «пантер», в Курской битве.

Немцы при поддержке все того же гения (на этот раз никак не гения) Гудериана, создававшего *единые* формирования из танков, пехоты, авиации и служб их снабжения, реализуют идею «чистых танков». Все «пантеры» передают в 4-ю танковую армию «Великая Германия» (не эсэсовскую), где уже было 129 танков, в том числе 15 «тигров». Передают без увеличения штата обслуживающего персонала, да еще придают созданному при этом полку под командованием майора фон Лаукерта право самостоятельного поведения в бою, без подчинения командиру дивизии, в которую этот полк входил. Считалось, что столь мощная группировка сможет самостоятельно решать крупные тактические задачи. Но из этого ничего не вышло. «Пантеры» то попадали под убийственный огонь пушек ЗИС-3, то их в отсутствие пехоты громили в бою наши герои-солдаты, то обкладывали минами (их производство наладили только в мае 1943 года) по ночам «хитрые» русские минеры. Это одна из самых «странных» историй.

Но обратимся к главным событиям в Курской битве. В первый день боев немецкие танковые дивизии СС угрожающе продвинулись с юга в русскую оборону в направлении на Обоянь. Командующий Воронежским фронтом Николай Ватутин отдает приказ командующему 1-й Гвардейской танковой армией Михаилу Каткову перейти в контратаку. И снова загадка. Катков, против которого должны были идти модернизированные Т-IV при поддержке «тигров» и все «пантеры», отказывается выполнять этот приказ (!) и обращается, в нарушение устава, напрямую

к Сталину. (Так получилось, что Сталин сам позвонил туда, где был в это время Катуков.) Он считает, что его армия погибнет, выполняя приказ Ватутина, и что гораздо эффективнее будет закопать танки в землю и организовать оборону. Сталин его поддержал. Немцы не прошли и повернули правее, на железнодорожную станцию Прохоровка. А здесь нам повезло с холмистой местностью.

Сражение под Прохоровкой длилось с 10 по 16 июля, самые большие бои пришились на 12 июля, с которыми связываются события с так называемым «встречным» – когда все смешалось, что было на руку маневренным Т-34 («как корова» – говорили о неповоротливых тяжелых «тиграх» наши солдаты), – танковым боем. Этот день вошел в историю как самое крупное танковое сражение за все времена и как день русской славы. Но также вокруг него оказалось много «темного», причем даже не с двух, а с трех сторон. Так, в наше время можно *совсем недорого* купить прекрасно изданную книгу, где написано, что в этом бою русские потеряли 350 танков, а немцы – 5. И что победили русские. После чего – видимо, так задумано – читателю, если он русский, должно стать неловко и даже стыдно. Немецкая сторона, правда, до этого не опускается, но говорит везде, что потери в танках были в соотношении 5 : 1 в пользу немцев. Это сегодня признает за боем под Прохоровкой и русская сторона, и с этой «правдой» – а это соотношение действительно является правдой – мы и живем. Живем с ощущением пусть не стыда – что взять с тех, кто, выступая с третьей стороны, вне сомнения, нагло «отрабатывает» задание? – но все же какой-то неловкости...

И напрасно. Потеря 350 русских танков в битве 12 июля, судя по разным источникам, отражает правду. Как и соотношение потерь, приводящее к цифре в 70 уничтоженных немецких танков, – тоже правда. Вот только в этих «правдах» нет той глубины, которая почему-то, несмотря ни на что, заставляет русские сердца вопреки всем этим цифрам ощущать – гордость. Почему?

Пишущий этот текст, с одной стороны, *знает* еще нечто, что самым тщательным образом от нас скрывают. Хотя, с другой стороны, в разрозненном виде это можно найти, что означает – в действительности здесь нет никакой недосягаемой тайны. И мы поговорим об этом ниже, имея целью «освятить» нашу гордость.

В Прохоровском сражении 12 июля с большой степенью достоверности участвовало с нашей стороны около 800 танков Т-34,

а с немецкой, которой командовал все тот же Пауль Хауссер, – около 420 танков, примерно 360 Т-IV и 45 «тигров» (три роты по 15 машин в каждой и еще командирские машины). То есть всего на поле боя в этот день сражались около 1200 танков.

Но это – сошлюсь на исследования, описанные в книге Льва Лопуховского «Прохоровка» (М., 2007. – 617 с.), – не была единая «баталия». Хотя именно «встречный бой» в этот день все же произошел, в сжатом пространстве между рекой Псёл и железной дорогой, но это было только частью грандиозного сражения, случившегося в разных местах. А все началось с приказа командующего фронтом Ватутина об атаке на немецкие позиции, отданного командующему 5-й Танковой армией Ротмистрову. Принял ли Ватутин это решение сам, или же оно поступило «сверху», мне не известно. Но зато известно другое: в отличие от немецкого командования, которое оставляло свободу действий для командиров на местах, предпочитая ограничиваться общим заданием, у нас подобные приказы для неукоснительного выполнения могли спускаться из Ставки Верховного Главнокомандующего. При этом они «для ясности» могли сопровождаться матерной бранью со стороны Молотова. Не исполнять такое было невозможно.

А тут еще унижение, полученное за несколько дней до этого от Катюкова, отказавшегося атаковать немцев после первого дня Курской битвы. Да еще были, как пишет Лопуховский, поступавшие сведения от разведки о маневрах немцев на флангах. При том, что в Курской битве русской стороне везло чуть ли не в мистических масштабах – мы к этому еще вернемся, – в то утро 12 июля Ватутин, похоже, совершает ошибку, без которой, возможно, не было бы ставшего знаменитым встречного боя. Отдав приказ о начале атаки на 10 часов утра, он вдруг переносит срок на 8 часов. А у немцев, в свою очередь, была намечена атака на 9 часов утра. И если бы мы не «выскочили вперед», то наши потери были бы много меньше: атакующих, по опыту, погибает в три раза больше. Да еще «тигры», стреляющие на поражение с дистанции в 2000 метров. («Пантер», напомним, там не было.)

Возможно, нам «не очень» нравится сегодня Ватутин, явно отдавший приказ о переносе на более ранний срок атаки на немецкие позиции не без нервного срыва. Возможно также, что рассказанное об «исполнительном» Ротмистрове (напомним о героическом поступке Катюкова, отказавшемся идти в бессмысленную атаку) тоже в чем-то бросает тень на ставшего со временем леген-

дарным героя, на самом деле отправившего на неоправданную гибель сотни наших танков и мальчишек-танкистов (за что его, правда, вначале чуть не наказали). Но дает ли нам раскрытая со временем правда о деталях тех событий право осуждать их?

Думаю, что не дает. И на все это есть замалчиваемая сторона этой битвы, в которой наши потери в танках были 5 : 1. В этой «невьигранной» немцами битве *потерпела крах* концепция превосходства «сумрачного германского гения» («превосходства немецкого качества») над «загадочным» русским интеллектом, основой природы которого является ориентация не на «превосходство», как у немцев, а – на «победу». Для этого надо иметь два условия – самых красивых женщин (с этим у русских нет проблемы) и уникальное качество устремленности через *неограниченную свободу духа* к Красоте. Что является *невидимой* стороной русской культуры, раскрыть которую еще не удалось никому. Но что ведет к победам через поиски *красоты* в частных решениях (из чего и состоит вся наша жизнь), которую мы постигаем интуитивно благодаря высочайшей духовности нашей культуры. Как правило, даже не осознавая этого.

Так, мы как-то чуть ли не равнодушно воспринимаем наши относительно большие потери. Потому что мы – варвары, как об этом «вдалбливают» нам? Но ведь мы же знаем, что мы, русские, не только не варвары, но в чем-то неуловимом, но очень-очень важном, даже наоборот... Уже хотя бы потому, что нам не очень нравится жить за границей. Здесь есть что-то, недоступное *им*, что и мы до конца не понимаем, но тем не менее это *ощущаем*? И это можно было бы попробовать выразить словами?

Попробуем. Известно, что после сражения под Прохоровкой поле боя осталось за немцами. Отремонтировав $\frac{3}{4}$ своих подбитых танков и взорвав доставшиеся им подбитые Т-34, немцы до сих пор доказывают везде, что русские умеют воевать только «большой кровью». И умалчивают, что после 3 августа, когда поля сражений стали всегда оставаться за русскими, соотношение стало уже не 1 : 5, а 1 : 1,7. Да, хорошо обученные немецкие солдаты с их могучими «тиграми» и «пантерами» несли меньшие потери, но не надо забывать и другое – то, что не доступно немецкому интеллекту. Они выпустили всего 1350 «тигров» и 5500 «пантер» и примерно вдвое большее количество «слабоватых» средних танков Т-III и Т-IV. А мы, почти не изменив силуэт нашего танка, смогли произвести 54 000 танков Т-34, которые

с 1944 года выпускались с пушкой калибра 85 мм и башней для трех человек (высвободив, как и у немцев, командира для управления боем). В результате «вытащенный» был немецкий танк Т-IV снова сильно «подсел» перед Т-34, и это привело к тем самым перекосам не в пользу немецкой военно-технической мысли, что понять можно, только рассматривая все происходящее в человеческой истории под углом зрения на ответ о *смысле жизни*.

Это с «гуманитарных» позиций, развиваемых Западом, русские – варвары. А вот с точки зрения русской православной культуры, утверждающей, что *смысл жизни лежит вне жизни*, мы – люди не просто Земли, но – Вселенной. Иначе – люди, *направляющие* историю «по воле Бога». Да не обрушится на меня небо от критики демократов, отстаивающих права отдельно взятого человека, но только мне *видится*, что без войн XX века мир не имел бы сегодня достижений того прогресса, который если и сделал кого-то богатым, то именно «льющих слезы» демократов. Для чего нашей армии надо было прийти в 1945 году в Берлин. И она пришла. Чтобы быть сегодня *ими* судимой. А *Кого* они судят?

Мистика русской победы в Курской битве (1943 год)

«Наступлением на Курск я хотел повернуть судьбу. Я никогда не думал, что русские так сильны» (Гитлер, 1943 год).

* * *

Немцам в Курской битве, как это может показаться, просто не повезло: если бы они ее начали, как и планировалось вначале, в начале мая, то у них было бы меньше «тигров» и «пантер» (в оценке автора, раза в два по «тиграм» и в три по «пантерам»), то у русской стороны не было бы достаточно тяжелого оружия, способного им противостоять – я исхожу из того, что в битве уже участвовали, возможно, танки Т-34/85 и, почти наверняка, пушки ЗИС-3/85, а также не было бы произведено много новых противотанковых мин, ставших настоящим бичом для немецких танков.

Что заставило Гитлера передвинуть начало битвы на июль? Только ли логика его расчетов, в которых его потом обвиняли?

Наверное, с этим можно было бы согласиться, если бы, кроме отмеченной неудачи, с немецкой стороны не было бы сделано еще большого числа других роковых ошибок. В этой ограниченной по объему статье было рассказано далеко не обо всем. Ниже курсивом отмечено то, что я разместил в книге [3] (см. стр. 15).

Вот эти ставшие роковыми для немцев события:

– немцы, познакомившись с русским танком Т-34 в первые же дни войны, не сразу приступили к разработке «тигра» (задел по «тигру» уже был) и «пантеры», а отложили до конца ноября 1941 года и в результате потеряли то самое драгоценное время, которое Гитлер и пытался потом получить (для изготовления новых танков), отодвигая начало битвы; а русские расстреливали стволы и изготавливали новые противотанковые мины;

– не стоило, по-видимому, рисковать, выпуская в бой первые экземпляры еще засекреченного «тигра» за много месяцев до начала Курской битвы; хотя вероятность попадания этого танка в руки русских казалась почти невысказанной, но это произошло;

– столь же рискованным было и распространять сверхсекретную информацию о новой броне чудо-танков среди немецкой элиты, исходя из одной только уверенности, что в среду патриотов не может проникнуть русский шпион; а он проник;

– надо было, чтобы шпион оказался пройдохой-ловеласом, а у одного из всемогущих сталинских магнатов подросла бы к этому времени хорошенькая дочка; но и это совпало. Но также надо было еще, чтобы она уже после двух недель знакомства дала свое согласие выйти за него замуж; и она его дала;

– надо было, чтобы подозрительные гестаповцы разрешили отлить кольца для помолвки молодых не из золота, а из новой секретной брони; и они разрешили;

– надо было еще, когда кольцо из брони уже было в руках русского разведчика, суметь быстро пробраться из Германии в Советский Союз; и разведчик сумел (через Швецию); качество новой танковой брони было исследовано в одной из уральских лабораторий и стало потрясением для русских специалистов;

– надо было, чтобы Грабин задолго до начала Курской битвы (еще в 1935 году) заложил в стволы всех своих пушек двойной запас металла; **это было самое удивительное и необъяснимое;**

– надо было, чтобы на этом не «сыграли» дотошные соглядатаи и его бы не «привлекли» за перерасход дефицитного, особенно в начале войны, легированного металла; и это при том, что он вначале открыто говорил о своем решении, а значит – соглядатаям оно было известно; но они трусили и не «сыграли»;

– надо было, чтобы он, занимаясь полевыми дивизионными пушками, неожиданно взял бы и инициативно сконструировал еще и пушку для танка Т-34; и он нашел настроение и время;

– надо было, чтобы Кошкин сконструировал танк Т-34 с таким запасом прочности, что в него можно было бы устанавливать могучую пушку калибра 85 мм; здесь, считается, просто повезло;

– надо было, чтобы сотрудник НКВД, перехвативший около Тулы прорывавшиеся на смотр в Москву первые два танка Т-34, влюбился в эти невиданные машины и нарушил приказ (о задержке «беглецов»), а затем еще и пошел сам, реально рискуя своей головой, с одним из этих танков (другой он сломал) дальше – это был настоящий подвиг; и это тоже было;

– надо было, чтобы калибр пушек 85 миллиметров оказался достаточным, чтобы пробивать броню «пантер» с дистанции 1000 метров, основной в боях с танками (броня «пантер» была сделана с учетом того, что 76-миллиметровые пушки ЗИС-3 и на танке Т-34 могли пробить ее только со 100 метров); и это случилось;

– надо было, чтобы немцы пошли на создание из «пантер» неэффективного полка «чистых танков», а талантливый Гудериан совершил бы еще и вторую нелепость, создав для него «вредный» собственный штаб; все это привело к не оправдавшему ожиданий применению «пантер» в Курской битве;

– надо было, чтобы Сталин вовремя позвонил на фронт и попал бы случайно на Катуюкова, а Катуюков не испугался бы пойти против командующего фронтом Ватутина и смело высказал бы Сталину доводы против приказа Ватутина – атаковать в лоб превосходящие силы немцев; а иначе в первый же день битвы русская сторона понесла бы тяжелое поражение; но танки Катуюкова выстояли в обороне, и немцам пришлось изменить направление своих атак, что привело к ведению новых тяжелых наступательных боев и к большим потерям немцев еще до знаменитого танкового сражения под Прохоровкой (12 июля 1943 года);

– а там, под Прохоровкой, местность оказалась холмистой, что позволило танкам Ротмистрова ворваться в расположение немецких танков генерала Хауссера; эта атака стала для русских большой неудачей, в которой потери составили 5:1 (350 и 70 танков соответственно); но немцы в этот день понесли большие потери от пушек, мин и героических действий пехотинцев, и это

показало примитивизм ориентации на создание непобедимой (за счет немецкого качества) военной техники; что – и это **главное** – привело к поражению лишённого надежд немецкого духа;

– наконец, и с этого все началось, надо было, чтобы в русской истории Сталин победил Троцкого и прочитал книгу Гитлера «Майн кампф», где была изложена идея сочетания жесткого режима с персональной поддержкой на государственном уровне пробивающихся *в одиночку* народных талантов. Троцкий, видевший в русском народе только материал для революционных экспериментов, этого никогда бы не сделал – у него все важные решения принимали бы профессора и лауреаты с их *общественно* признанными способностями. Что бы это значило, можно понять хотя бы на примере награждения Нобелевской премией: так, ее получил Иван Бунин, но не получили Лев Толстой и Чехов.

А борьба в мировой войне – это уже не просто человеческое, но – вселенское. То, где кроме разума участвует Мировой Дух.

* * *

Представим теперь, что, быть может, всего одно или два из перечисленных выше событий не произошли бы. Тогда ход Курской битвы, чаша весов в которой в течение двух недель могла качнуться в любую сторону, мог бы оказаться совсем иным.

И потому возникает вопрос: не очень ли много необходимых условий потребовалось для того, чтобы русские выиграли эту битву? С точки зрения математики – даже слишком много.

Поэтому все, что связано с этой победой, переломившей летом 1943 года ход Второй мировой войны, невольно склоняет к мысли о том, что Россию с ее загадочной устремленностью русского духа к красоте и поискам «истинного пути» защищает распростертым над ней крылом какая-то неведомая сила...

* * *

В заключение мне осталось затронуть еще одну тему. Наши русские победы и личные подвиги оказываются связанными со *страданием* – тем самым, в котором нас упрекают «большой кровью». Здесь мой русский интеллект и мой жизненный опыт первопроходца в этом самом деликатном из всех вопросов говорят о том, в чем нас, возможно, не поймут никогда: страдания на пути поисков *красивых* решений *заложены Природой*. Это не наша «жалкая» сторона, но наоборот – самая высокая. И не случайно русская культура, и прежде всего искусство, управляющая

нашими душами и судьбами, начинает осознаваться как *третий* за всю историю человечества феномен, наряду со взлетом эллинской культуры в V веке до н.э. и эпохой Возрождения в Западной Европе в XIV–XVI веках (иудеи настаивают еще на создании Ветхого Завета). В основе этого «феномена», как и всех наших побед, лежит мистическая тайна *любви*. Которая становится еще чище от страданий. А *чистую* любовь победить невозможно. Что мы и видим на примерах побед русского боевого оружия и русского духа во время войны. И отметили также, что все это окутано необъяснимой тайной – как ею же окружена высочайшая красота наших русских женщин.

И такой же тайной отмечен в религии крестный путь Иисуса Христа. Этот путь в русских православных церквях, украшенных почерневшими от времени намоленными иконами и огоньками горящих перед ними свечей, настраивает нас, русских, на устремление к Красоте. Но это также путь терпения, что нашло отражение в аскетической сдержанности протестантских кирх и философии немецкого духа, выраженной основателем протестантизма Мартином Лютером (XVI век) словами о «святости терпения».

Похоже, что на этом символическом Кресте мы, русские и немцы, оказались повязанными вместе.

* * *

Я почти ничего, однако, не сказал о простом русском солдате. Считайте, читатель, что эта статья написана им – солдатом науки. Ну разве что в ранге пропахшего порохом майора-комбата...

А что такое солдат? Это тот, для кого не существует понятия – справедливость. Но существует *истинная вера*. Где нет законов, а все самое главное в жизни строится «по понятиям». Или, раз уж мы говорим в этой книге на языке философии, – «синергично». Когда высшими ценностями становятся не человек и его жизнь, а то истинно высокое, во имя чего человек создан.

Что объяснить невозможно, как необъяснима тайна светлой грусти «божественной» поэзии, с которой наши отцы прошли дорогами на Берлин и по Колыме, а нам досталось спасать во времена еще не закончившегося лихолетья российскую науку:

На позиции девушка провожала бойца,
Темной ночью простилися на ступеньках крыльца.
И пока за туманами видеть мог паренек,
На окошке на девичьем все горел огонек...

.....
Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...
.....

А ну-ка, парень, подними повыше ворот,
Подними повыше ворот и держись!..
.....

Приложение:

Сражение под Прохоровкой (Курская битва) глазами немецкого аса-танкиста, награжденного за его победы Рыцарским крестом

Отрывок из книги Франца Куровски «500 танковых атак. Лучшие асы Панцерваффе» / Перевод с английского. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 384 с.

«12 июля [1943 года] III танковый корпус и I танковый корпус СС, наступавшие на южном фланге, достигли района Прохоровки...

Красная армия готовилась бросить против этих двух мощных танковых соединений несколько моторизованных и танковых бригад и 5-й Гвардейский механизированный корпус. Командовавший советскими войсками генерал-лейтенант П.А. Ротмистров сосредоточил 850 танков. В распоряжении генерала Гота, командовавшего 4-й [немецкой] танковой армией, было более 600 танков из состава II танкового корпуса СС и более 360 танков III танкового корпуса. Три танковых дивизии СС двигались с юго-запада на северо-восток. На левом фланге шла дивизия «Мертвая голова», в центре – «Лейбштандарт СС [Адольф Гитлер]», а на правом фланге, прямо навстречу советскому 2-му Танковому корпусу, двигалась дивизия «Дас Райх»...

Хауссер вел свой корпус вперед. Дивизия «Мертвая голова» форсировала реку Псёл у Веселого. Две другие дивизии рвались вперед между Псёлом и железной дорогой на Прохоровку и вступили в бой с 18-м и 29-м танковыми корпусами Красной армии. На следующее утро 2-й батальон I танкового корпуса СС [с 1 июля приказом Гимmlера – II] под командованием штурмбаннфюрера Мартина Гросса встретился с вражескими танками. Танки столкнулись на пятачке размером 500 метров по фронту на 1000 метров в глубину. Танковое сражение длилось три часа. Когда оно стихло, на поле боя догорали девяносто советских танков. [О немецких потерях здесь ничего не сказано.]

На левом фланге на «тигры» 13-й (тяжелой) роты I танкового корпуса СС внезапно навалились шестьдесят советских танков. Бой начался на дистанциях от 600 до 1000 метров. Первый вражеский танк подбил «тигр» унтерштурмбаннфюрера Михаэля Витмана... Советские танки были остановлены. Одним из тех, кто сыграл решающую роль в этом успехе, был оберштурмфюрер Рудольф фон Риббентроп [на танке Т-IV; сын министра иностранных дел]. Этот день стал для него самым успешным за все годы войны.

Наступил рассвет 12 июля 1943 года. Кроваво-красное солнце висело над горизонтом, заливая землю светом. Фон Риббентроп был разбужен самым бесцеремонным образом. Измотанный семидневным наступлением, он крепко спал... Из штабной машины... высунулся штурмбаннфюрер Гросс. «Слушайте, Риббентроп. Пехота докладывает, что русские подтягивают танки. Подробностей никаких. Установите связь с пехотой и будьте готовы по необходимости вступить в бой».

Об этом дне Риббентроп писал:

«Судя по тону командира батальона, следовало ожидать, что развитие наступления, вылившегося в одно сплошное танковое сражение, и дальше будет приводить к танковым боям...

Потери моей роты к этому дню были высоки. Из двадцати двух танков, с которыми мы начинали операцию 5 июля, вечером 11 июля в строю оставалось лишь семь. По счастью, не все потерянные танки были полностью уничтожены, и в роту постоянно возвращались отремонтированные Т-IV...»

Прихлебывая мелкими глотками горячий кофе, фон Риббентроп случайно повернулся в сторону линии фронта. Представшая перед ним картина заставила его подумать, не галлюцинация ли

это. В воздухе стояла сплошная стена дыма от дымовых шашек. Это значило: «Вражеские танки!». Этот сигнал был виден вдоль всего гребня склона... Фон Риббентроп бросил кружку и крикнул: «Заводи! За мной!»... Выходим на склоне на полузакрытую позицию и с нее бьем по русским!»

Вновь слово фон Риббентропу:

«...Рота тут же пришла в движение и рассредоточилась по склону, словно на учениях... Осознание того, что я веду в бой этих молодых, но опытных солдат, окрыляло...

Низинка уходила влево, и, спускаясь по переднему скату, мы заметили первые русские Т-34. Они, судя по всему, пытались обойти нас слева.

Мы остановились на склоне и открыли огонь, подбив несколько вражеских машин. Несколько русских танков остались догорать. Для хорошего наводчика дистанция 800 метров была идеальной. [Напомню, что танки Т-IV в это время были уже с мощной длинноствольной 75-мм пушкой.]

Пока мы ждали, не появятся ли еще танки, я по привычке осмотрелся. То, что я увидел, лишило меня дара речи. Из-за невысокого пригорка шириной метров 150–200 появились пятнадцать, потом тридцать, потом сорок танков. Наконец я сбился со счета. Т-34 двигались к нам на большой скорости с пехотинцами на броне... В этот момент мелькнула мысль: «Вот теперь – крышка!» Механику-водителю показалось, что я сказал: «Покинуть танк!», и он начал открывать люк. Я довольно грубо схватил его и втащил обратно в танк. Одновременно я ткнул наводчика ногой в правый бок – это был сигнал развернуть башню вправо.

Вскоре первый снаряд отправился к цели, и после попадания Т-34 вспыхнул. Он был от нас всего метрах в 50–70. В тот же миг соседний с моим танк получил попадание и загорелся... Его сосед справа также был подбит и вскоре тоже был объят пламенем.

Лавина вражеских танков катилась прямо на нас. Танк за танком! Волна за волной! Такое их количество было просто невероятным, и все они двигались на большой скорости.

Времени занять позицию для обороны у нас не было, Все, что мы могли, – это стрелять. С такой дистанции каждый выстрел попадал в цель. Когда же нам суждено получить прямое попадание? Где-то в подсознании я понимал, что шансов на спасение нет. Как всегда в подобных ситуациях, мы могли лишь позаботиться о

самом неотложном. И вот мы подбили третий, потом четвертый Т-34 с дистанции меньше тридцати метров...

Мы развернулись посреди массы русских танков и отъехали назад метров на пятьдесят, на обратный скат первого гребня. Здесь, оказавшись в чуть более надежном укрытии, мы снова развернулись к вражеским танкам. И в этот миг метрах в тридцати справа от нас остановился Т-34. Я видел, как танк слегка качнулся на подвеске и развернул башню в нашем направлении. Я смотрел прямо в ствол его орудия. Выстрелить немедленно мы не могли, потому что наводчик только что передал заряжающему новый снаряд.

«Жми! Давай!» – крикнул я в микрофон. Мой механик-водитель Шюле был лучшим в батальоне. Он тут же включил передачу, и неуклюжий Т-IV тронулся с места. Русский попытался развернуть башню следом за нами, но у него не получилось. Мы остановились в десяти метрах позади неподвижного Т-34 и развернулись. Мой наводчик попал прямо в башню русского танка. Т-34 взорвался, а его башня подлетела в воздух метра на три, едва не ударившись о ствол моего орудия. Все это время вокруг нас один за другим проносились новые Т-34 с десантом на броне...

У нас был только один шанс: нужно было постоянно двигаться. Неподвижный танк немедленно опознавался противником как вражеский, поскольку все русские танки двигались на большой скорости. Вдобавок ко всему нас могли подбить и собственные танки, рассредоточенные по широкому фронту внизу, вдоль противотанкового рва у железнодорожной насыпи. Они открыли огонь по наступающим вражеским танкам. На окутанном дымом и пылью поле боя, глядя против солнца, наш танк невозможно было отличить от русских...

Над полем висела густая пелена дыма и пыли. Из этого ада продолжали выкатываться все новые и новые группы русских танков. На широком склоне их расстреливали наши танки. Все поле представляло собой мешанину разбитых танков и машин. Вне всякого сомнения, отчасти мы обязаны нашим спасением именно этому обстоятельству – русские нас так и не заметили...

Наше спасение лежало в движении влево, в направлении дороги. Там мы должны были встретить свою пехоту и оторваться от русских танков. Тем временем остальной экипаж – водитель, радист и наводчик – собирал по всему танку бронебойные снаряды. Как только такой снаряд находился, мы тут же подбивали

еще один из Т-34, нагнавших нас после того, как мы остановились. Невероятно, но по нам до сих пор не стреляли. Все специалисты уверены, что это произошло из-за отсутствия у русских отдельного командира танка – танками командовали наводчики, которые могли смотреть только в том направлении, куда было развернуто их орудие. Если бы не это, мы были бы обречены.

К нашему неудовольствию, русские тоже двигались влево к дороге, чтобы там переправиться через противотанковый ров. Мы так и не поняли, почему русские направили свою атаку через район, перекрытый противотанковым рвом, о существовании которого им наверняка было известно. Из-за этого препятствия они должны были неминуемо потерять темп в наступлении, пройдя всего лишь какой-то километр. Поэтому русские повернули налево, чтобы выйти к дороге и переправиться через ров по мосту. Однако там разыгралась просто невероятная сцена.

У отремонтированного моста через противотанковый ров наступающего противника встретил огонь наших танков и противотанковых орудий. Мне удалось укрыть свой танк за подбитым Т-34. Оттуда мы вступили в бой с вражескими танками. Они двигались к мосту со всех направлений. Так нашему батальону и нам было даже легче выбирать цели.

Горящие Т-34 сталкивались друг с другом. Повсюду были огонь и дым, удары снарядов и взрывы. Т-34 пылали, а раненые пытались отползти в сторону. Вскоре весь склон был усеян горящими вражескими танками. Мы оставались за дымящимся остовом вражеской машины. И тут я услышал голос своего заряжающего: «Броней больше нет!» ... Теперь у нас оставались только осколочно-фугасные снаряды, бесполезные против хорошо бронированных Т-34. [Через некоторое время танк Т-IV Риббентропа получил повреждение, он отвел его в тыл и получил взамен другой, отремонтированный техником его роты танк.]

В новом танке мы двинулись по мосту. К этому времени натиск русского наступления ослаб. По всему полю были рассыпаны горящие Т-34... Потери моей роты оказались на удивление невысокими. Полностью были потеряны лишь те две машины, гибель которых я видел в самом начале. В двух остальных ротах полностью потерянных машин не было... В нашей полосе обороны было больше сотни подбитых русских танков. [Из них 14 пришлось на долю экипажа фон Риббентропа. – Прим. Куровски.]

Днем на поле боя прибыл командующий генерал Хауссер, чтобы лично убедиться в том, что доклады об этом ошеломляющем успехе верны. Позднее говорили, что он помечал подбитые танки мелом и собственноручно их пересчитывал...

Русские вели наступление очень массированно и невероятно упорно. Очевидно, русское командование собиралось ликвидировать угрозу, которую представляли наши войска, исключительно за счет грубой силы... Русское командование должно было понимать, что наступлению помешает вырытый ими же самими противотанковый ров». [*Конец записей в дневнике Риббентропа.*]

Сокрушительный успех оборонительного боя тем не менее не отменяет того факта, что танковое сражение под Прохоровкой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери, стало финальным аккордом операции «Цитадель».

[*Конец цитирования из книги Франца Куровски*]

Post Scriptum

Германия и Россия

Мир, как это представляется, стоит перед выбором: войны или сотрудничество. Однако и то, и другое для скрытой в бездне Вселенной мистической тайны *бесконечности*, похоже, безразлично. Там все проще.

Человек, судя по всему, просто так «оттуда» не виден. Нужны смирение и молитва о спасении души (на что направлено учение христианских Церквей), или же для него, если он захочет стать первопроходцем, человеком-богом, «небо» предполагает установление *динамичных* отношений, готовность к подвигу и к проявлению смелости и отваги. И здесь ему дана свобода воли.

Но вот Германия и Россия уже видны. Россия – это управление *красотой* временем во Вселенной. А Германия с ее верой во всемогущество интеллекта должна устремиться к космосу.

Как это было уже. И как это видится из России.

*Дополнение (для 2-го издания книги) к предыдущему тексту
«Мистика побед русского оружия во Второй мировой войне»
(по материалам книги фельдмаршала Эриха фон Манштейна
«Утерянные победы»)*

Книга «Одиночество и пепел» была издана в феврале 2009 года. А в августе я купил в Москве и прочел книгу командовавшего немецкими войсками на южном (главном по накалу боев) фланге в Курской битве (операции «Цитадель»), где, в частности, было сражение под Прохоровкой, фельдмаршала Эриха фон Манштейна (Manstein) «Утерянные победы». И был просто потрясен тем, как, в описании умнейшего немца, виделась эта битва *с той* стороны. «Той», где все построено на интеллекте, упирающемся лбом в невидимую «стену» *красоты*.

Это было время, когда и в Германии, и в России народный дух получил импульс высвобождения внедрением атеистической идеологии. И начался подъем – там и там кровавый. Более жестокий в России, чуть не приведший страну к катастрофе. Но в слове *любовь*, этом главном признаке проявления женского начала в Природе, заложенных ей (Природой; я стараюсь не употреблять слово Бог) в дух русского народа и в его песни сил оказалось все равно достаточно, чтобы и выдержать удары судьбы от своих «нерусских» властителей того времени, и победить немца в величайшем столкновении двух начал – мужского и женского.

Как это происходило, *видно* из приведенного ниже текста из книги Манштейна, для которого главным является доказать превосходство немецкого солдата над русским, что он делает с помощью статистики потерь, понесенных с той и с другой сторон. Утверждая – и это здесь проявился примитивизм чистого интеллекта, – что утерянная немцами победа в Курской битве связана с игрой нескольких случайностей. Считая, например, что если бы первый удар 9-й немецкой армии (на Обоянь) можно было бы усилить дополнительными войсками, то весь ход Курской битвы мог бы сложиться по-иному. То есть был допущен простой просчет в соотношении сил.

А на самом деле никакого просчета допущено не было: немцы имели в этом месте безусловное преимущество в ударной силе войск. И могли, даже должны были победить. Но...

Но (напомню, как все происходило) *случайно* Сталин позволил Ватутину, командующему южным участком битвы с нашей стороны, но не застал его, а на проводе оказался командующий 1-й Гвардейской танковой армией Катукков. И *в одно мгновение* Катукков принимает решение – обратиться к Сталину с просьбой отменить решение Ватутина об упреждающей танковой атаке на немецкие позиции, а вместо этого закопать наши танки в землю и ждать атаки немцев. Для Катуккова это был смертельный риск, но он пошел на него под влиянием какой-то *искры настроения*. Что и стало прелюдией к русской победе в Курской битве.

Но что порождает подобные «искры», которые сводят на нет *красотой* решения (речь идет не только об идее закопать танки в землю, но также – о подвиге лично Катуккова, выступившего против своего командующего) интеллектуальное превосходство? Немцев подобный ход мыслей выводит из себя. Ибо делает их чуть ли не смешными – самое страшное для гордости немецкого духа. Но разве не смешны статистические «копания» Манштейна в вопросе понесенных русскими потерь, которые, и это возможно правда, по числу убитых в боях солдат соотносились как 17 000 (русская сторона) и 3330? Говоря «смешны», я одновременно склоняю голову перед погибшими солдатами. И тем не менее не ухожу в сторону от этого слова: надо уметь *видеть* еще и то, что немцу, даже такому таланту как Манштейн, похоже, не видно. А именно: эта «цена» в виде 17 000 погибших (на 14 000 больше, чем у немцев) была заплачена за победу в битве, которая переломилась весь ход Второй мировой войны. В которой счет жертв превышал 50 миллионов (в целом даже много больше).

Немцы над таким взглядом на их «потерянные победы» должны бы задуматься. Но они почему-то это делать не могут.

Как, похоже, и мы, русские, не можем сегодня понять – как это произошло с нашей великой страной, вдруг ставшей в последние два десятилетия настолько униженной, как если бы это мы были повержены в величайшей в истории войне.

Но тогда почему я пишу эту книгу? *Без настроения* это было бы невозможно... На это, как это было во все «глухие» времена в нашей истории, наши надежды. Настроение опережает время.

* * *

Дальше на суд читателя выносится отрывок из книги Э. фон Манштейна «Потерянные победы» (русское издание в 2009 году), в котором он подводит итог неудачам немцев в Курской битве.

«**Заключение** [Текст на стр. 538–540 книги Эриха фон Манштейна.]

Неуспех операции «Цитадель» можно объяснить многими причинами, главной из которых является отсутствие момента внезапности. Несмотря на ложные перегруппировки и маскировочные мероприятия, наступление не застало противника врасплох.

Но мы поступили бы неправильно, если бы видели причины неуспеха только в *тактической* сфере.

Операция «Цитадель» была прекращена немецким главным командованием еще до исхода сражения по следующим причинам: во-первых, в связи со *стратегическим* влиянием других театров военных действий (Средиземное море) или других фронтов (2-я танковая армия на Орловской дуге), и лишь во-вторых – в связи с *тактической* неудачей, а именно – остановкой наступления 9-й армии [с юга в сторону Курска через город Обоянь, где стояла гвардейская танковая армия Катукова], которая поставила под вопрос по меньшей мере быстрое достижение исхода сражения.

Оба фактора можно было предвидеть или избежать, если бы немецкое командование весной 1943 года сделало бы из *общей обстановки* вывод о том, что необходимо бросить *все* силы, чтобы достичь на Востоке ничейного исхода войны или, по крайней мере, истощить ударную силу Советов. Одновременно оно должно было действовать в соответствии с этим решением, определяя необходимые *силы и сроки*.

В отношении *количества сил* нам необходимо было бы небольшое усилие, главным образом за счет пехотных дивизий, чтобы обеспечить успех наступления 9-й армии, а также облегчить первый удар группы армий «Юг» и ускорить тем самым достижение успеха сражения. Было бы также достаточно усилить фронт 2-й танковой армии в такой степени, чтобы противник не мог, по крайней мере, быстро добиться здесь успеха, угрожающего тылу 9-й армии. Силы для этого усиления можно было бы, очевидно, найти на так называемых театрах военных действий ОКВ. Это можно было сделать, естественно, за счет значительного риска в Норвегии, Франции и на Балканах, а также за счет *своевременной* эвакуации из Северной Африки, где и без того нельзя было снабжать действовавшую там армию. Гитлер же не решился пойти на этот риск и на оставление территории Африки. Он, может быть, это и сделал бы, если бы смог предусмотреть те

ошибки, которые сделают западные державы. Ошибки эти заключались в том, что они еще год занимались ведением войны с гражданским населением Германии путем террористических воздушных налетов, прежде чем начать решающие операции по вторжению – а также в том, что они продвигали свой «второй фронт» после высадки на юге Италии вдоль всего «итальянского сапога» вместо того, чтобы использовать более выгодные оперативные возможности, которые им давало полное господство на море и в воздухе.

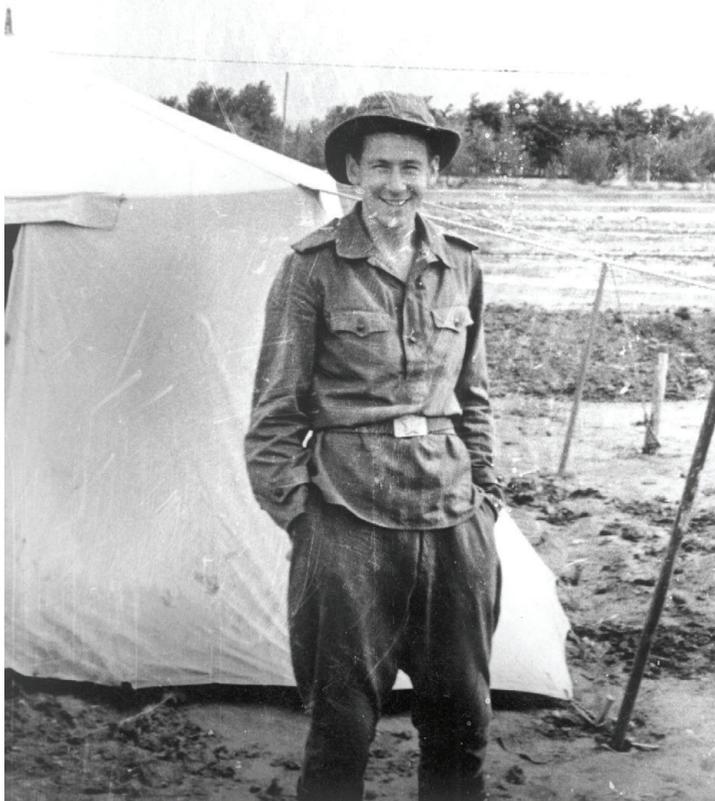
Если говорить о сроках, то проведение операции «Цитадель» уже в конце мая или самое позднее в начале июня исключило бы, во всяком случае, совпадение ее с высадкой противника на континенте. К тому же у противника не была бы полностью восстановлена боеспособность. Если бы немецкое командование к тому же учло указанные мной выводы относительно использования войск, то и при неизбежном тогда отказе от увеличения количества танков мы бы достигли для операции «Цитадель» превосходства в силах, вполне достаточного для достижения победы.

Таким образом, неудача операции «Цитадель» объясняется тем, что немецкое командование пыталось избежать риска в отношении количества войск и времени, на который оно должно было пойти, если хотело обеспечить успех этой последней крупной немецкой операции на Востоке.

Войска, а также их *командование* не виноваты в этой неудаче. Они вновь показали себя с самой лучшей стороны. Сопоставление данных о потерях обеих сторон показывает, насколько наши войска превосходили противника по своим качествам. [Вот оно! Здесь та «ловушка», с помощью которой побеждает женское начало.*]

Не стоит говорить о том, привел ли бы к лучшему результату *ответный удар*, первоначально предлагавшийся командованием группы армий «Юг». Так как Советы действительно медлили со своим наступлением до середины июля, то мысль о нанесении упреждающего удара, во всяком случае, не была ложной. Можно также полагать, что Советы начали бы свое наступление в любом случае не позже лета 1943 года, так как на этом настаивали их союзники.» [Конец текста Манштейна.]

*Здесь я выступлю в роли теоретика. Разработанный нами метод B-Synergetic Time Compression включает как науку синергетику, основанную на разуме, где немцы сильны, так и «трудную» для них широту красоты.

«Где кончается дисциплина, там начинается авиация». Эту философию автор (на снимке) познал на военных лагерных сборах, на аэродроме в Закавказском военном округе, в 1960 году, перед присвоением ему звания лейтенант-инженер авиационных войск. И пронес ее, философию всех, кто летает, в течение своей жизни.

* * *

Это с такими русскими ребятами воевала немецкая армия во время Второй мировой войны, которая в Советском Союзе получила название Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Портрет автора

Художник – Владимир Маслов (1997 год)

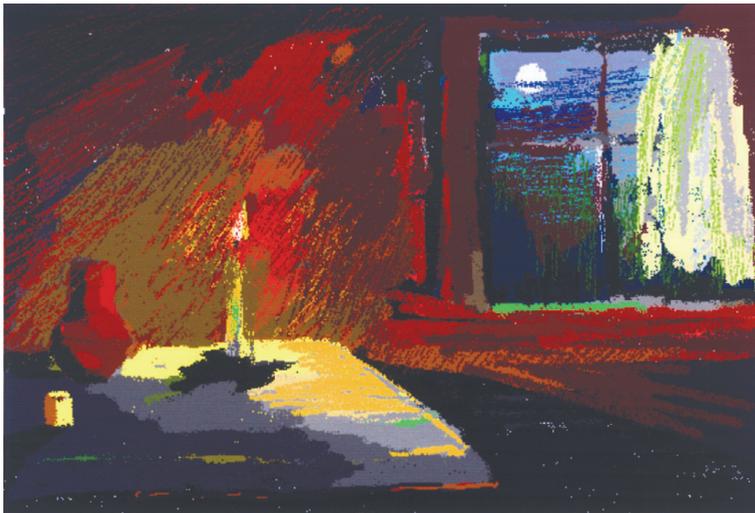
Летом 1997 года мой друг кимрский художник Петр Савельевич Гусев познакомил меня с непохожим ни на кого и самым интересным художником Верхней Волги Владимиром Владимировичем Масловым. Художник и его жена Наталья Алексеевна живут в Белом Городке – рабочем поселке на берегу Волги, примерно в сорока километрах ниже по течению от города Дубны, в котором расположен наш Объединенный институт ядерных исследований, и в двадцати – от Кимр.

Простой деревенский дом поселкового типа, прямо на берегу реки. Дорожка, ведущая к калитке через заросли сирени. Есть вода и газ – и это все от достижений современной цивилизации.

«Как вам нравятся мои картины?» – сразу приступил к выяснению наших отношений Маслов. «Вы – гений», – ответил я. «Ты слышишь, Наташа? Умного человека сразу видно, –отреагировал на мою критику художник. – Я тоже вижу вас, Владимир. Мне непременно хочется написать ваш портрет. Я изображу на нем не вас, а ваш дух. Вот увидите, это будет необыкновенный портрет».

Я приехал к нему в середине декабря, в солнечный морозный день, и пока пил чай, болтая о том о сём с Натальей Алексеевной, кстати, пишущей и печатающейся в провинциальных журналах (есть такие журналы, яркие и живые), ставшей биографом мужа-художника, – мой портрет был готов. Выставленный в мае следующего, 1998 года в Большом театре, когда его художественным руководителем был знаменитый в наше время болеро Владимир Васильев, тоже художник и поклонник таланта В.В. Маслова, он (портрет) был затем преподнесен мне в качестве подарка. На самом деле я не такой. Но ведь и В.В. писал не меня.

1997-й год был третьим годом триумфального применения в ЦЕРН разработанного мной метода «сжатия времени», которому посвящена эта книга. В этом же году вышло 2-е издание моей книги «Москва – старинный город», где был задан вопрос: куда идет развитие Вселенной? И дан ответ – по пути поисков *красоты*. И дано его обоснование: направлением развития к Красоте (слово Красота с большой буквы появилось в моих более поздних книгах) управляет *русский дух*. Как оказалось, такие мои высказывания были восприняты как «несвоевременные», что привело к смешному – отстранению меня от руководства научными работами. Но на мою защиту встали помощник генерального директора ЦЕРН Николас Кульберг (напомню – он из старинного русского рода Голенищевых-Кутузовых) и вице-директор ОИЯИ Алексей Сисакян (сын одного из основателей отечественной космонавтики академика Норайра Мартиросовича Сисакяна). Что, однако, еще не означало – признание моих научно-философских идей. Так, уже в 2008 году академик А.Н. Сисакян, утверждая наш Проект «AIS-технологии и международное сотрудничество», представленный в Президиум РАН, дал «совет»: если я захочу рассказать о своей философии, то надо дождаться сумерек, задернуть шторы, зажечь свечу, налить и – шепотом...

Сумерки...

Компьютерная живопись. Рисунок скоростным световым карандашом по монитору компьютера. Художник Инна Химченко (Тверь, 1998 год). Технология была создана в 1992 году. Первым художником был Петр Гусев (см. подборку в «Web-паутине»: SBNT.JINR.RU/IRIS/Gallery.htm). С 1999 года в городе Кимры Тверской области при Краеведческом музее работала детская школа компьютерной живописи. Она перестала существовать в 2004 году из-за финансовых затруднений автора, возникших после очередной смешной истории – с двойным доносом.

* * *

Пройдет полтора года после приведенного разговора с А.Н. Сисакяном, не воспринимавшим в моем методе «сжатия времени» идею приоритета интуиции (настроений) над логикой (разумом) в науке, предполагающей поиски *истинного*. В моем подходе – *красивого*. И в газете «Дубна» от 21 августа 2009 года появится его статья «Страницы памяти» об академике Н.Н. Боголюбове (директоре ОИЯИ, Дубна, в 1965–1988 годах), которого он называет своим Учителем. Вот отрывок из этой статьи: «Спрашиваю Н.Н. [*Боголюбова*], будучи уверенным в его приверженности к логике (против интуиции!):

– Как вам удастся так последовательно строго выводить свои формулы, Николай Николаевич?

– Э нет, Алексей Нораирович, я сперва, как правило, вижу ответ, а потом выстраиваю логическую последовательность... – неожиданным ответом сражает меня Учитель.

А перед этим он скажет мне: «Но, может, я здесь чего-то не понимаю?..» Для этого и существуют «школы» и в них *один* Учитель-первопроходец.

Антропокосмическая модель Вселенной, построенная на интерпретации представления о Святой Троице

«Подобно известным силам, присущим электромагнитным, гравитационным, а также слабым и сильным ядерным взаимодействиям, которые, по мнению автора, представляют четыре начала в неживой природе, в живой природе тоже можно выделить четыре начала: мужское (проявление энергии через *движение*, несущее человеку «радость борьбы») и женское (управление *направлением* движения через победы красоты), индивидуализм (характеризуемый в религиозной философии прямой связью человека с Богом) и коллективизм (связь через человека – папу, патриарха, партийного вождя – или через влияние “избранного народа”»).

Текст опубликован в статье автора «Нелинейность времени». – 3-й сб. «Синергетическая парадигма». – М., 2003.

Развернутая во времени (динамичная) модель Вселенной, позволяющая легко понять метод «сжатия времени»

Единый Бог (Эйн Соф на идише) – по Каббале

.....
Христианский Бог-Троица (Святая Троица) по Бл. Августину,

Он же – «Божественный мрак» по Псевдо-Дионисию:

Бог Отец Бог Сын Святой Дух

.....
Модель автора опирается на христианскую Святую Троицу. Автор считает при этом, что Святой Дух проявляется в виде **мужского** или **женского** начал, а Бог Сын выражает **индивидуалистическое** начало (которое ведет к свободе духа личности и творчеству) или **коллективистское** начало (необходимое для *нужного зачем-то* преобразования Вселенной)

Слово (Логос),
передаваемое «светлой душе» человека-личности в виде индивидуального **настроения**, нисходящего от Красоты, рождение *слова-откровения* («синергийное» со-творение *новых* идей исследователем-первопроходцем)

**[Ниже идет I триада: творчество первопроходцев;
здесь на пути поисков красоты – сжатие времени]**

Развитие идей в виде **движения** разума (Корона – по Каббале;
Серафимы (на идише) или «пламенеющие» – по Пс.-Дионисию)
(начало отсчета времени развития идей)

**ЗНАНИЯ (РЕЗУЛЬТАТЫ ТВОРЧЕСТВА
ЧЕЛОВЕКА-ЛИЧНОСТИ, ПЕРВОПРОХОДЦА)**

[В I триаду первопроходцев попадают с *чистого* «дна» III триады.]

**ВНЕДРЕНИЕ ЗНАНИЙ ДЛЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ВСЕЛЕННОЙ**

**[II триада: творчество интерпретаторов;
их задача – расширение времени]**

Проявление управляющих коллективистских *настроений духа*
(Красоты – по Каббале; Господства – по Дионисию)

(широкая интерпретация знаний) (строгая и суровая власть)

**[III триада: инженерное творчество и труд;
размен времени]**

Проявление исполнительных коллективистских *настроений духа*
(религиозность, патриотизм, государственность, партийность и др.)

«Счастье любви»
(женское начало «внизу»)

«Радость борьбы»
(мужское начало «внизу»)

**[Видимое в природе: восхождение красоты к Красоте;
поглощение времени восходящей красотой]**

Царственность, Гармония [во Вселенной] – по Каббале,
Космос – по Псевдо-Дионисию

Преобразование Вселенной восходящей красотой (автор)

В снегах Верхней Волги

(Рисунок по монитору компьютера скоростным световым карандашом, художник – тверичанка Инна Химченко, 1998 год)

Это здесь, в ста километрах на север от Москвы, на берегу Волги расположен Объединенный институт ядерных исследований в городе Дубне. Я где-то не люблю город, хотя знаю также: без него у меня не было бы *ничего*. Потрясенный им в юности, с течением времени, которое приблизилось к сумеркам моей жизни, я разлюбил его, в действительности прекрасный: слишком много было в нем предательств по отношению ко мне. И уж слишком много раз приходилось применять для защиты моих идей *оружие космического одиночества*. Тайны, известной одним лишь «одиночествующим» первопроходцам, следующим заповеди: *служить неземному*. Но война есть война, даже если она остается невидимой...

И вот так два десятка лет назад по совету Михаила Григорьевича Мещерякова (1910–1994), который сам предложил мне в 1988 году быть моим заместителем по научной теме и потому смог увидеть *все это*, я начал строить *свой* научный центр в виде «научной деревни», вынесенной на сотню километров за пределы Дубны. Но в 1993 году пришли «новые русские» и все разгромили. Тогда *оружие* было запущено «в дело» самым безжалостным образом. Все превратилось в пепел, но и я должен был уехать в Женеву. Но от «деревни» остался один дом...

Ксюше Титовой – восемь лет*

(На день рождения – 16 октября 2008 года)

Киса Ксюша, с днем рожденья!
Дед и бабушка в деревне
Вспоминают, как со Светой**
Мы все вместе жили летом.
Дед ел кашу с молоком,
Света рядышком сидела
И куда-то вдаль глядела...
Звон висел – под потолком
Муха взад-вперёд летала.
И жужжала. Всем мешала.
Дед ее хлопушкой – бэмц!
Мухи нет, она упала,
Хорошо – не в кашу, на пол,
Где гуляла кошка наша – Динка.
Вот такая вот картинка:
Хвост трубой, торчат усищи,
Два зеленых круглых глаза...
Здесь пришел конец рассказу
С Динкой, кошкой непослушной
И ее подружкой Ксюшкой.

*Стишки, сочиненные автором по заказу, полученному одновременно с заказом на материалы этой книги от Gotthard Bechmann (Karlsruhe Institute of Technologies, Germany, – возможно, наш партнер в будущем).

**Сестра Ксюши, 13 лет, с которой в 2002 году мы тут сочинили стихи:

Светлый месяц растаял в тумане,
В ясном небе заря занялась,
Тройкой коней, запряженных в сани,
Прозвенела судьба, пронеслась.

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт вас на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Сергей Есенин

Автор. Рисунок карандашом Петра Гусева (2008 год)

Баранки, бараночки, медовые прянички, (Автор)*
Летающие саночки – мне их не догнать.
Рябина красная, судьба несчастная,
Куда ты катишься? Эх, (кузькина) мать!

*Январь 1995 года, Дубна. За окном текла Волга, Россия лежала поверженная, а я уезжал на три долгих месяца в ЦЕРН (Женева), где мной будет предложен метод «сжатия времени». И оно было «сжато» – в 10 раз. А Россия оказалась не сломленной, во что каждый из нас вложил то, что смог. Кому-то досталась граница... Но никто не понимает – *почему* это происходит и *куда* занесет коней его судьбы? Как почти никто не знает самого простого: «Человек никогда не бывает так счастлив или же так несчастлив, как ему это кажется» – Франсуа Ларошфуко (XVII век). На этом мы закончим главную часть книги, посвященную проявлению эффекта *нелинейности времени*, о котором Блаженный Августин, провозвестник западного, мужского по духу, понимания хода истории, сказал в V веке: «И еще признаюсь Тебе, Господи, что я доселе не могу понять, что такое время... Душа моя горит желанием раскрыть эту тайну».

Коньяк и мартини

Кафе в городе Кимры. Автопортрет друга автора – художника Гусева. Город Кимры расположен на 101-м километре от Москвы, вследствие чего в оные времена советской власти туда ссылали «не очень благонадежную» публику из Москвы, таких как художники или архитекторы. Так в Кимрах в самом центре появилось красное кирпичное здание, воспроизводящее псевдорусский стиль Исторического музея на Красной площади в Москве. Там оказался даже очень неплохой драмтеатр (если говорить об артистах), правда, автор только слышал об этом. Просто прекрасный краеведческий музей, в котором великолепно представлены XIX век и революционное время XX века. Раньше Кимры были «столицей» производства сапог, что привело к передаваемой в устной форме патриотической легенде. Вступив в 1812 году на русскую землю, Наполеон через две недели заявил, что он сотрет с лица земли Москву и Кимры: оказалось, что после дождя у его солдат отвалились подошвы у сапог, которые он специально приобрел в Кимрах. А из всех событий XX века в городе самым ярким стало большое количество художников. Чем провинились перед советской властью эти тихо пьющие люди, мне понять не удалось. Как мне вообще трудно понять любую власть. Так, по поводу власти собственно в Кимрах известна одна история. Недалеко от города в одной из деревень родился знаменитый авиаконструктор А.Н. Туполев. Став известным, он просил власти сохранить его дом. Но его не сохранили «из принципа». Отношения накалились. И когда Андрею Николаевичу, как дважды Герою Социалистического Труда, должны были ставить памятник в Кимрах и вышло соответствующее постановление Правительства СССР, он позвонил в Кимры: «Ты понял, говно?».

«Берег Волги» (Кимры Тверской области). Холст, масло. 2005 год
Художник Петр Гусев

«Зимняя ночь». Художник Петр Гусев, 1992 год. Скоростной световой карандаш
Технология компьютерной художественной живописи, основанная на применении скоростного светового карандаша, потребовала при ее создании в 1991–1992 годах найти такую микросхему, у которой была бы ножка для его подключения. Но световой карандаш ушел в прошлое еще в начале 1970-х годов, когда его заменили на медленную, но надежную электронную «мышь». Поэтому такой ножки у микросхемы не должно было быть. И тут *мелькнула мысль* о том, что, возможно, ножка все-таки есть по одной очень простой причине: ее просто не охота было «вычищать». И она, никому не нужная, была найдена! Но *почему*, когда *надо*, что-то «мелькает»? А в 1996 году некая фирма захотела «увести» эти технологии. Но не нашла в документации ничего про ножку...

Художник Петр Гусев. Холст, масло. 2009 год

Кимры. Холст, масло. 2006 год
Художник Петр Гусев

Кимры. Холст, масло. 2006 год
Художник Петр Гусев

Кимры («ранний» Гусев, 1992 год; холст, масло; размер 70 x 95)

Петр Гусев родился в 1944 году в городке Шуя Ивановской области. Учился в знаменитом Палехском училище, затем перевелся в Ивановское художественное училище. Преподавал живопись и скульптуру в детской школе искусств города Чайковский (где родился Петр Ильич) Пермской области. В конце 1980-х годов «переквалифицировался» в профессионального художника. С 1989 года живет и работает в Кимрах Тверской области. Художник-поэт провинциальной, глубинной русской жизни. В 1996, 1997 и 1999 годах по приглашению автора устраивал свои выставки в Женеве. Один из лучших художников Тверской земли.

«ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА»

**(Взгляд «нефизика» на физику и физиков.
Партия и комсомол)**

Торцевой адронный калориметр перед спуском в подземное кольцо ускорителя «Большой адронный коллайдер». Это один из модулей установки CMS (the Compact Muon Solenoid), на которой планируется исследовать «загадку» происхождения массы

Зачем физики строят ускорители?

Любители превзойдут профессионалов
(сказал крупный Игрок в XX веке. И проиграл...)

«Целое столетие физика хочет, но не может свести теорию относительности и квантовую теорию к единой и непротиворечивой картине мироздания. Одна из загадок современной физики – происхождение массы. Еще Ньютон сказал, что вес, то есть сила гравитации, пропорциональна массе. Эйнштейн сказал, что масса пропорциональна энергии. Но что же такое сама масса?..

Шотландский физик П. Хигс предложил новую теорию: возможно, что кроме электромагнитного и гравитационного полей существует поле, отвечающее за массу. Возможно также, что с ним связаны некоторые элементарные частицы X... Не буду загружать вас подробностями, но ЛНС [Large Hadron Collider – строящийся в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева) новый и самый мощный в мире ускоритель] позволит наблюдать поведение элементарных частиц, которые на порядок меньше наблюдавшихся прежде. Появится возможность гораздо глубже проникнуть в устройство материи. Возможным станет также эксперимент, который подтвердит или опровергнет теорию Хигса. А по результатам многих экспериментов мы восстановим недостающие звенья. И в здании той физики, которой исполняется сто лет, наконец произойдет гармонизация...»

Приведенный текст принадлежит ведущему физику-теоретику ЦЕРН ZZ, «выданный» им в 2002 году в виде интервью журналу «Business Match» (Москва), когда до завершения создания ЛНС было еще пять лет. А потом оказалось, что и этого недостаточно: ускоритель будет запущен на год позже, в 2008 году. При том что задержка могла бы быть значительно больше, если бы в ЦЕРН не был создан интегрированный комплекс AIS – административно-управленческих информационных систем (включая электронный документооборот, системы контроля финансов и учета кадров, аналитического сопровождения строительства ЛНС и другие).

«Что было бы с созданием LHC, – спросил ZZ один из его ближайших коллег, мой друг, – если бы отделом Фергюсона не был создан комплекс AIS?» [Отдел Джона Фергюсона был создан в 1990 году, в преддверии строительства LHC.]

«Нашли бы другого исполнителя, да и только. И он сделал бы. Или же купили бы такой комплекс», – ответил ZZ, деливший всех людей на физиков и «нефизиков». Не догадываясь, что для создания этого самого комплекса AIS, без которого у физиков надежды разобраться с проблемой массы не было бы, «нефизикам» потребовалось прежде самим понять – что есть масса?

Во всяком случае, продвинуться в этом вопросе настолько, что теперь ускоритель LHC будет построен почти в срок.

А и всего-то надо было поставить человека не наблюдателем законов Природы, кем являются «все эти» физики-материалисты со времен Пифагора, то есть с VI века до н.э., а встать (человеку) на более «низкую» ступень – участника происходящих во Вселенной процессов. Которые, как это подмечено, идут в сторону формирования порядка из хаоса.

При этом, в отличие от физиков, «нефизик», как не принимаемый в их «аристократическое сообщество служителей настоящей науке», может позволить себе, подобно поэту Есенину, стать «хулиганом». Например, посчитать себя – богом. Естественно, с маленькой буквы. Что уже, однако, может быть выше любого «сообщества», ибо бог имеет право *не верить ни единому слову*. Получив, правда, за это дружный общественный хохот.

«Как, он считает себя богом, а кибернетику – не наукой?» – Тут даже хохота не будет. Ибо все знают, что Н. Винер создал на пороге эры внедрения компьютеров великую науку. Ну, разве что «не очень просто» получается ответить на вопрос в свете определения Винером кибернетики как «науки об управлении и связях в технике, живых организмах и социуме» (дословно: про «управление и связь в животном и машине») – о какой общности тут может идти речь, если сравнить, например, утюг (или компьютер, который всего лишь в миллион раз сложнее утюга) и человека?

А как смеет этот, даже не физик, спорить об И. Канте, да еще в стенах Института философии? Заявляя, что не увидевший развития Вселенной Кант – это типичный «ограниченный» немец!

Уважаемые граждане, да он же лезет и в религии! Утверждая иную, чем Церковь, позицию о роли и предназначении человека! И совсем со страхом: по автору, Бог – Исполнитель у Красоты...

Зачем мы живем?

Почему так устроен мир? – задали вопрос жрецы Древнего Египта 4500 лет назад. И ответили: потому что над всем есть Бог, сотворивший человека. Этот ответ вошел в учение Каббала, из которого вышли иудаизм, христианство и ислам.

Как устроен наш мир? – задали вопрос Пифагор и Фалес на стыке VII и VI веков до н.э. Так родились наука и философия.

Нужен ли Богу человек и **куда** идет развитие Вселенной? – это вопросы, заданные автором. Ответы «да» и «по пути Красоты» ведут к *динамичным* отношениям с «Ним» и к «сжатию» времени.

* * *

Но автором обозначен еще один вопрос: что выше – Бог или Красота? Не являются ли Бог и Святая Троица, постигнутые через Откровение гением жрецов и богословов, не более чем «исполнительным инструментом» для *чего-то* еще более высокого? Где помимо Красоты присутствуют еще Энергия и Свет? И это Красоту, Энергию и Свет – не Святую ли Троицу? – и отражает формула, которая связывается с именем Эйнштейна:

$$e = mc^2 \text{ ?..}$$

Эта же формула в приложении к *живой* природе, по мнению автора, лучше «смотрелась» бы в виде, предложенном Пуанкаре:

$$m = e : c^2.$$

Разделив левую и правую части этой формулы на $(w_1 \cdot w_2)$ – что не меняет равенства, – получим выражение, характеризующее творческую деятельность человека в живой природе:

$$m : (w_1 \cdot w_2) = e : (c_1 w_1 \cdot c_2 w_2),$$

где w_1 и w_2 – ширина каналов (отражает чистоту души) поступлений *света настроения* для индивидуалистического (ведущего к творчеству) или коллективистского (внедрение знаний) начал;

e – выражает проявление Энергии, но не физической, а духовной – в виде *движения* мысли;

c_1 и c_2 – константы *разного* света, похоже, характеризующие как скорость (как в формуле для *неживой* природы), так и частоту; при этом c_1 (индивидуализм) имеет, как это видится, синий цвет, который присутствует на флагах свободы, а c_2 (коллективизм) – красный, характерный для флагов несвободы; проявление этих констант *разнесено во времени*: сначала идет этап c_1 , а потом – c_2 ;

$m : (w_1 \cdot w_2)$ – тождественно *создаваемой* («восходящей») Красоте с ее «легкостью мысли», которая тем больше, чем шире каналы передачи настроений творчества (w_1) и внедрения знаний (w_2); если каналы w_1 или w_2 прикрыты, то приходят «тяжелые мысли», которые при $w_1 = 0$ или $w_2 = 0$ могут даже раздавить человека. И еще остается само таинственное m : здесь и «работает» Красота?

* * *

Это не противоречит антропокосмической модели Вселенной. При этом $c_1 w_1$ и $c_2 w_2$ – это настроения времени «разбрасывать камни» (творчество) и времени «собирать камни» (внедрение). Настроения Красоты резонируют *культурой* в душах людей.

За *свободу в творчестве* (в борьбе за право на независимость во «время-1», «время разбрасывать камни», отраженное в $c_1 w_1$) люди идут даже на смерть. При этом те, кто решился и смог построить *свой* не побоявшийся однажды поднять белые паруса корабль, кто сражался за свободу на грозных просторах морей и океанов, – знают, что очередная одержанная в тяжелых боях победа – это всего лишь «глоток свободы» (квант свободы), а завтра на твоём пути будут снова стоять вражеские корабли или же небо и океан обрушат на корабль безжалостную ревущую бурю.

Но ни то, ни другое не может остановить корабль, если капитан умеет разворачивать паруса по ветру судьбы, а ему после грохота битвы, когда все смолкает и наступает звенящая тишина, или же с рокотом затихающей на горизонте грозы – в чистом бездонном небе загорается наполняющая душу неясной тоской звезда...

А во «время-2» на свет настроения (на его около-красный цвет, иначе – на длину его волны) $c_2 w_2$ влияют страх, деньги и т.д.

* * *

В *неживой* природе настроениям $c_1 w_1$ и $c_2 w_2$ соответствуют кванты и волны? Во всяком случае, количественно все совпадает.

Здесь нить обрывается, а в моей заблудившейся русской душе, сорвавшейся в бездну, светит еще разве что огонек православно-ареопагетического погружения человека в Божественный мрак...

Гравитация и счастье

(Гипотеза об их единстве в Природе)

В книге автора «Москва – старинный город» (1996) изложена гипотеза о единстве гравитации (неживая природа) и счастья (живая, человек). И приведены представленные ниже график и текст.

Из графика и написанного тогда текста видно, что автор считает гравитацию не чем-то *отдельным*, а – результатом взаимодействия двух независимых сил (подобно счастью, рассматриваемому через разницу наполняющих нашу жизнь двух настроений – любви и ненависти).

Любовь – это проявление женского начала в живой природе, в неживой ей соответствуют, согласно мнению автора, сильные внутриядерные взаимодействия. Ненависть – это мужское начало, соответствие которому – слабые внутриядерные взаимодействия.

Характер проявления сильных и слабых внутриядерных взаимодействий изучен (за исключением приближения к «нулю», то есть полного сжатия, для слабых взаимодействий). При этом «восхищает» то, что можно увидеть – совпадение изученных «поведений» сильных и слабых внутриядерных взаимодействий с проявлениями женского и мужского начал в человеческой жизни.

Спор идет только об одном: может ли Вселенная схлопнуться в точку? Для исследований этой гипотезы надо расстояние между элементарными частицами в ядре приблизить к «нулю». Для чего их надо сближать при соударениях на все меньшее расстояние, что и позволяет строительство все более мощных ускорителей. При этом, как считают скептики, не надо даже новых идей. Просто «берешь» новый, более мощный ускоритель и делаешь на нем все то же самое, что делали еще полвека назад физики-первопроходцы. И получаешь «новые научные результаты».

Наверное, это все же не совсем так. Хотя доля правды в этом, похоже, есть. И выражается это, в частности, в том, что если раньше на ускорителе строились десятки разных экспериментальных установок, то уже на ЛНС их будет всего четыре. Что означает: чтобы сегодня стать лидером, надо быть не только талантливым ученым, но и очень сильным организатором дела. И все это только для того, чтобы, например, приблизиться к «нулю»...

При том что этого можно было бы и не делать. Так, если наше *красивое* предположение о схожести законов в живой и неживой природе окажется верным – а почему бы и нет? – то вместо создания нового ускорителя можно будет просто присмотреться к тому, как строятся отношения между мужчиной и женщиной.

Исходя из наблюдаемого стремления женщин держать своих мужчин «под юбкой» (командовать ими до мелочей), что делает одних «подкаблучниками», а у других – настоящих «мужиков» – вызывает раздражение, грозящее перейти в ненависть и *развод*, можно утверждать: сближение до «нуля» между мужским и женским – невозможно. Откуда, с учетом сказанного выше, сделаем «научный» вывод: схлопывание Вселенной в точку невозможно.

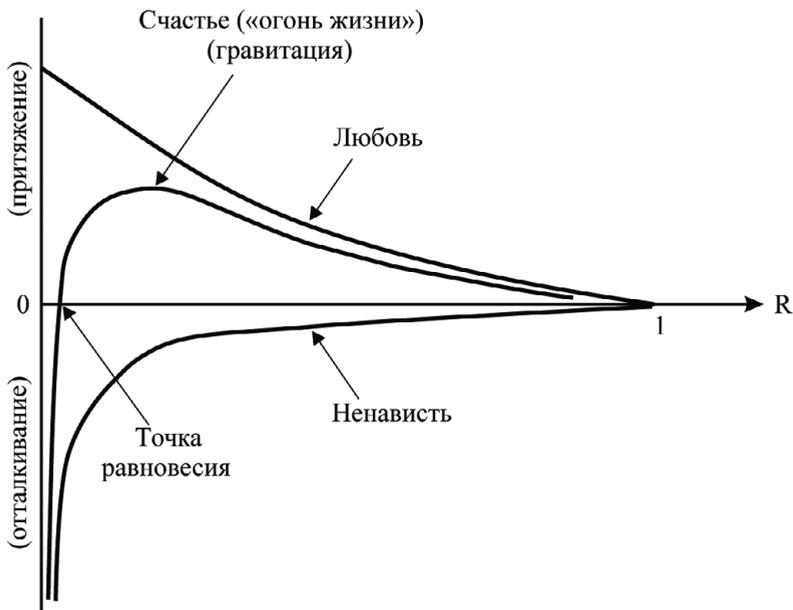
Это не совпадает с мнением *самого* Эйнштейна? Но ведь он – не Бог, перед которым нам положено склонять наши головы. Да и были другие физики, которые – и без наших доказательств – были с ним тоже не согласны. Впрочем, в смиренном обращении автора к авторитету Эйнштейна есть некий элемент лукавства...

Пусть нас судят не люди, а – время.

А вот по поводу *времени* автор (склонный рассматривать держащую на привязи звезды во Вселенной гравитацию как взаимодействие *двух* сил в Природе, выражающих Энергию и Красоту) утверждает, что в жизни человека оно разделено на две больших составляющих, которые в Ветхом Завете представлены как *время разбрасывать камни* и *время собирать камни*. Время творчества и время внедрения. И что существует «точка равновесия», куда стремится, похоже, развитие Вселенной. Но еще не достигло ее – **за недостатком Красоты?**

И мы, по-видимому, созданные для этой цели, живем на этом этапе – движения к какой-то затерявшейся в «разбегающемся» звездном пространстве царственно *спокойной* «пристани». Не понимая своего предназначения и надеясь в своем устремлении в научных исследованиях раскрыть все тайны Природы, строя смелые теории-гипотезы и гиганты-ускорители для проникновения разума в знания об устройстве *материи*. Забывая о том, что человек – это лишь «инструмент» у Вселенского (Святого) Духа.

А еще о том, что помимо общих законов есть частная жизнь человека-личности. Который может управлять, уж во всяком случае, – *разделением времени* в своей судьбе. Чтобы выбирать – быть ли ему в науке чистильщиком сапог или же капитаном прокладывающего дорогу оружием многопушечного корабля?

Гравитация и счастье

Иллюстрация единства (из книги автора «Москва – старинный город»)

Известно, что *время* может «тянуться» и может «лететь». Время летит, когда человек творит или когда к нему приходит любовь. Тянущееся время – это когда в душе хаос, тоска.

Все вместе – творчество, любовь и тоска – это и есть человеческая жизнь.

Обозначим через t_r то время, в которое человек творит (когда он один на один с «божественным вдохновением»), и через t_d – время, в которое к нему приходит любовь (когда в его жизнь входит как счастье другой человек). В жизни t_r и t_d – это разное время, но сумма обоих этих времен на ограниченных отрезках (из нескольких чередований t_r и t_d), как представляется, остается примерно одинаковой.

Введем коэффициент:
$$T = \frac{t_r}{t_r + t_d},$$

который может меняться от 0 до 1.

Настроение ожиданий человека, его жизненная сила («сдержанный огонь жизни» – по Льву Толстому), может быть представлено в графическом виде так, как это показано на рисунке – в виде разницы между «счастьем любви» и «ненавистью», зависящих от T на оси R (от выбора «жизненной позиции»).

В неживой природе настроению, предвосхищающему в живой природе судьбу, по-видимому, соответствуют силы, которые действуют как *управляющие* во Вселенной.

Если гипотеза о единстве природы счастья (его надо отличать от частного «счастья любви») и гравитационного притяжения окажется верна, то на оси R для организующих порядок во Вселенной сил *управления* можно указать некую «точку равновесия».

В «точке равновесия», очевидно, и удерживаются планеты, вращающиеся вокруг Солнца. И растут дети. Это то, что устойчиво в Природе.

Но «огонь» ярче там, где существование неустойчиво. Где живут, сражаются и любят те, кто способен держать свой парус под сильным ветром.

Высокому настроению, которое не совпадает с состоянием «равновесия», нужна *свобода*. Но именно здесь, в «огне», и рождается новая *красота*. Которая, пронзая светом счастья глухую мглу бессмысленности «просто» жизни, ведет на крыльях к победам. А где победы, там – как считали в древности – Истина и Бог.

Однако полная свобода, где $T = 1$ на оси R , счастья дать уже никому не может и только погружает в тоску. Или – хаос.

От хаоса и тоски спасает хотя бы частичный отказ от свободы – как в Европе. Спасает еще талант. Близость к хаосу превращает его в гениальность.

Есть в Европе и нечто иное, что тоже спасает, это – *движение*, «радость борьбы». Однако в рассматриваемую нами философию управления *красотой* направлением движения это уже не входит. Просто потому, что там *все просто*. Ибо движется человеком.

Из графика также следует, что *коллапса* Вселенной, или сжатия-схлопывания ее в точку, где $T = 0$ на оси R , – быть не может.

Как нет спокойной вечной любви.

Как, похоже, не существует и абсолютной смерти.

Во всяком случае – это не совсем ноль. Как и Большой взрыв – тоже не из нуля. И оправданием создания Большого адронного коллайдера может оказаться не этот поиск, а – «сжатие времени». Это может стать смешной историей. Смеяться придется физикам.

СМЕШНОЕ НАЧАЛО

Середина 1950-х годов. Мартин Дойч (Martin Deutsch, 1917–2002), профессор Массачусетского технологического института, иммигрировавший в 1935 году в США австрийский еврей, предлагает соединить систему типа «бегущий луч», используемую для передачи кино по телевидению, с компьютером. Это было первое в мире предложение, направленное на создание сканирующей системы, предназначенной для измерения и распознавания изображений (фотоснимков ядерных событий в трековых камерах в физике высоких энергий) при использовании компьютера.

О работах Дойча стало известно, и в 1957 году Объединенный институт ядерных исследований заключил хозяйственный договор с организацией а/я 4122 в Москве (в настоящее время – Московский научно-исследовательский телевизионный институт – МНИТИ) на создание установки «бегущий луч» на основе электронно-лучевой трубки как головной части будущей первой – так считалось – отечественной сканирующей системы.

Дойчу, однако, не удалось построить сканер: он не смог обеспечить требуемые высокие показатели, связанные с разрешающей способностью электронно-лучевой трубки (ЭЛТ), с использованием которой решалась задача просвечивания измеряемых фотоизображений (прозрачных негативов), и точностью позиционирования ее светового пятна. Хотя сам выбор ЭЛТ в качестве генератора сканирующего светового пятна был прогрессивным решением, позволявшим отказаться от сплошного телевизионного растра в пользу управляемого сканирования, открывающего возможность проследить треки.

Идея применения управляемого сканирования связывалась со стремлением обеспечить высокую производительность и не подлежала сомнению: это был путь построения искусственного интеллекта на основе компьютера, и все умные люди в науке немедленно вступили в ряды его апологетов (защитников). Хотя производительность – это всего лишь одна из характеристик системы, и потому истинное предназначение компьютера, вполне возможно, заключено в чем-то другом. Например, в предоставлении

интеллекту человека возможности проникать туда, куда он до этого заглянуть не мог. Но для тех, кто властвует в науке, эти мысли выглядят уже чуть-чуть сложными. А большинство из не стремящихся к власти чуть-чуть боятся своих сомнений. И не напрасно: для этого существуют ученые советы, следящие за следованием коллективному строю взглядов.

И если ученый мир открыл кибернетику, провозгласившую как цель повышение *известных* возможностей человека, то и извольте больше «не умничать». А для тех, кто не хотел с этим соглашаться, оставалось единственное средство – чуть-чуть хитрить. Полагаясь на время (которое бежит) и на счастливый случай (который должен успеть прийти). И в моем случае, кажется, он успел (если набраться немного смелости и хотя бы один раз заявить так, отбросив, как это делают «идущие в ногу», эти проклятые сомнения).

И, похоже, именно не выходя из «строя» и был составлен упомянутый выше договор от 1957 года между ОИЯИ (Дубна) и московской организацией а/я 4122. Этот договор попадет мне в руки через восемь лет, и в нем я найду один интересный пункт: заказчик (ОИЯИ) предлагал поднять в 2 раза скорость протяжки кадров фотопленки (на которую снимались ядерные события в трековой камере) и довести ее до возможности обрабатывать 48 кадров в секунду. С такой, как минимум, производительностью планировалось обрабатывать в автоматическом режиме изображения на снимках.

Когда же в 1973 году мне доведется запустить первую в СССР действующую сканирующую систему АЭЛТ-1, то окажется, что затраты времени на обработку изображений на одном кадре равняются 2–3 минутам. Ошибка между теорией (пункт в договоре, записанный «страшно умным» и таким уверенным в себе физиком, доходившим в спорах до крика на других физиков и, конечно, «нефизиков») и практикой составит почти 10 000 раз!

Однако даже при 3-х минутах затрат повышение производительности достигнет целых 5-ти раз, что будет признано вполне достойным понесенных затрат (теперь эксперимент можно было обработать не за пять лет, а за год). А «страшно умный» представитель ОИЯИ за этот период жизни успеет выгнать меня из своего кабинета. «Вы уже заняли десять минут моего докторского времени!» – заявит он, выставляя меня. Я просил разрешения поехать в командировку, а он считал это суетой. Однако разрешил.

Первая половина 1960-х годов. Не дождавшись от Мартина Дойча успехов с применением электронно-лучевой трубки, ученый мир построил в 1960 году в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева) механическое сканирующее устройство HPD (Hough–Powell Device). Hough и Powell были его авторами, первый – американским профессором, второй – студентом-дипломником, кажется, Кембриджского университета.

Это было очень красивое устройство, похожее на живое существо: внутри у него что-то вздыхало, когда оно приступало к перемещению прецизионного измерительного столика с прижатой вакуумом к его поверхности фотопленкой, а в полутьме помещения что-то начинало светиться голубоватыми галогеновыми лучами.

Основная идея профессора P.V. Hough была сформулирована им в изящной форме: «обратиться к старой доброй механике». И механика не подвела: все проблемы, связанные с трудностями достижения высоких измерительных характеристик, оказались решены. А математики-программисты с созданием HPD получили наконец возможность на практике заняться реализацией идей с построением искусственного интеллекта на примере распознавания ядерных событий в трековых камерах. Что и позволило им очень скоро убедиться в том, что здесь далеко не все просто. А может, и совсем не просто.

После этого те, кто занимался данной проблемой, разделились на два лагеря: одни решили идти по пути комбинирования работы компьютера с участием в этих работах человека (были введены просмотровые столы для измерения на них грубых «масок» ядерных событий, что означало передачу функции распознавания человеку-оператору), а другие, причислявшие себя к романтикам в науке наподобие мореходов Колумба и Магеллана, приняли решение посвятить свои жизни борьбе до победного конца за идеи отца кибернетики Норберта Винера, несущие свет будущему человечества. Со временем выяснилось, что больше повезло первым. А вторым пока не повезло. Хотя на дворе уже не 1960-е годы, а XXI век.

Но так уж устроен мир: обещающих светлое будущее, в котором человеку можно будет лежать на боку, те, кто имеет власть (в том числе в науке), любят больше. Больше всего почета и денег на научные разработки в 1960-х годах выпало на долю тех, кто верил в искусственный интеллект.

И среди них на первом месте был американец L. Pless, профессор Массачусетского технологического института. Он изложил свои идеи в 1961 году, и они заключались в следующем.

Рассматривая ядерные треки, представляющие собой кривые линии, как сумму коротких прямых отрезков, он предложил имитировать с помощью электронно-лучевой трубки такой же отрезок и процесс сканирования свести к наложению («подгонке») перемещаемого под управлением компьютера отрезка на измеряемый трек.

Как считал Плесс, это давало возможность *поднять производительность* обработки ядерных событий, находя сразу как координаты измеряемого отрезка ядерного трека, так и его направление.

Не знаю, сам ли Плесс или это были сторонники его метода, но только было объявлено, что в этом подходе заложена также другая выдающаяся идея, связанная с исследованием гипотезы о существовании «ассоциативного распознавания образов». Иначе говоря – один из возможных путей построения искусственного интеллекта. После чего все остальные работы в мире как бы отошли на второй план и об интеллекте разработчика стали судить по его отношению к работам Плесса.

О системе PEPR (Precision Encoder and Pattern Recognition Device) профессора Плесса я услышал в середине 1964 года, когда начал работать над своим проектом сканирующей системы на основе ЭЛТ. А в ноябре увидел его самого, когда он приехал на Международную конференцию по физике высоких энергий, проводившуюся в тот год в Дубне.

Специально для этой конференции, первой подобной в СССР, в городе была построена новая гостиница «Дубна», а также проложена через лес новая дорога, спрямившая въезд на два километра и ведущая прямо в центр.

Тогда, знакомясь с различными разработками, я услышал не только о сканирующей системе PEPR, но также о проведении в ЦЕРН работ по созданию «электронного НРД» – простейшего сканера на основе ЭЛТ, предназначенного для обработки малоформатных снимков с искровых камер и, как об этом заявляли сами авторы, «для получения опыта работы с этим капризным прибором». А в ноябре 1964-го, когда Плесс приехал в Дубну на конференцию, мне представилась возможность и увидеть его, и услышать его доклад.

Однако достать пригласительный билет на конференцию мне не удалось. А без него стоящие на входе в здание Лаборатории теоретической физики, где проходили доклады, двое охранников никого не пропускали. Отойдя в сторону, я изучил их поведение. Оказалось, что при задержании очередного безбилетного «зайца» они оба набрасывались на него, и в это время у шедших спокойно и с достоинством билеты уже не спрашивали. Я прошел.

Доклад о системе PEPR, работы над которой, как тогда считалось, открывали возможность исследовать линию на построение искусственного интеллекта, вызвал аплодисменты заполненного до отказа актового зала. Мне, правда, пришла одна мысль: а как с использованием светового штриха – главного козыря в системе – будут распознаваться места пересечения двух треков? Ведь здесь нужен был уже не штрих, а два штриха с переменным углом их пересечения. Что было уже каким-то «нагромождением». Но блестящий вид профессора-американца не позволил мне высунуть свой нос. Да и другие тоже ничего не обсуждали, а только скромно задавали ничего не значащие уточняющие вопросы, понимая, что они разговаривают с современным гением.

(Система PEPR, построенная в Массачусетском технологическом институте Л. Плессом, так никогда и не заработала. Последний раз о ней было сказано нечто невразумительное в 1976 году.)

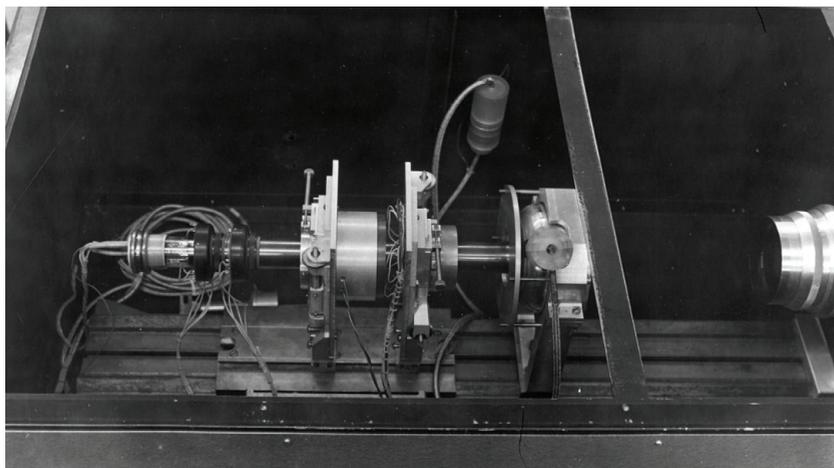
Потом был доклад представителя Всесоюзного НИИ телевидения из Ленинграда (ВНИИТ). Из него я узнал, что в СССР уже построен сканер на ЭЛТ, который по измерительным характеристикам даже немного превосходит то самое «электронное НРД», которое только что запустили в ЦЕРН.

«Сканирующую электронно-лучевую трубку какого типа вы использовали?» – Я решился на этот раз задать вопрос.

«Специальную», – получил я по носу в качестве ответа.

Тогда я не знал еще, что дама, выступавшая с сообщением о преимуществе «советского сканера», и в глаза не видела этой самой ЭЛТ. Но публикация доклада была нужна для защиты ее диссертации. Я поехал в Ленинград и получил извинения. И все.

Таким было начало. Прослушав все доклады на конференции, я внес свое предложение о создании сканера. Моя идея состояла в разделении света от ЭЛТ на три оптических канала и применении в двух из них прецизионных решеток – дифракционной (отсчет координаты X) и наклонной диагональной линии (координата Y). Это делало создание сканера простым, и я создал его – АЭЛТ-1.

Фрагмент измерительного канала сканера АЭЛТ-1
с прецизионной электронно-лучевой трубкой (ЭЛТ)
и репродукционным объективом

Световое пятно с экрана ЭЛТ передается репродукционным объективом на фотоснимок (негатив) и просвечивает его. Далее стоит фотоэлемент. При встрече движущегося пятна с почернениями на снимке (ядерные треки и другое) на выходе фотоэлемента возникает электрический импульс, используемый для занесения в компьютер координат X, Y точки пересечения. Так осуществляется сканирование. Компьютер управляет положением (задает номер) каждой строки. Размер строки постоянный. На сканере АЭЛТ-1 была достигнута разрешающая способность 1000 линий. Стоящие после объектива полупрозрачные зеркала (на снимке их не видно) формируют три параллельных оптических канала – для фотоснимка и двух решеток. Ошибка измерений координат на стандартном кадре размером 18 x 24 мм² составляет 10 мкм. Такие характеристики позволяли применять этот сканер для целого ряда задач.

Post Scriptum. «На чем он заканчивает, мы с этого только начинаем». Такими словами давалась общественная оценка созданию мной сканера АЭЛТ-1 уважаемыми конкурентами. И когда он был запущен в производственную эксплуатацию в 1973 году, это осталось практически незамеченным. Поскольку, начав работы одновременно со мной, они в это время *начинали* по-прежнему с более высокого уровня. О чем было всем известно. По ходу у меня была поездка в ЦЕРН (ноябрь 1969 года), где мы достигли показателей, не превзойденных никем до сего времени. А они продолжали и продолжали *начинать*. И так и остались на этих передовых позициях до конца, не уступив никому пальму первенства.

Еще одна смешная история.

Те самые «специальные» электронно-лучевые трубки, предназначенные для применения в системах прецизионного сканирования, о которых я спрашивал даму во время ее доклада на конференции в Дубне о «первом советском сканере», изготавливались на двух оборонных предприятиях. Я поехал на одно из них, во Львов, имея на руках письмо с предложением – заключить договор на сумму 20 тысяч рублей (только чтобы получить ЭЛТ).

Меня приняли и показали лежащую на столе стопку из тридцати таких же писем. И спросили: почему мне должны дать трубку, при том что всем остальным было отказано? А заодно сообщили, что их годовой бюджет равен 500 тысячам рублей, что означало: со своими 20 тысячами мы им не интересны. Я попросил разрешения подумать.

В течение двух дней мне удалось узнать, что у них есть одна проблема. Они, два умных, но не сильных в математике еврея, придумали оригинальный метод измерения диаметра светового пятна прецизионной ЭЛТ с помощью регулируемой по ширине щели. Световой луч разворачивается по строке и модулируется с частотой электрической сети. Случайное наложение темных и светлых пятен на щель позволяет поймать момент «порогового эффекта», который совпадал с началом уменьшения щели относительно диаметра пятна. Но вот вопрос: сколько времени надо наблюдать по осциллографу импульсы от случайных засветок промодулированного пятна, чтобы «поймать» их минимум и максимум? Их конкуренты из Ленинграда утверждали, что на это надо несколько часов. Из-за чего вся идея выглядела нелепой.

Расчет надо было вести с применением теории вероятностей, и я выполнил его. Получились четыре страницы длинных формул: как и все, что связано с формулами в частных производных. Подставил числа и вычислил время наблюдения: всего 2 секунды.

«Мы хотели бы предложить вам написать совместную статью. У нас есть выход в солидный журнал». – Шеф сощурил глаза.

Я сказал, что мне это не надо. И что они могут использовать мои формулы и расчеты по своему усмотрению.

«А чего же тогда вы хотите?» – спросил шеф. Я ответил.

«Приходите завтра. Вы получите трубку, но здесь не все просто», – было сказано мне. По тону я понял: мы можем даже стать друзьями.

На следующий день мне объяснили, что с прецизионной трубкой надо еще научиться работать. И что они могли бы обучить меня этой премудрости в течение месяца.

«Но что мы будем иметь уже за это?» – подмигнули мне.

Их предложение было: не 20 тысяч рублей безналичных денег, а всего 200 рублей наличными. Трубку получу вообще бесплатно.

Вернувшись в Дубну, я написал письмо на имя 2-го секретаря Центрального комитета комсомола Бориса Пастухова, где изложил свой взгляд на целесообразность изменения системы финансирования науки в СССР, а именно: разрешить затраты в размере 1% в виде наличных средств *на доверии*, что, как утверждалось, приведет к значительной экономии государственных средств и сделает эффективнее выполнение работ.

Черт ли сидел у меня за плечами, но только Пастухов принял меня. Быстрота его ума поразила меня.

В свою очередь, описав проблему с получением ЭЛТ, я сказал, что обобщил ее (проблему) в виде изложенного в письме. Говорить надо было кратко, я справился, но от напряжения мои уши пылали, как костер.

Борис Николаевич снял трубку и позвонил председателю Государственного комитета по использованию атомной энергии в мирных целях (был такой в делавшем бомбы Минсредмаше) – Андрею Михайловичу Петросьянцу.

«Тут у меня сидит один комсомолец...» – начал он и спросил: стоящая ли задача – создание сканера? Петросьянец подержал.

Так я получил на моем письме «ну очень высокую» визу, адресованную в Министерство электронной промышленности, а к этому – предложение: перейти на работу инструктором в ЦК комсомола.

Пообщавшись по совету Б.Н. полчаса с инструкторами ЦК, я от предложения идти работать к нему отказался: инструкторы за заляпанными чернилами столами не отвечали ни на какие мои вопросы.

А в Министерстве электронной промышленности какой-то клерк моего возраста просто выставил меня за порог: для него я был всего лишь дворняжкой.

«Поработай для начала с говном», – сказал он.

Я вернулся в Дубну и пришел к «моему» администратору, который в свое время накричал на меня за то, что я занял десять минут его докторского времени.

«И сколько же стоит твой львовско-одесский еврейский вариант?» – спросили меня. От нас ждали 200 рублей, я вспыхнул и сказал: 400.

«Иди через час в кассу и получи».

Я чуть не упал. Впервые в жизни у меня была в руках такая огромная сумма денег, на которые можно было купить холодильник или пианино. При том что никто не требовал от меня расписки за их расход.

На следующей неделе я уже был во Львове.

«Мы не думали, что вы решите эту задачу. К тому же мы хотели получить 200, а вы привезли 400. За это мы обучим вас не за месяц, как обещали, а за две недели».

В результате «шеф трубок» после опубликования «в солидном журнале» статьи «с большими математическими выкладками» получил возможность защитить кандидатскую диссертацию – и он ее в конце концов защитит, – а мне досталась заветная ЭЛТ.

Большой рыжий парень, руководитель участка по производству трубок, вручая мне новенький блестящий прибор, шепнул, чтобы я с ней зашел в туалет. Там, проверив все кабинки, он вынул из-под полы белого халата другую такую же трубку и засунул ее в ту же длинную картонную коробку (у трубок был «хвост» длиной в полметра), но только с другой стороны.

«Шеф велел отдать тебе плохую трубку, а я загрузил в производство еще одну и сделал ее что надо», – так же шепотом сказал он.

На вахте – а это было, напомним, оборонное предприятие – коробку с трубками вскрыли, но лишь с одной стороны.

Мы встретились через полчаса на улице, и я пригласил его зайти в кафе и выпить по стаканчику (в СССР все стаканчики были двухсотграммовые) водки.

«Я знаю местечко, где можно еще и дешево закусить, – сказал он. – Это в самом центре. Там подают мясные рубцы».

Вернувшись в Москву, я по пути на Савеловский вокзал, откуда шел поезд на Дубну, решал: истратить ли последние пять копеек на автобус, или же пойти пешком и купить за четыре порцию винегрета?

Палатка-забегаловка была на пересечении с Садовым кольцом.

«*Наши паровоз, вперед лети!..*»

1963-й год для человечества запомнился тем, что в ноябре был убит президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди. А для меня он стал «реперной точкой» в моей жизни в том смысле, что в один день, в октябре того года, я из рядового комсомольца неожиданно стал первым заместителем секретаря комитета комсомола нашего Объединенного института ядерных исследований. Что на практике совершенно невероятно. Но это было! А без этого мне не удалось бы пробиться на прием в ЦК комсомола, о чем рассказано выше. Правда, это так и не привело к успеху в той цели, которой я тогда добивался – получению права заплатить *прямо* 200 рублей за получение электронно-лучевой трубки, – но без этого не было бы и той «волны», на которой деньги эти были все-таки получены.

А история эта действительно была невероятной. Еще в школе, а затем в студенческие годы я фанатично – подчеркиваю – налаживал вокруг себя спортивную жизнь. Мне нравился *дух* спорта, и в школе я «выводил» наш класс на лыжах в лес. А когда стал студентом радиотехнического факультета Московского энергетического института, то за три года привел созданную мной же команду лыжников своего курса нашего элитного, но самого неспортивного факультета на пьедестал чемпиона МЭИ среди пятидесяти курсовых команд всего Института – было такое первенство. За что меня на последнем, пятом курсе неожиданно – по предложению с места (тогда это называлось «демократическим централизмом») – избрали в члены нашего курсового комсомольского бюро.

И мне это даже понравилось: у власти есть какая-то тайная притягательность. Даже если это, как это было со мной, ничего не меняет и не добавляет. Но во всякой тайне заложен какой-то огонь. Этот огонь и вспыхнул в октябре описываемого 1963 года, когда я встретил на перекрестке улиц Мира и Вавилова в Дубне, где был мой желтый трехэтажный дом, своего однокашника по МЭИ Сашу Злобина и ни с того ни с сего вдруг рассказал ему *под настроение* о своих увлечениях с организацией спорта. Совершенно не подозревая, что это может иметь какое-то продолжение.

«Знаешь что? Иди ко мне в заместители секретаря комитета комсомола! – говорит мне Саша. – Через две недели будут выборы, и я дал согласие быть освобожденным первым секретарем. Ты будешь не освобожденным от основной работы моим заместителем».

Это было фантастическое предложение. Я опешил.

Но в нем горел тот самый «огонь», противостоять которому не столько невозможно, сколько неправильно. Мои колебания длились, насколько помнится, минут пять. Он продолжал настаивать. Я согласился.

Два года в составе комитета комсомола ОИЯИ совпали для меня с Международной конференцией по физике высоких энергий в Дубне (ноябрь 1964 года), когда я выдвинул свое предложение по созданию будущего сканера АЭЛТ-1 и победил, и с моей «одиссеей» по «плаванию» за добыванием электронно-лучевой трубки. Но в это время была и другая, параллельная жизнь, в комсомоле, где мы со Злобиным сделали немало интересного. Так, в Дубне появилась большая спортивная лыжная секция и освещенная лыжная трасса. Но самым ярким пятном в этой жизни оказалась для меня работа летом 1965 года директором спортивно-трудового лагеря школьников в деревне Стариково в двух десятках километров от Дубны, на реке, которая почему-то тоже называлась Дубна.

Еще больший фанат спорта, чем я, Саша Злобин (ставший мастером спорта по туризму) организовал в 1964 году «десант» из тридцати школьников-старшеклассников, живших и работавших на колхозных полях в названной деревне. А на следующий год им было предложено довести это дело до ста человек. Договорились о том, что для лагеря будут выделены местная школа, дом при ней и площадка для размещения армейских палаток. В школе должны были жить девочки, в палатках – мальчики. Кухню, столовую и туалет надо было построить самим.

Был подобран директор, некая малосимпатичная желчная личность, и он за три дня до открытия первой смены потребовал за эту работу двухкомнатную квартиру. Ему отказали, но и он тогда заявил, что работать в лагере не будет. Обратились ко мне: спасай, и я после очень сложных колебаний, где, помню, была неуверенность в себе и самый обыкновенный страх, согласился.

Опасения мои, как оказалось очень скоро, были совсем не напрасны. В профсоюзном комитете, куда я пришел за решением вопросов с финансированием и выделением нам грузового автомобиля для доставки продуктов, спросили: как дела с постройкой кухни, столовой и туалета?

Я сказал, что, по моим планам, как только ребята приедут, то тут же и начнем строить. Но выяснилось, что, согласно правилам, все это должно быть построено заранее. А без этого открытия лагеря и, соответственно, начала финансирования не будет.

Но как же так? Ребят ведь уже не остановишь: по крайней мере тридцать человек должны были приехать не из города, а из разных мест, и найти их и предупредить об отсрочке дня открытия было просто невозможно. И ребята приехали. Что оставалось делать?

У меня было три рубля, и я предложил всем скинуться – кто сколько сможет. Собрали буквально по копейкам и набрали на хлеб и на соль из расчета на одну неделю. Я договорился с председателем колхоза, и он в счет будущих трудовней (которыми тогда оплачивалась работа в колхозах) выделил нам молоко и картошку. Откуда-то появился еще зеленый лук, но я быстро разобрался, что наши орлы воруют его на огородах, и строго-настрого запретил это.

Как оказалось, это было самое лучшее время за все два месяца. Мы работали пилами, топорами и лопатами (стройматериал полагалось выдать до открытия), а вечером пели и плясали вокруг костра, играя на моей гитаре и стуча по перевернутому вверх дном ведру.

Приехала комиссия и сказала: вот ты (это значит – я) говорил о каких-то трудностях, но мы же видим, что все построено. Отобедали, выдав на кухню свои профсоюзные суперпродукты, и открыли финансирование. Я понял, как иногда противно быть директором.

Нам выделили грузовик и четыре лодки. На лодках не столько катались, сколько сражались в морской бой. И уследить было просто невозможно, хотя я и предупреждал: без меня – ни-ни!

Лодка, когда ее топят и она переворачивается вверх дном, может ударить бортом или даже металлической уключиной по голове. И тут важно, чтобы кто-то из взрослых обязательно наблюдал за боем на берегу. Но разве же тебя будут слушать?

Однажды нагрязнула комиссия из города и сразу – на реку. Я иду с ними, они молчат, и первое, что видим, – это как одна из лодок набирает воду и переворачивается под крики топящих ее победителей.

Комиссия повернулась и тут же ушла обратно, записав в какой-то хитрый журнал, что я получил предупреждение. После чего за любое крупное ЧП, как мне разъяснили, я получу не меньше двух лет отсидки за решеткой. А морские бои было рекомендовано запретить. Но я запрещать не стал, понимая, что комиссия больше не приедет.

Трое молодых выпили водки, забрались на сеновал и курят. Это грозило пожаром и их гибелью. Мне сообщили перепуганные девчонки. Я выгнал виновников на три дня домой. Но они жили и ночевали в лесу, а им тайно носили еду.

Через какое-то время стало казаться, что в супе мало мяса. Но повариха клялась, что вскрывает и закладывает в суп все положенные по норме банки тушенки. Я потребовал сдавать сначала банки мне, а их открытие поручил «выборным от народа», которых меняли каждый день. Качество супа заметно улучшилось.

По вечерам в коридоре школы устраивались танцы. Теперь у нас были уже гитара, тромбон, саксофон, баян и настоящий барабан. Ребята попросили разрешения замазать лампочку темной краской.

Поступил донос в партком о том, что мы «практикуем танцы в темноте». Мне сообщили об этом и вызвали для отчета. Перед поездкой в город я попросил ребят отмыть в лампочке чистое пятнышко.

На заседании парткома спросили про зачерненную лампочку на танцах. Я ответил, что она зачернена только частично. Это было уже непонятно: так танцы проходят в темноте или не в темноте? И как зачернена лампочка, очень или не очень? Я считал, что не очень.

Поставили на голосование: ехать проверять про лампочку или не ехать? Решили незначительным большинством: не ехать.

Мы с шофером Колей загнали мужа поварихи в крапиву, дав ему право выбора. Он выбрал мир: каждый день чистить картошку. Как-то я накрыл его играющим в карты с ребятами. На мой упрек он достал партбилет: он был выше. И стал колоть дрова.

В августе пошли затяжные дожди, что сделало дорогу непроезжей для нашей автомашины. Мы подвели все запасы, и вот настал день, когда никакой еды уже не осталось.

А дождь все идет. Я добрался до города на велосипеде, загрузил продуктами трехтонную машину, и мы поехали в лагерь. В последний момент что-то подсказало мне, и я в счет отпущенных нам денег забросил в кузов рулон рубероида. А по пути купил бутылку красного портвейна.

Нам предстояло пересечь два хлипких места, которые превращались во время дождей в грязную жижу. В первой такой жиже мы и сели. Я пошел в поле на звук работающего мотора и нашел там трактор.

Мужик-тракторист охотно согласился «за бутылку» вытащить нас на другую сторону. Только спросил: «А можно я ее сейчас?».

Можно, дядя. Он выпил всю бутылку.

Но дальше была еще одна такая же преграда из жижи. Однако мужик считал, что это далеко, и ехать с нами не соглашался. Я взял из кузова головку сыра и рубероид и предложил их ему. Мы поехали.

Рубероид был немалой ценностью, за которую я тоже нес личную ответственность. Но наш шофер Коля был отличный парень, и я мог позже что-нибудь придумать в случае объяснения в парткоме. К тому же никто из лагерных этот рулон рубероида, в действительности ни по какому счету нам не нужный, не видел и не догадывался о нем.

Когда мы добрались до последнего, открытого участка дороги перед лагерем, была уже настоящая ночь. Дождь утих, и в разрыве между тучами висела полная луна. В ее призрачном свете наш тяжело груженный автомобиль медленно кружил-выруливал по проселку, ведущему от деревни Веретьево с ее рубленой топором деревянной церковью XVIII века, рассекая темноту желтым светом длинных шупалец-фар. А навстречу нам бежали голодные ребята. Я остановил машину и разрешил им разграбить ее.

В конце августа лагерь был свернут и на месте шумной веселой жизни остались лишь сиротливое школьное здание и как-то сразу покосившийся под мелким осенним дождиком навес построенной нами столовой. Меня пригласили в партком и объявили благодарность.

«А не могу ли я попросить место в детском саду?» – спросил я.

Оказалось, что это очень серьезная просьба. Места были дефицитом, и их давали вот так, по просьбе, только заслуженным работникам. А я был простым инженером.

Но дома было неважно: жили втроем, с женой Зоей и трехлетней дочерью Ирой, на мою зарплату 140 рублей, в основном на картошке и квашеной капусте, к тому же приходилось немного помогать бедствующей матери жены. И было очень важно отдать дочь в детский сад. Тогда жена могла бы устроиться на работу.

А так дело однажды даже дошло до крайней черты, когда пришлось питаться только хлебом и ягодами в лесу. Но говорить об этом секретарю парткома не хотелось. Я не уходил, и он, скривившись, дал согласие. Мне за эту сцену стыдно до сих пор.

Правда, не очень.

«НО ОТКУДА ЗВЕЗДЫ?..»

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ

«Сейчас, когда пишутся эти строки, на улице, за окном, зима. Декабрь. И когда еще будут весна?..

Солнце в декабре появляется редко, но в эти редкие дни небо бывает удивительно голубым, и по нему – стремительные – несутся *белые* облака.

Кто я и что я? Во всем ли я прав? Этого я до конца не знаю.

Но когда я вижу это низкое солнце или же голубое небо, то я знаю, что так же прямо могу смотреть и в *другие* глаза...»

* * *

Эти слова были написаны в декабре 1973 года, через шесть месяцев после того, как мной была запущена в эксплуатацию моя первая – она же первая отечественная – сканирующая система АЭЛТ-1. Тот декабрь мог стать в моей жизни последним: в февралю тем, кто сыграет в моей жизни «космического одиночки» самую большую роль – профессором Михаилом Григорьевичем Мещеряковым, – я был назначен «сталинским методом» ответственным за создание программного обеспечения для сканера АЭЛТ-1, над чем в течение пяти лет безуспешно работали две группы программистов-профессионалов. И был дан крайний срок – ноябрь. Кому был дан? Специалисту по электронике и оптико-механике. С предупреждением: в случае неудачи – перевод из научных работников в инженеры. Конкретно – на обслуживание магнитофонов на вычислительных машинах (ремонт пылесосов).

И это при том, что в это время после успешной поездки в ЦЕРН я уже получил право работать (единственный в СССР) на запрещенной для поставок в СССР элементной базе и строил свой второй сканер – АЭЛТ-2/160, которому предстояло стать лучшим в мире. Было от чего расстроиться...

Тогда я еще не знал, что все это – смешно. И решил уйти из жизни. Но отложил – до этого самого декабря, чтобы пройтись с саблей по *последним* месяцам моей жизни. И взялся изучать программирование. Оказалось, что это не так уж и сложно, и уже через два месяца все *простое* на снимках мне подчинилось.

Но впереди была вторая часть задачи, на этот раз *средней* сложности, требовавшей в 100 раз больших затрат. А у меня было только полгода. Задача была явно нерешаемая. И тут меня вызвали на патрбюро и председатель созданной специально по моему «делу» комиссии сообщил, что *они* сокращают данный мне срок до двух недель. Вот тогда, придя к моему серому дружку-сканеру и обняв его перед нашей смертью, я – воющий от тоски – вдруг *увидел*: а все уже сделано! А увидел я то, что описал в этой книге выше: *просто*го на снимках было так много, что даже при автоматической обработке только этой части производительность по сравнению с ручными методами (с чем шло сравнение) возрастет сразу в пять раз! И физик получит результаты обработки своего эксперимента не через пять лет, а уже через год.

Это была победа! Через две недели система АЭЛТ-1 была введена в эксплуатацию, однако *они* сочли это невозможным, и меня лишили квартальной премии, отказали в праве выступить на семинаре, поставили вопрос о понижении в должности и запретили иметь в моей группе программистов. Но это было уже смешно, и через некоторое время с председателем парткомиссии случилось что-то странное, после чего от него остался только пепел...

Странным оказалось еще и то, что я подметил: со мной происходят каждые двенадцать лет с момента моего возникновения во Вселенной переломные события. Таким был, в частности, тот 1973-й год. Таким был и 1997-й, когда я опубликовал вопрос: куда идет развитие Вселенной? – после чего меня отстранили от руководства научными работами (формально, но не по существу). Понятно уже, что «инициаторы» превратились в то же самое... И вот теперь наступает новый срок 12-летнего цикла – в 2009 году.

Сегодня, 27 декабря 2008 года, у меня состоялся, как это видится, разговор исключительной важности с главным в России специалистом по GRID-технологиям – Владимиром Кореньковым (ОИЯИ, Дубна). Это еще одна «история», связанная с созданием Большого адронного коллайдера. GRID-технологии – это сетевое объединение компьютерных мощностей, что позволяет обрабатывать «сумасшедшие» потоки информации с коллайдера. Задача эта тоже, в отличие от несчастного коллайдера, оказалась решена в срок. Коллайдера нет, а GRID- и AIS-технологии есть. А они нужны не только для физиков, оказавшихся на время в роли «веселой вдовы», но – GRID и AIS *совместно* – всему человечеству. Также и для России, превращающей стоящее на ее пути в пепел...

Михаил Григорьевич Мещеряков

Первый раз я увидел Михаила Григорьевича в ноябре **1964 года**. Тогда я стал победителем в конкурсе на создание сканера, предназначавшегося для обработки фотоснимков с трековых камер. Тотчас поступило мне, рядовому инженеру, предложение: продать мою идею за перевод меня на должность старшего инженера. Иначе, сказали, будут проблемы. Но я только смеялся в лицо этой угрозе. Были, наоборот, другие, считавшие меня «козлом отпущения». По их мнению, задача с созданием сканера, а затем программного обеспечения для него была нерешаемой. И я, дворянjacka в элитной стае гончих-физиков, был нужен начальству лишь для того, чтобы потом было удобно незаметно «закопать меня в землю». Вот тогда мне и посоветовали обратиться к М.Г., который в это время был в опале – как человек «сталинской эпохи», он в 1956 году был отстранен от директорской должности и получил руководство «обычным» научным сектором. «Но это выдающийся человек!» – было сказано мне. За огромным столом, покрытым зеленым сукном, сидел огромный, похожий на льва человек. У меня, однако, сразу сложилось ощущение, что его кабинет похож на клетку в зоопарке: так он обрадовался приходу какого-то мальчишки. Выслушал меня. Про предложение о «продаже» моей идеи я не говорил, речь шла только о сложности решения задачи с применением компьютеров (тогда они назывались ЭВМ) для автоматического измерения и распознавания изображений. И я услышал от него то, что не говорил мне никто: «Это очень важная, сложная, но и по-настоящему интересная научная проблема. Беритесь за нее! И решите ее!»

12 октября 1966 года приказом директора ОИЯИ Н.Н. Боголюбова была создана Лаборатория вычислительной техники и автоматизации. Ее директором был назначен членкор АН СССР М.Г. Мещераков. Это также был «юрьев день» для тех, кто хотел перейти на работу в эту Лабораторию из других подразделений ОИЯИ. Достаточно было подать заранее заявление в запечатанном конверте, который, согласно приказу, можно было вскрыть только в указанный день. Никакие протесты от руководства «терпевших» потери сторон не принимались.

К этому сроку мной уже была построена оптико-электронная установка будущего сканера АЭЛТ-1, которая к тому же была просчитана на надежность с применением теории вероятностей (это были уникальные расчеты), что по меркам аспирантуры в каком-нибудь университете «тянуло» на кандидатскую диссертацию. Но меня как «непослушного» держали на самой низкой инженерной должности, а в сентябре того года даже предложили «сдать» мою разработку другим, специалистам по компьютерам (я им не был). «Так надо для науки!» – было сказано мне. Освоить устройство компьютера трудностей не представляло (и по моим идеям позже даже переделают ЭВМ БЭСМ-4 из вычислительной в управляющую), но с начальством, как известно, не спорят. И именно в это время мне предложили написать то самое заявление на имя М.Г. (что шло от него). Я так и сделал. И тут начались проблемы.

«Пусть он уходит, но его разработка останется у нас. К тому же мы уже наметили передачу ее в руки специалистов по компьютерам!» – заявили со стороны Лаборатории, откуда я уходил. Их довод был, по их мнению, и его было нелегко оспаривать, верным: мы должны прежде всего думать о науке. Это был стиль эпохи, в которой считалось, что «незаменимых у нас нет». Так или иначе, но Советский Союз тогда рванул вперед.

«Что будем делать?» – спросил меня Михаил Григорьевич, прошедший ту же «школу». – от Вас требуют сдать документацию на устройство, а также передать опыт. Срок – один месяц». Борьба против этого он не соглашался: приказ был подписан административным директором.

Но мое теперь уже бывшее начальство, так хорошо усвоившее законы социалистической морали, забыло про одно – «стахановское движение». Я предложил не передавать «им» ничего, а вместо этого воспроизвести за три месяца все то, что было создано мной за полтора года. При этом на *новом* уровне, с учетом опыта недочетов. Единственное – надо было положиться на *случай* в том, что они «протянут» один месяц до трех. М.Г. согласился и отдал в мое распоряжение все производственные мощности Лаборатории. Что из того запомнилось? Ночь, луна, в мешке из-под картошки за спиной я тащу схемы из одного здания в другое. Однажды нервы не выдержали и температура у меня скакнула до 39 градусов: в тот день должно было, но не состоялось заседание комиссии. В январе 1967 года, предъявив улучшенный сканер, мы победили. Тогда возникло «дело об объективе». Но об этом – в самом конце книги.

1974 год. Михаил Григорьевич вызывает меня в свой кабинет и говорит, что завтра на защите сразу, минуя кандидатскую, докторской диссертации одного сотрудника я должен выступить в его поддержку. Я с ним не согласен: в моей оценке диссертация «не тянет». «А я требую!» – говорит М.Г. В день защиты я сажусь на электричку и уезжаю в Москву.

От М.Г. ничего не последовало. Но когда однажды я попробовал дать ему характеристику работ «несостоявшегося доктора», он грубо оборвал меня: «Если еще когда-нибудь, Владимир Николаевич, Вы позволите себе говорить про не ваши разработки, я Вас больше на порог не пушу!» Тогда же он сказал, что я должен «остановиться в науке лет на пять. Дайте продвинуться и другим!» Но *такое* было только тогда и один раз.

1975 год. На сканирующей системе АЭЛТ-1 обработаны фотоснимки от четырех экспериментов, выполненных на синхроциклотроне. Создается в Москве система АЭЛТ-1/ЦАГИ. Задышала и система АЭЛТ-2/160 на линии с переделанной нами в управляющую ЭВМ БЭСМ-4. Но для обеспечения высокого качества решения задачи, для которой она создавалась – обработки достаточно сложных снимков с пятиметрового Магнитного искрового спектрометра, установленного на ускорителе в Институте физики высоких энергий в Протвино, надо было подключить весь комплекс к значительно более мощной вычислительной машине.

Для этого надо было управляющую ЭВМ БЭСМ-4 соединить линией связи с одной из двух имевшихся у нас в Лаборатории мощных машин – отечественной БЭСМ-6 или американской CDC-6200. Вторая была по ряду причин предпочтительнее, но она считалась «элитной», и вопрос о «выходе» на нее мог встретить сопротивление со стороны «научной общественности». Не учитывать это было нельзя, и я колебался.

Идет очередное заседание Научно-технического совета. В его повестке не было вопроса о ходе работ по созданию системы АЭЛТ-2/160. Вдруг Михаил Григорьевич берет слово и говорит, что нам надо решить вопрос: с какой большой вычислительной машиной будет работать наша система? И вызывает меня на трибуну. У меня, пока иду, времени меньше минуты. Сгораю от напряжения. Выхожу и говорю: CDC-6200.

Вношу предложение: подключить БЭСМ-4 к CDC-6200, имитируя работу магнитофона, что исключает вмешательство в нутро «американки». Решение элегантно. Проверили его в режиме имитации. Все работает. Однако «общественность» все равно не согласна. В зале заседания НТС стоит хохот. Эти лица! По предложению М.Г. создали комиссию для изучения вопроса. Тогда мы за одну ночь, расставив часовых, пробили бетонные перекрытия трехэтажного здания, протянули кабель между БЭСМ-4 и CDC-6200 и стали *реально* работать в течение нескольких дней. Никто ничего даже не заметил. Комиссия в эти дни не работала.

«А почему не работала?» – М.Г. задал вопрос «общественности». «Так Вы ж не назначили председателя комиссии!» – парировали оппоненты. На том и порешили: М.Г. неправ. А нам досталась линия с CDC-6200.

Свобода. Из-за этого слова автор шел на жертвы, подчас рискованные. Так, в **1985** году ради возможности проводить половину времени не в Дубне, а в Москве, что позволяло вести договорные работы с двумя крупными организациями-заказчиками и получать за это сначала в 10, а затем в 50 раз больше средств на научные разработки, чем мне давали в ОИЯИ, а также иметь *личное* время, я согласился отдать свою сканирующую систему АЭЛТ-2/160 в некий отдел, начальник которого (становясь моим начальником) гарантировал эту свободу. Был написан от руки договор на листе бумаги, который был демонстративно разорван передо мной, когда мой переход в отдел утвердили М.Г. Мещеряков как директор нашей Лаборатории, а затем – в дирекции ОИЯИ. И было сказано: «Мои принципы простые: ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак». И добавлено, что я влип, ибо М.Г. еще ни разу не отменил ни одной своей подписи. Поэтому не отменит и эту.

Последнее было учтено, и я через Алексея Сисакяна, тогда главного ученого секретаря ОИЯИ, обратился за поддержкой прямо к Николаю Николаевичу Боголюбову. На моем письме была наложена виза, которая отменяла предыдущее решение. Тогда я пришел к М.Г. и сказал, что прошу перевести меня от дурака-начальника в другое подразделение.

«Но я не отменяю своих решений! – сказал М.Г. – Как я теперь пойду к Николаю Николаевичу и буду просить его об этом? Нет уж, надо было Вам, Владимир Николаевич, сначала хорошо подумать, когда давали согласие переходить к этому, Вы правы, А вообще-то говоря, Вы тоже дурак. Сколько раз я говорил Вам: защитите докторскую диссертацию!» На это я ответил, что ходить к Н.Н. ему не потребуется, ибо это сделал Алексей Сисакян. И показал мое письмо с визой Н.Н., которая отменяла первое решение и делала меня самого в ранге начальника отдела. Тогда М.Г. вышел из-за стола и пожал мне руку. Еще через год, подловив сложившееся настроение, я написал базовый текст докторской диссертации всего за пять дней. А потом добавил в него рисунки и прочее, и она была защищена в **1987** году в Московском энергетическом институте.

...Это был год «сухого закона». Но я уже имел опыт борьбы с дураками. И банкет с выпивкой, где на столе из досок красовались красно-золотые и черные этикетки водок «Золотое кольцо» и «Посольская» (эту достали по большому благу), был устроен в мастерской одного скульптора на Покровских воротах в Москве, которая располагалась в старинном одноэтажном здании при одной из закрытых церквей. Наш друг-скульптор выполнял заказы по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне. Он делал сначала трехметровые гипсовые фигуры воинов с винтовками и примкнутыми к ним штыками, что потребовало снять пол в мастерской и углубить его на один метр. Когда сломали, решая эту задачу, русскую печь, то под ней нашли семь человеческих скелетов...

Банкет проходил при занавешенных окнах в и так мрачном помещении. «Мне понравилось, – сказал М.Г. – И я даже выпил две рюмки водки».

Женева

Это пространство размером в квадратный километр – «тюремный двор» (место для прогулок) автора. Со светящимися по вечерам окнами домов на средневековой площади Бург-де-Фур (от римского – форум), кофе, вином и пивом в маленьких ресторанчиках. Однажды «в зимнюю пору» я заказал 100 грамм водки и чашку горячего чая. Им пришлось собрать аж консилиум из трех человек, чтобы убедиться, что «этот иностранец» с его «гив ми хандрэд грамм водка энд кап оф хот ти» говорит правду.

Фото 1910 года. Кафе «La Clemence» (слева) на площади Burg-de-Four в Женеве.
Сегодня площадь «кишмя кишит» туристами

Кафе «Ла Клеман»

Женева, 27 марта 2004 года

(Рассказ про день рождения автора, из книги
«Кафе на площади Бург-де-Фур». – М., 2004. – 58 с.)

Кафе «La Clemence»* на старой площади Женевы Бург-де-Фур открыто уже в половине восьмого утра. И ходить в него надо именно в это время: тогда оно заполнено не скучающими туристами, этими манекенами человеческой жизни, а живыми людьми.

Вчера, 27 марта, в день моего рождения, я пришел в него в начале девятого. Это небольшое помещение, разделенное стойкой бара на левую половину с четырьмя маленькими круглыми столиками и правую – с семью. Два столика в глубине правой половины отделены деревянным барьерчиком, создавая «отдельную комнату». Из этой комнаты легче наблюдать: ты в ней как бы спрятался, и на тебя в ней никто не смотрит. Видеть из нее, правда, можно только свою половину кафе.

В баре всегда работают двое, это или мальчики, или девочки. В этот раз работали две девочки-конфетки, молоденькие, не сказать что красивые, тоненькие, в джинсах и белых кофточках в обтяжку. Одна стоит на кассе и исполняет приготовление заказов, у нее вид капризной недотроги. Другая бегаёт между столиками, подавая заказы и убирая посуду. У этой темные волосы заколоты в хвостик нехитрой «прищепкой» и карие глаза. Я заказал кофе и намазанный вишневым конфитюром (вареньем) хлеб.

За соседним столиком в «моей» комнате две юные женевочки, у одной нос сбоку проколот бусинкой, уткнулись в «девчачий» разговор. Я им не нужен, они мне тоже. К тому же рассматривать ближних соседей неправильно.

*«La Clemence» – так, женским именем назывался главный колокол собора St.-Pierre. Около трехсот лет назад колокол упал и разбился.

Из пяти столиков по ту сторону барьерчика заняты четыре. Три стола были не интересны: влюбленная парочка, одинаковая во всем мире, и два скучных типа, каждый за своим отдельным столиком, пьют кофе и читают утренние газеты. Один лет под сорок, в очках, с уже поседевшим, слегка сматым бобриком волос, другой не старше тридцати, неопрятный, с распущенными вьющимися волосами-космами. Одеты все в темное и неброское. Никаких пиджаков, у всех – куртки.

Но вот у входа! За столиком сидела дива лет двадцати трех, высокая, со взбитыми распущенными до локтей каштановыми волосами, в серого цвета свитере с широким откидным воротом, в прекрасно сшитых и расклешенных слегка, темных брюках модного «тряпичного» вида и в примитивных, с виду грубых черных ботинках на подошве-протекторе. Сзади на подоконнике лежала огромная мотоциклетная каска-шлем.

Дива лениво листала журнал, не выпрямляя правую вздыбленную половину, что наводило на мысль, что она его вовсе и не читает, и курила тонкую сигарету, изящно держа ее длинными пальцами левой руки. Перед журналом на круглом столике расположились: стеклянная пепельница, связка ключей с красным брелоком, пачка сигарет с зажигалкой и мобильный телефон. Один раз она куда-то позвонила. Растянула ворот, спустив свитер на целую ладонь, и обнажила прекрасные плечи. Можно было сойти с ума: вот это ведьма! Почесала голову. Потом еще...

К моим двум женевочкам пришел молодой парень. Огромный, хорошо сложенный, он снял куртку и залез с трудом на круглый же стульчик в тесноте между нашими столиками.

Мне позвонила по мобильному телефону Елена и сказала, что обслуживающий в Дубне мою машину механик предлагает в мое отсутствие пройти техосмотр. Мне не хотелось говорить по-русски в кафе, привлекая к себе внимание, и я отвечал односложно: да или нет, сказал, что сейчас перезвоню. Расплатился с кареглазой барменшей и стал выбираться из-за столика, большой, в темной куртке и с французской, в клеточку, кепкой в руке, напоминающий в чем-то Жана Габена в фильме «Отверженные». Молодой парень, пришедший к двум женевочкам и сидевший ко мне спиной, повернулся и приветливо улыбнулся: «Ова, месье!»

Проходя мимо дивы-ведьмы, я смотрел вниз. На полу у ее ног лежал длинный матерчатый, с рисунком в крупную клетку ящик-футляр, в котором могли быть либо скрипка, либо ружье.

Ресторан в одном из парков Женевы, в месте слияния рек Роны с зеленой прозрачной водой, вытекающей из озера, и текущей с подступающих к городу Альп мутной Арвы (декабрь 2005 года)

На фото моя дочь Маша позирует около моего «мерседеса» S-класса. Эти машины выпускались до 1993 года, а потом спрос на них упал из-за их неэкономичности. Поэтому в Женеве можно было купить их за бесценок. А что такое S-класс? Ты сидишь в гостиной в кожаном кресле и едешь по улице. И все думают, что ты богач. Во всяком случае, ты можешь так думать. И эта мысль ласкает... В это время ты – тихий идиот. Псевдобуржуй. То есть даже не буржуй, а тот, кто хотел бы им быть. «Встроенным». В моем срезе – вроде профессора в университете, который всегда знает себе цену. И все же доминируют у меня другие настроения: разъезжая на немецком «мерседесе» по Женеве, крутить магнитофонную запись: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Это плохо, но это правда: мне не известно, куда заведет меня судьба. В «гнездышко» или в «революцию». Но надо ли говорить об этом? Когда Леонида Утесова спросили, почему он все время говорит неправду, он ответил: «А правда никому не нужна». Нужно то, что *хочется*. Кому? Ответ здесь не прост. Есть время разбрасывать и время собирать камни.

«Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдет, как с белых яблонь дым...» Женева, ноябрь 1975 года. Автор в гостях у одного инженера из ЦЕРНа и его подружки испанки Марии-Луизы. В это время мы строили наш второй сканер – АЭЛТ-2/160 и я дважды приезжал в Женеву для обсуждения поставок элементной базы.

Вопрос о том, почему мне единственному в СССР было дано право работать на запрещенной для поставок в СССР элементной базе, очень интересовал наши «органы». Мое объяснение, что я заработал это право успешным выполнением научной разработки (во время моей шестимесячной работы в ЦЕРН зимой 1969–1970 годов была достигнута рекордная разрешающая способность электронно-лучевой трубки – 7000 линий), «их» не устраивала. Что им при этом мерещилось, мне не известно, но только во время следующей поездки в ЦЕРН, в октябре 1976 года, одному пребывавшему в ЦЕРНе с женой и ребенком (невиданная роскошь по тем временам!) «русскому» программисту было поручено пригласить меня к себе домой и «поболтать»: а вдруг что-то выяснится? Как я ни старался, отвертеться от этого приглашения не удалось: он звонил и звонил, отработывая хлеб с маслом, каждый день. Мы выпили водки, и я рассказал смешную историю. Мой шеф немец Курт предложил вести обсуждения о поставке очередной партии элементной базы у него дома во время обеда. Это позволяло экономить время, и я был согласен. Только попросил об условии: поскольку таких визитов к нему будет несколько, то я, в соответствии с их традицией, буду платить за еду. И я потом заплачу – 42 франка за семь «походов». Смешным в этой истории было то, что когда Курт приезжал к нам в Россию, то я тратил на него по 200 рублей, которые копил целый год, откладывая понемногу из моей зарплаты в 450 рублей в месяц. А он получал зарплату в 10 000 франков. Конечно же, здесь было над чем посмеяться. При этом я оставался вне каких-либо деликатных разговоров – так мне казалось. Однако на следующий день мне было предъявлено обвинение: финансовые отношения с иностранцем. И было предложено «искупить вину», вступив в ряды осведомителей. На что я сказал «нет» с помощью тоже трех, но других букв. И заплатился – стал невыездным на целых пятнадцать лет, пока не рухнула «система». Однако с «разведчиком» ничего не произошло, и он со временем даже стал профессором.

Почему он не «сгорел», как другие? Это стало понятно лишь по прошествии многих лет: тогда мне, пойдя моя жизнь в виде «мотания» между Дубной и Женовой, едва ли удалось бы удержать около себя синеглазую Елену, появившуюся в моей жизни в том же году. И тогда человечество не получило бы изображений параллельного мира, для чего с моей судьбой, похоже, должна была пересечься и остаться со мной навсегда красавица-ведьма.

Пусть сказанное выглядит не совсем убедительно. Или даже совсем не убедительно. Но только я тогда, когда сказал «нет», получил от Провидения «знак» в виде великолепного подарка – нелегальной поездки в Париж. Видимо, Оно было очень довольно тем, что Ему удалось ловко подставить мне подножку, и у Него было хорошее настроение. В связи с чем меня взяли в компанию.

Поездка эта была предложена мне Куртом. Это было очень опасно: в случае, если бы это раскрылось, моя жизнь могла свернуть на дорогу с указателем «конец света». Однако я согласился без колебаний, и на этот раз Провидение взяло меня под руку и даже сплясало со мной в начале нашей поездки веселый танец. Про который я рассказал в своей первой книге «Москва – старинный город». Ниже приведен отрывок с описанием этого «танца».

* * *

...Осеннее хмурое утро. Поезд тянется по окраинам. Какие-то огороды. Все так странно. Прошло целых двадцать два года с той поры, когда я, идя в десятом классе на штурм золотой медали, задумал молчать о немислимом – попасть в Париж. И вот я здесь.

Тогда мне как-то подумалось, что я научился общению с теми таинственными силами, которые управляют человеческой жизнью. Что эти силы проявляются не наяву, под видом оборотней или привидений, как об этом пишут в «страшных» рассказах, а в мыслях и настроениях, которые к нам приходят. Но которые почти всегда разрушаются – от самоуверенного скептицизма окружающих, в действительности просто неспособных к восприятию сложного и утонченного.

Впереди у меня было два дня, в течение которых можно будет ходить по Парижу. Что такое – два дня? Кто-то может ездить сюда столько, сколько захочет, и тратить такие деньги, что цель, достигнутая мной – два дня в Париже, – это просто смешно...

Но смешно ли? Разве время нашей жизни в сравнении с вечностью – не смешно?

И что если в эти – не менее *бесконечные*, чем целая жизнь, – два дня я увижу нечто такое, что доступно только тому, кто знает тайну общения с фортуной-судьбой? Ведь мне уже удалось – через обрушившуюся на меня фантастическую любовь к отличнице-незнакомке – прийти, когда я начал экспериментировать со всем этим, к той, пусть даже сомнительной в высоком смысле, цели с золотой медалью, с которой за десять лет до этого я связал надежду и обет молчания. К чему же тогда я пришел сегодня?

«Бесконечное!» Вот оно, то *красивое* слово, которое – я ощущал это уже – станет сегодня ниточкой моей судьбы.

Вчера я сделал *первый* «красивый» шаг – с моим другом немцем Куртом мы перешли границу Швейцарии и Франции ради этой поездки в Париж.

Его паспорт был в полном порядке, и он по нему заранее заказал в Париже отель. А я, находясь в заграничном командировке, имел право на переход границы для работы во французской части Европейской организации ядерных исследований – ЦЕРН, расположенной на окраине швейцарской Женевы. Но мы после пересечения границы не пошли ни на какую работу, а тут же поехали на автомобиле дальше, до Бельгарде, ближайшей железнодорожной станции. И там пересели на ночной поезд, идущий в Париж. Я при этом стал нарушителем перед чем-то, возможно, законом, но – во имя чего!

И вот – Париж. Курт и другие пассажиры вагона еще спят. Но я не могу. Сейчас во мне горел тот самый *сдержанный огонь жизни*, когда красивое слово становится предвестником победы.

Только не упустить главное! Пусть этого будет даже не много, но оно должно оказаться тем, что в обычной жизни человек не узнает никогда.

Впереди у меня два дня. А это целая вечность для свершения того единственного, ради чего, возможно, судьба и привела меня сюда.

Важно не ошибиться и суметь сориентироваться в море возможностей. Для чего – *не спешить* с принятием решений...

Еще одно! Пришедшее после первого второе ключевое слово, которое буквально пронзило меня, – «не спешить!»

Все. Теперь только – ждать и не спешить. Ведь впереди у меня целая вечность.

Поезд прибывает на Лионский вокзал. Мы выходим в толпе пассажиров.

Грязноватый вокзал, скучная невыразительная площадь. И это Париж? Курт просит остановиться и начинает копаться в своем чемодане. «Мы уже *не спешим*, – подумал я. – Хорошо».

– Знаешь, – говорит Курт, – я, кажется, забыл в вагоне ночные кальсоны. Ты подожди меня здесь, а я быстро схожу.

Он пришел только через полчаса. Все это время я думал о том странном начале, которое, похоже, сам же и навлек на свою голову. Впрочем, никаких доказательств того, что это была не просто случайность, а проявившаяся судьба, у меня тоже не было. Под конец этого бессмысленного ожидания, однако, стало ощущаться уже некоторое раздражение.

– Вагон оказался закрыт, – задумчиво сказал возвратившийся Курт.

– Это очень жаль, – по возможности сочувственно отчеканил я на немецкой грамматике, решив не упрекать его, оставшегося без кальсон, в потере получаса моего парижского времени.

Мне хотелось быть великодушным.

– Хорошо, – тотчас оживился он. – Тогда я схожу еще к начальнику вокзала.

Я даже заскрипел зубами. Но его уже и след простыл. А мне оставалось только рассуждать о времени и о странностях судьбы.

Курт в соответствии с закравшимся подозрением пришел лишь через час и сказал, что этого дела он теперь ни за что не оставит. Похоже было, что Провидение что-то уж очень разгулялось.

– Давай я куплю тебе кальсоны, – предложил было я ему. Курту или Провидению?

Но он (Курт) твердо заявил, что это уже дело принципа. Если это было все же Провидение (а не Курт), то оно, по-видимому, обладало несколько скверным – упрямым характером. Что делало мои наблюдения на вокзале приближающимися к научным.

На этот раз он вернулся еще через полчаса и мрачно сказал, что сделал все мыслимое и неммыслимое, но кальсоны, похоже, все же пропали. Оказывается, в субботу и воскресенье – а это были как раз те два дня, на которые мы приехали в Париж, – многие службы на вокзале закрыты. И потому он смог только отправить открытку в бюро находок.

– Однако даже если кальсоны и найдутся, то едва ли кто-то захочет заниматься еще и отправкой их из Парижа в Женеву, – грустно сообщил он мне свои печальные мысли. – К тому же они далеко не новые. Но мы с тобой, кажется, сделали все, что могли.

Последнее замечание было настолько весомым, что можно было предположить, что наконец-то мы сможем уйти отсюда.

Я понимал, что виноват перед ним. Но таковы уж законы судьбы: одни делают все, что могут, а другие, как это кажется со стороны, ничего не делают.

Елена

Когда я встретил Елену, мы сняли в овраге, по которому протекала речка Сходня, дом. Это был единственный дом, стоявший внизу у берега речки и состоявший из двух половин – в одной жил старик-хозяин, а другую за двадцать рублей в месяц снимали мы. Я колол на снегу дрова, растапливал печь, и мы жарили на сале яичницу. Пока пили водку и ели, закипал жестяной чайник. Вода была родниковая. За стенкой у деда что-то ворковал приемник с зеленой лампой-глазком, иногда по нему передавали музыку. Однажды, когда мы уже допивали чай, а комната наконец прогрелась, по радио запела-заплакала скрипка. Музыка была как наша неустроенная любовь. Но разве любовь бывает когда-нибудь устроенной? Более сильных переживаний в моей жизни, чем тогда, когда за стенкой рыдала под скрипку чья-то душа, а в печке догорали, потрескивая, дрова, пожалуй, не было.

Прошла одна зима, потом лето и вторая зима. В эту вторую зиму однажды я чуть не замерз, приехав один в наш дом последней электричкой. Тогда в декабре в Москве стояли небывалые 40-градусные морозы. На трамваях от холода даже лопалась и отставала краска и свисала по бокам отвратительными лохмотьями. Что понесло меня ночевать в насквозь промерзший дом, какая обида и на кого, вспомнить уже сложно. Но только я почему-то хорошо помню, что мне очень захотелось «вот взять и поехать». Хотя я и догадывался, что рискую, быть может, чуть ли не жизнью. Так оно и оказалось.

Когда я спустился в овраг, был уже первый час ночи. Мороз был ниже сорока градусов, к тому же дул сильный ветер. Небо было ясное, и на нем сияла роскошная, чуточку кривобокая луна. Дед из-за морозов уехал к дочке в Химки, и я был совсем один. И вдруг меня охватил страх.

Мне уже было понятно, что если не удастся почему-либо растопить печь, то я, возможно, погибну. Электрички больше не ходили, а рассчитывать, что кто-то пустит тебя ночевать, было практически безнадежно. Правда, с чего это я решил, что мне может что-то помешать растопить печь?

Но оказалось, что темные предчувствия не обманывали меня. Я пошел под навес, чтобы набрать дров. Но то, что было легко днем – выбрать среди сырых поленьев, заготовленных из растущих по берегу ветел, несколько затерявшихся сухих сосновых чурок для растопки, – сейчас, в отблеске призрачного лунного света, оказалось невозможным. Все поленья выглядели одинаковыми по цвету, на ощупь понять было ничего нельзя, ибо руки без перчаток немедленно замерзали, а зажженную спичку задувал ветер. От отчаяния, не зная, что мне делать, я сложил наудачу вместе четыре спички. К счастью, оказалось, что такая квазилучина уже не задувалась.

И почему-то особенно боязно было идти в дом, неся в руках наколотую охапку дров. Топор – мое единственное оружие – оставался лежащим сзади, и идти можно было, только глядя вперед. А со спины – я чувствовал это – на меня смотрели, сверкая холодным огнем, *чи-то* зеленые глаза и протягивались лапы с когтями... Я не выдержал и побежал, роняя по дороге поленья. Но потом все же заставил себя и снова вышел из дома. Вокруг никого не было. Лишь высоко в небе сияла луна и дул ледяной ветер. Но там, за деревьями, были какие-то *тени* на белом снегу...

А когда в апреле в овраг снова пришла весна, дед получил от кого-то предложение сдать наш домик на три летних месяца по цене в сорок рублей. Для нас это было слишком дорого, но, с другой стороны, и деду было бы выгоднее сдавать его домик нам круглый год по двадцать рублей в месяц, чем кому-то всего лишь три месяца по сорок. Попытка уговорить его ни к чему не привела: он неожиданно оказался непреклонен. Расставаясь, я смотрел на него с грустью: у нас отнимали мечту, а у него блуждающие в лунном свете «тени» должны были забрать жизнь. Почему-то я *знал* это.

Через два года дед сгорел в своем доме. Я узнал об этом спустя полтора десятка лет, когда приехал в овраг с моим другом кимрским художником Петром Гусевым, чтобы он нарисовал речку Сходню. К нам подошла какая-то согбенная старуха и стала разглядывать и хвалить картину. От нее, когда я спросил про деда, мы и услышали эту печальную историю.

* * *

Но то время было самое светлое в моей жизни. Позже придут победы с созданием сканера АЭЛТ-2/160 и применением в ЦЕРН метода «сжатия времени». А тогда это время было еще впереди.

ЧЕРНЫЙ МОТОЦИКЛИСТ

Это очень странная история. Настолько странная, что даже Елена, главное действующее лицо, предпочитает считать произошедшее случайностью. Вероятность случайности, конечно же, существует. Но также лучше знать о грозной опасности посещения того места.

В 2000 году я был приглашен в Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина (Звездный городок). Потрясающая тишина, отрешенность от окружающего мира, вековые ели и березы. И интереснейший разговор, который велся вокруг применения нашего сканера АЭЛТ-2/160 для задач, связанных с «исследованием невидимого на видимом».

Построенный по принципу «компьютер в помощь человеку», что отличало его от известного западного подхода к построению систем «человек–компьютер», обозначенного на пути увлечения идеей создания искусственного интеллекта (что было ошибкой), наш сканер позволяет видеть в окружающем человека пространстве то, что не видно глазу. Так возникла идея – обнаружить признаки существования параллельного нам мира.

Затронув эту тему в Звездном городке, я неожиданно получил поддержку. Мне было сказано, что для установления контактов с параллельным миром не надо забираться высоко в небо. Можно найти такие места и на поверхности Земли. Их признак – странные события, которые там происходят. И спросили меня: знаю ли я такое место и могу ли сфотографировать его? Чтобы потом исследовать на нашем уникальном сканере.

Так были получены первые исследования изображения параллельного мира. О чем рассказано в третьей части этой книги.

* * *

...Июль 1980-го года. Мы с Еленой бредем по жару от Черного озера к Сходне. Пройдя деревню Середниково с ее старинной усадьбой и белой церквушкой, за которой под сохранившимся до наших дней вязом молодой Лермонтов, по преданию, писал стихи, мы спустились к быстрой и холодной речке Горетовке.

И вдруг Елена говорит, что устала так, что идти дальше не может. Такого еще никогда не было, и это была первая странность на нашем пути. Но делать нечего: мы как раз подошли к автобусной остановке и решили ждать.

Напротив, через дорогу, лежала спиленная сосна. Я сначала долго смотрел на нее, словно сомневаясь в чем-то, – это мне помнится особенно отчетливо, – а потом все же предложил Елене посидеть на ней. Через несколько минут она встала и говорит, что все в порядке – она больше совершенно не чувствует усталости (что тоже было немного странно после такого «приступа») и что мы можем не ждать автобуса, а идти дальше. Но тут – кошмар! – оказалось, что вся ее юбка измазана сосновой смолой.

Ехать в таком перепачканном виде в электричке и потом в метро было невозможно – она перемазала бы всех, да и для приличной девочки это было просто невыносимо. Единственным выходом было – достать где-нибудь бензин. Но где ж его тут достанешь?

Мы идем по мосту через речку, и тут со стороны Середникова, обгоняя нас, пронесится мотоциклист. Весь в черном, на голове черный шар-шлем, сзади привязана веревками пластмассовая канистра с болтающейся в ней темной жидкостью.

Я смотрю на эту канистру и думаю почему-то, что сейчас она должна свалиться. И канистра и в самом деле неожиданно отвяывается и падает на дорогу. Я говорю: вот бензин. Елена не верит. Мы подходим, отворачиваем крышку и видим: там действительно бензин.

Смочив носовой платок, мы оттерли смолу. Я немножко нервничал, не желая новой встречи с отталкивающим чем-то мотоциклистом. Да и лучше было обойтись без объяснений. Хотя в то же время было такое ощущение, что спешить нам особенно не требуется. Завернув крышку, мы поставили канистру на дорогу.

«А теперь давай подождем немного. Должен же он вернуться за канистрой», – говорю я Елене. Все происходившее с нами было более чем странным, и в этом как бы слегка взвинченном настроении что-то заставляло меня не уходить отсюда.

Мы отошли на полсотни шагов, остановились за большим невзрачным кустом и стали ждать.

Прошло минуты две. Елене уже начало надоедать. Но вот снова треск мотоцикла. Парень с черным шаром вместо головы подлетает к канистре, останавливается, деловито привязывает ее веревками к багажнику и едет как ни в чем не бывало дальше, через мост в сторону Середникова.

Елена крепко держится за мою руку и говорит, что ей «что-то не по себе». Мое лицо перекошено растерянной улыбкой.

Сентябрь 1978 года. Поездка в Закарпатье

Денег на создание сканирующей системы АЭЛТ-2/160 не хватало, и мы стали выполнять хоздоговорные работы с Центральным аэрогидродинамическим институтом (ЦАГИ), построив для них аналог сканирующей системы АЭЛТ-1. Это позволило нам оплачивать работы лаборатории во Львовском политехническом институте по изготовлению электронной аппаратуры, а в Москве – набрать «не полагающихся» мне программистов. Так, по приглашению руководителя лаборатории в ЛПИ, меня занесло (на его машине «Запорожец») на два дня в Карпатские горы.

Да, вместо выполнения работы руководителя научного сектора по созданию сканера, кем я был в это время, мне приходилось выполнять не одну, а сразу четыре работы – создавать два сканера, для ОИЯИ и ЦАГИ, и разрабатывать для этих сканеров программное обеспечение. И еще нужен был один день в неделю, чтобы ездить на берег Сходни. Решить все эти задачи можно было только одним способом: на крыльях *запрещенной* свободы. Пути *одиночества*. Когда открывается *красота*.

Сканирующая система АЭЛТ-1/ЦАГИ применялась для обработки записей на 35-мм киноплёнку полетной информации (графики скорости, высоты и перегрузки) в «черных ящиках» (прибор КЗ-63) на самолетах. Одной из задач была расшифровка записей графика перегрузки для разбившихся самолетов. Это был график, «тонущий» в шумах, и потому задача считалась очень сложной. А была решена буквально за один день.

Как часто разбиваются самолеты? Десяток за год. Сколько времени длится удар о землю? Очень короткое время. Это были вопросы, которые задал автор. Отсюда следовало, что нет никакого смысла создавать безумно сложные программы для автоматического распознавания жутко зашумленных отрезков киноплёнки. Надо не распознавать, а чистить от шумов скоростным световым карандашом результаты сканирования.

Это было простое красивое решение. Настолько простое, что вызвало презрение у «настоящих» профессионалов-программистов. «Конечно, – говорили они, – он (то есть автор) применяет технические средства, которых у нас нет». Здесь они были правы. Но я не стал отказываться от применения созданного мной скоростного светового карандаша только для того, чтобы уравнивать наши условия. А признав критику правильной, предложил руководству ЦАГИ поручить мне создание аналога системы АЭЛТ-2/160. И такой договор в самом конце 1980 года был подписан – на огромную по тем временам сумму в 1 700 000 рублей на пять лет.

Это были большие средства. Так, созданная автором научная лаборатория в Московском энергетическом институте оплачивалась из этих средств в размере всего лишь 60 тысяч рублей в год. Но вот оформление этого договора было связано с реальной опасностью для автора попасть за решетку. С одной стороны, действовало (и защищало автора) постановление Центрального Комитета КПСС с рекомендацией ученым из бюджетных научных организаций внедрять свои результаты в промышленность, а с другой – был запрет на получение зарплат помимо основной. При том что в договоре такая статья должна была быть обязательно: а как иначе было освоить сотни тысяч рублей в год, на которые предполагалось платить зарплату десяткам людей? Да, можно было создать на эти деньги новую лабораторию (и не одну), но сначала надо было получить эти деньги в свою бюджетную организацию, для чего требовалось для заказчика иметь в договоре статью «зарплата» (что запрещалось исполнителю). В этой карусели исполнитель – в данном случае автор – не должен был получать за свою работу никакого поощрения. С последним автор был даже согласен и из своей зарплаты в 500 рублей в месяц (из которой вычиталось 70 рублей) вынужден был тратить по 150 рублей на обслуживание договора (транспорт, забеголки с выпивкой для снятия стрессовых нагрузок, ну и «прочее»). Но даже не это было самым сложным. Главное – приходилось подделывать текст договора (обманывать государство) для работы на государство... Идиотизм был полный. Что-то было неладно в «датском королевстве».

Вид на ЦЕРН, который расположен в десяти километрах на северо-запад от центра Женевы. На заднем плане – горы Юра, под которыми проходит (частично) 27-километровое кольцо Большого адронного коллайдера

Построение БАК потребовало создания интегрированного AIS-комплекса, сделавшего *прозрачным* выполнение этих работ, а также разработки компьютерной сети GRID, позволяющей объединить вычислительные мощности огромного числа компьютеров и соединить участников проведения компьютерных работ вне зависимости от их местонахождения. Авторами AIS- и GRID-технологий выступили западные специалисты. Но в них принял участие – и как принял! – русский дух. Многое, очень многое в этом сотрудничестве оказалось *странным*...

Вот несколько штрихов. В 1989 году, в конце «эры Горбачева», была предпринята попытка как-то изменить к лучшему советскую систему. Так автор стал в один прекрасный день директором научного центра при Президиуме Академии наук СССР. Это было время, когда автору платили по миллиону рублей в год (по договору с ОИЯИ) только за то, чтобы он (то есть я) раскрыл «секрет» своих успехов при создании программного обеспечения для сканирующих систем, – о чем было рассказано выше. Деньги были просто «бешеные». К тому же мне, утверждавшему существование связи времени и красоты (на чем базировались успехи), верить отказывались. Поэтому можно было рассчитывать на то, что деньги будут поступать все время. А тут приказала долго жить Германская Демократическая Республика, и ее чиновники стали распродавать за полцены госимущество. Имея самый высокий рейтинг в ОИЯИ как получающий со стороны «надежные» большие деньги, я сумел достать в банке под залог будущих поступлений два миллиона рублей (сумма за два года вперед) и купил на них 75 новейших по тем временам персональных компьютеров РС-386 и РС-486. И из них передал широким жестом моему ОИЯИ третью часть. Но тут оказалось, что наш заказчик из-за разворота страны в сторону «демократии» больше не сможет платить мне тот самый миллион в год, и я оказался в «неловком» положении. Узнав об этом, набранные мной сотрудники научного центра, которым я доверил все права, в довершение ко всему «вытащили» закон, по которому, оказывается, я как штатный сотрудник бюджетной организации не имел права без разрешения нашего замминистра занимать должность директора. Это позволило им взять в банке кредит под залог теперь уже «их» компьютеров в размере 15 000 долларов и «скушать» его. И они собирались кушать и дальше. Вот это было времечко!

В морозный солнечный день января 1991 года мы с Еленой пошли в юридическую консультацию № 1 Москвы недалеко от Главпочтамта, и там нам подтвердили, что «все правильно» – я не имел права быть директором. Но кредит в банке был взят на меня, что означало в пересчете рублей на доллары – я должен был вернуть 150 000 долларов до конца того года. За счет чего?

И как я потом узнал, приватизировавшие наш банк молодцы, узнав о моей неспособности возратить им долг, занесли мое имя в «черный список», что означало на практике тех лет – мешок на голову, в лес и в костер. С вопросом: можешь вернуть деньги?

Решение, мало того – «обалденно красивое», было мной, загнанным зверем, найдено. Я сумел сообразить, что ОИЯИ – международная организация, и роль замминистра для «моих» я представил в лице вице-директора Алексея Сисакяна, который дал требуемое письменное разрешение. И они именно обалдели: теперь уже им надо было доказывать свою невиновность. «Людоедство» было остановлено. А тут еще грохнул дефолт 1992 года, понизивший мой рублевый долг в семь раз. Появилась надежда, и банку было предложено поставить компьютерную сеть и сделать на ней систему обслуживания клиентов. Нам пошли навстречу, и программист Елена при участии еще одного инженера за полгода решила для них три задачи. Так мы проскочили между Сциллой и Харибдой благодаря чистой случайности. Тем не менее я утвердился в общественном мнении как хитрый. Подобно Одиссею.

Но во всей этой истории был и один важный нюанс. Изгоняя из центра моих бывших «друзей», я нуждался в своем бухгалтере, способном принять у них документы. И почему-то *за год* до этого Елена решительно заявила, что пойдет на курсы бухгалтеров. Я был против, но она не уступала. И прошла эти курсы.

Пройдет три года, и я привезу Елену в ЦЕРН, чтобы обсудить возможность сотрудничества по тематике *контроля финансов* – с этого все началось. И снова ее странная инициатива по освоению бухгалтерского учета окажется незаменимой. Мы написали меморандум с администрацией ЦЕРН, в котором я не понимал ровным счетом ничего. Но понимала Елена. Так Россия получила возможность доступа к разработкам AIS-технологий ЦЕРНа, после чего, чтобы сделать доступ реальностью, мне осталось только написать книгу «Москва – старинный город», изложив в ней метод десятикратного «сжатия времени». Но здесь проблем уже не было.

Так кто ты, русская женщина? Ты рождаешься ведьмой или же становишься ею рядом со зверем вроде меня? Ответа нет...

А тогда, в том 1994 году, при написании своей книги я ушел в изучение русской истории и где-то нашел описание того, как монголо-татары, пришедшие в XIII веке во владимирские земли, применяли испытанный жестокий прием при штурме городов: собирали в окрестности женщин и детей и гнали их перед собой. Защитники на стенах, стреляя, должны были убивать их. Это было невозможно. И признававшие только силу восточные воины беспрепятственно подходили под этим «прикрытием» под стены и затем опрокидывали потрясенного их «выдумкой» противника.

Такой же прием был применен и здесь, при штурме русских городов. Но тут он оказался непригоден. Не доходя до стен, эта плачущая от ужаса живая человеческая волна на глазах у защитников поворачивала назад, на кривые сабли визжащих погонщиков-убийц. Город после этого погибал, но не сдавался. Но гибли и татары-батыры, и, надо полагать, в немалом количестве.

Можем ли мы забыть про это?

Космос, бездна... Открывшиеся в глубине бездонных синих глаз таких *красивых* русских женщин, которые когда-то, на заре времен, гонимые врагом под стены крепостей, вдруг поворачивали и – как заклинанье, дошедшее до нас через огонь столетий, – смотрели в этот *страшный* миг на сабельные лезвия татар...

И превращались – в звезды.

Деревня. Красные флоксы

(Август 2002 года)

ЭПИЛОГ

Я начал строить свою «научную деревню» на берегу Истринского водохранилища в 1991 году, когда у меня был долг перед банком в 150 000 долларов. Но на меня тогда нашло – *настроение*... И я просто *не хотел* думать о том, что нас ждет. От деревни остался только один этот дом, в котором, однако, была написана книга «Москва – старинный город» и из которого было рукой подать до оврага между Сходней и Подрезково и до усадьбы Середниково. Пятьдесят километров до Москвы и шестьдесят до аэропорта Шереметьево-2, откуда до Женевы всего лишь три часа лета. А сегодня моим столь же «безумным» *желанием* является идея переноса в Россию AIS-технологий ЦЕРН. Еще одна «деревня»? Или она просто не была достроена? Этого не может знать никто...

Post Scriptum. И все же я немного лукавлю. Ибо для себя знаю: «деревней» должен стать Европейский Русский научно-образовательный центр*. Где главным будет организация международного сотрудничества с исследованием эффекта *нелинейности времени*. И оправдается предсказание Достоевского: красота спасет мир. Но здесь есть и нечто грустное, что может выразить одна поэзия.

*Первый этап, который должен быть сделан *быстро* как «ядро» Международного исследовательского университета синергетики времени – от метода B-Synergetic Time Compression, позволяющего «сжимать время».

Май 2002 года

Дом раскрашен по-петушиному, но это дело не моих рук. Так уж получилось, что за год до этого мы получили «в подарок» от отремонтировавшего его бывшего полковника с завораживающим именем – Владимир Дубровский этот коричнево-бежево-зеленый раскрас. Но он напоминает мне 1957-й год, когда нам, студентам, перед проведением в Москве Всемирного фестиваля молодежи выдавали чуть ли не бесплатно спортивные костюмы из синих штанов и ярко-желтой блузы. Чтобы мы выглядели «не хуже». Низкая цена затмила сомнительные пасхально-куриные цвета, только вот сидели костюмы мешком. И еще в них нельзя было садиться. Так и ходили – в мешках-пузырях. Но мне было 19 лет!

«Кто-то мне судьбу предскажет...»

Пой струна, звени гитара, (Около 1960 года)
Про надежду и любовь
Расскажи мне в песне старой,
Уведи меня тоской
За звездою голубою.
В лунном свете над водой
Нас свяжи одной судьбою.
Нет надежды? Никакой?

* * *

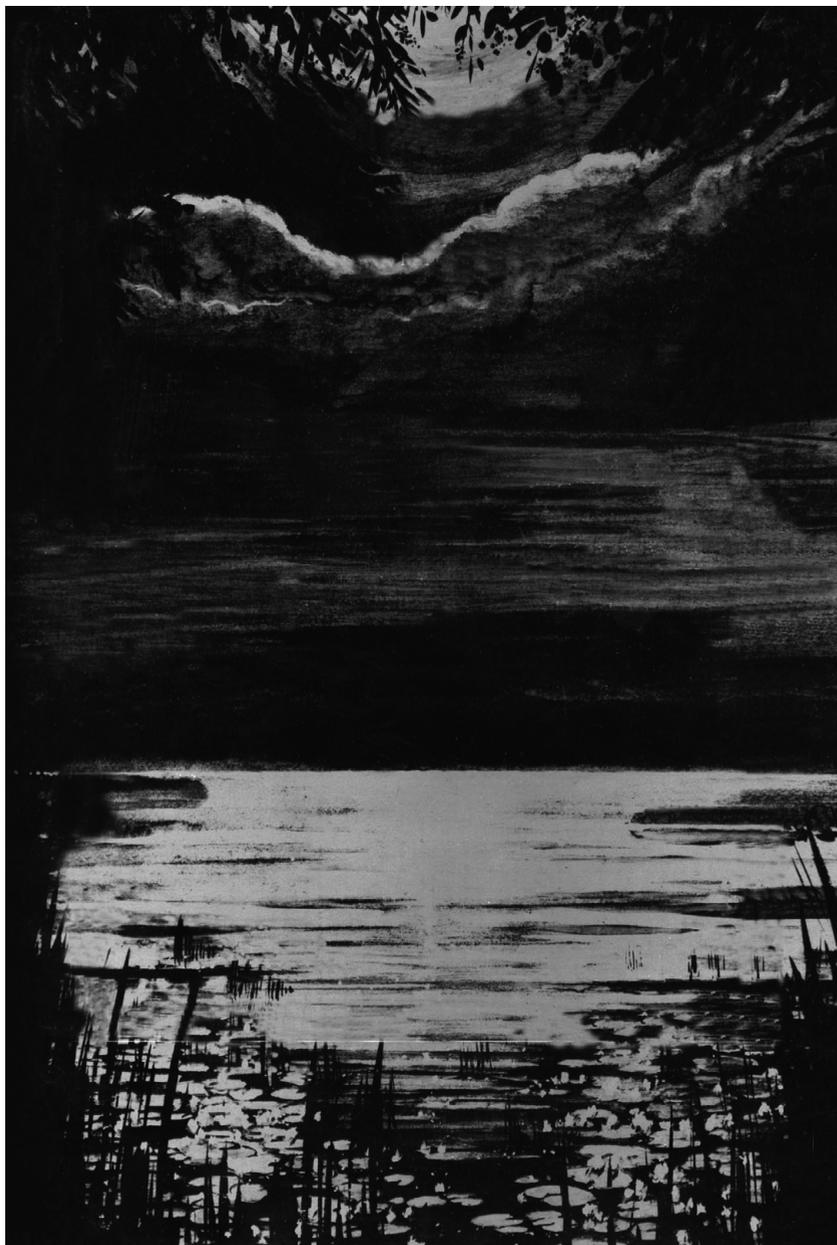
Нет печали, нет разлуки, (Около 1980 года)
Нет начала и конца.
Гаснет пламя, стынут руки,
Тихо падает звезда –
Никуда. Одна вода
От нее засеребрилась.
Снова тьма. И снова мгла.
И тоска волной разлилась,
Заплуталась, набежала,
Расплескалась в камышах.
Взмах крыла. Чья тень пропала?
Месяц вышел в облаках.
Он всю ночь в тумане бродит
Безнадежно желтым светом.
Что он ищет? Не находит?
Или ждет зарю рассвета?..

* * *

Светлый месяц растаял в тумане, (2002)
В ясном небе заря занялась,
Тройкой коней, запряженных в сани,
Прозвенела судьба, пронеслась.

* * *

Баранки, бараночки, медовые прянички, (1995)
Летящие саночки, мне их не догнать.
Рябина красная, судьба несчастная,
Куда ты катишься? Эх,!

17 сентября 2009 года, четверг. Дубна. Сегодня день рождения Михаила Григорьевича Мещерякова. Я купил на рынке шесть осенних астр, сиреневых и красных, и отвез их к «нему». Потом зашел в церковь и поставил в песок зажженные восковые свечи...

Неделю назад я вернулся из Женевы, где мы обсуждали план проведения школы с участием ведущих специалистов ЦЕРН. Без подготовки собственных кадров по административно-управленческим информационным системам Россия никуда успешно идти не сможет – ни в нанотехнологиях, о которых сегодня столько шума, ни в ядерной физике, ни в исследованиях космического пространства. Кажется, это азбука. Но меня почти не слышат. То же самое происходит и у нас в Дубне, где строят новый ускоритель, а о создании *прозрачности* работ даже не думают...

На этой неделе я ждал звонок от замминистра Н., который побывал два с половиной месяца назад в Женеве и увидел своими глазами то, о чем я говорил ему в Москве. Это, возможно, моя последняя надежда на то, что нас, наконец, услышат и поддержат.

И в это же время, на этой неделе, которая уже заканчивается, я должен был предстать перед своим руководством с отчетом. Но время летит, а звонка «сверху» все нет. Что делать? Все же идти?

Тут я вспомнил, как нечто похожее было со мной в январе 1967 года, когда я перешел с работами по созданию будущего первого отечественного сканера АЭЛТ-1 под защиту М.Г., но на меня тогда «покатили бочку» с того места, откуда М.Г. взял меня в свою Лабораторию. Уж очень «тем» хотелось оставить мои работы у себя. И они придумали: создать комиссию по изъятию у меня репродукционного объектива, достать который мне было уже невозможно и без которого создание сканера не получалось.

Шел 1966 год. В Москве строилась Останкинская телебашня, которую должны были ввести в эксплуатацию в ноябре 1967 года (к 50-летию советской власти). Сил не хватало, и тогда закрыли ряд работ по «оборонке». Так случайно мне «перепал» объектив.

Комиссию создали при административном директоре ОИЯИ. Я к М.Г. за помощью. Но даже он ничего сделать не может. Меня трясет, я зашел за час до «аутодафе» в читальный зал библиотеки и взял журнал. Там афоризмы Станислава Леца. Читаю. Один из них был такой: «Отсутствующие всегда неправы. Но иногда это спасает им жизнь». *Это была «подсказка»?* Я никуда не пошел, и потом все «страшное» как-то само по себе куда-то пропало...

Почему я вспомнил об этом *сегодня*? И не пошел. Звонок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ВРЕДЕ ЗНАНИЙ

1. Антропокосмическая модель Вселенной, предложенная автором, – с. 148.

Автором сделана попытка интерпретировать найденное в религиозно-богословских исследованиях (Каббала, Псевдо-Дионисий Ареопагит), а это было найдено как *откровение*, к науке. При этом автор *уже знал*, что *должно быть* в предшествующих моделях Вселенной. А именно: разделение действующих в Природе начал на две пары: индивидуалистическое и коллективистское, с одной стороны, и мужское и женское – с другой. И нашел, решая задачу интерпретации найденного древними богословами, что все совпадает.

Вернее – не противоречит предложенному автором. Это было потрясение! Однако автор пошел дальше и ввел в свою модель *время*. Только тогда модель стала «работать» на науку. Она стала *динамичной*. И в ней стало возможным различить начальный, первопрородческий, этап (I триада) и этап широкомасштабного внедрения результатов исследований и научных открытий (II и III триады), ведущий к масштабному преобразованию Вселенной.

Куда и зачем? На первый вопрос автор дает ответ – в сторону наращивания «массы» Красоты. При этом ответа на вопрос о том, а что такое Красота, не дается. Это остается тайной и для автора. А вопрос «зачем» даже не затронут.

Но *даже такое* продвижение в вопросе развития модели Вселенной (по сравнению с найденным богословами) позволило «сжимать время» (в 10 и более раз) в процессе не просто поиска новых идей (чем занимается наука), но – *красивых* идей. Что достигается на пути взаимодействия мужского начала (энергия, движение) и женского (ориентация на красоту). А это высветлило понимание истинного смысла назначения человека: *служение неземному*.

В этом описании найденного автором за кадром остается вопрос: а как сам автор пришел к существованию в Природе обозначенных выше четырех начал? Собственно, на это и было направлено написание этой книги, где я пытался уловить *для себя* нить развития событий вокруг этой темы.

Во всяком случае, никакого отношения к «гениальности» это не имеет. Но ведь *что-то* было? Мне, автору книги, кажется, что ответ в ней есть...

* * *

Но кое-что все же сказать в сжатом виде (в виде *кое-чего*) попробую. Заранее зная, что большинству это может «не понравиться».

На то оно и большинство, для которого вынесенное в заголовок данного приложения выглядит «негативом». Но это оттого, что специалисты в науке если и интересуются философией, то почти не знают историю – оттого, что «завораживающие» глубокими знаниями философы-профессионалы сами не знают истории. А когда речь заходит о религиях, то все почему-то тянутся к служителям Церкви, а те, в свою очередь, самые зашоренные люди на Земле: знают только Священное Писание и как от огня бегут от *живого* слова. Например, критикуя роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова за то, что в нем Сатана-Волад всемогущ и справедлив, а Иешуа (Иисус) *просит* его учителей пощадить Его. Бога! А мы почему-то *любим* этот роман. Почему?

Этой зарисовкой я обозначу проблему *вреда знаний*. Ибо ничем иным нельзя объяснить ту ученую глупость, которой проникнута отмеченная выше критика романа Михаила Афанасьевича Булгакова. Глупость эта заключена в том, что на тексты Библии все Церкви наложили трактовку, выражающую их заинтересованность в том, чтобы человек был в их «стаде». А вот *любим* мы (где всегда есть *двое*) индивидуально. Потому нам и симпатичны поступки «злодея» Воланда, что в них сочетается мужское начало (а оно, когда есть *только движение*, почти всегда – «зло») с женским (он справедлив, а это уже элемент *красоты*, хотя и простейший, – о нем мы будем говорить, рассматривая иудаизм). А этого еще никто не отметил. Но чувствуют все. Кроме, похоже, священников, для которых Слово Писания – камень-гранит. Сделавший такими и их головы: они забыли, что Иисус был *Богочеловек*.

Но Вселенная устроена иначе. Возьмем вторую заповедь (из десяти) пророка Моисея: «Не сотвори себе кумира». Между Богом и кем призывает «не сотворять» кумира (посредника перед Богом) эта заповедь? Большинство ответит: между Богом и человеком. Не зная, что именно за этот ответ и шли на костер «еретики» во времена Средневековья, когда между Богом и человеком в Европе надо было называть (мы здесь говорим о христианской религии) Папу Римского. А что касается собственно текста Ветхого Завета, из которого взята эта заповедь, то в нем речь идет о том, что «кумира» запрещено создавать между Богом и израильским народом. Избранным Богом народом.

Однако когда в VI веке до н.э. государство иудеев-израильтян был разгромлено персами и их взяли в вавилонский плен, то рассматриваемая нами заповедь претерпела важное изменение. Связывается это с тем, что самые умные и энергичные из числа побежденных все же смогли избежать плена, разбежавшись по берегам Эгейского и Средиземного морей. И неся с собой великое учение. Но *на этом этапе* заповедь уже не могла иметь свою исходную трактовку: это было бы несколько «неуместно». Тогда она приобрела *иной* смысловой ответ: теперь это означало – «не сотворять кумира» между Богом и человеком. Пусть изгнанным и не уверенным в своем будущем, быть может, даже дрожащем, но вместе с тем не лишенным смелости и отваги. Так или иначе, пусть даже в этом изложении есть доля мифологической поэзии, однако мы могли бы заметить, что грек Пифагор и израильтянин Фалес, создатели науки и философии, жили именно в это время.

Время обретения второй заповедью пророка Моисея трактовки *свободы духа*. Которая не была принята ни одной Церковью, а во времена апостолов (I век) даже получила грозное название «павликианской ереси». Но мы, не страшась гнева отцов Церкви, будем все же говорить о ней. Более того – только о ней.

* * *

Представляю суровые лица инквизиторов какого-нибудь XV или XVI века, перед которыми я мог бы предстать за такие «нечестивые» слова. Это были, уверен, такие же лица, какие я видел в президиумах партсобраний или разных там «советов». Очень правильные лица. Уверенных в своих знаниях.

Ну, разве что не знавшие, по крайней мере, всего лишь *одного*: а как появилась не вторая, а первая из десяти заповедь Моисея? Где говорится: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим».

И еще о том: а был ли Моисей первым, высказавшим идею о Едином Боге?

Самое интересное, что ответы на эти вопросы есть. Но ни один инквизитор, будь он в черной рясе Средневековья или в пиджаке с подчеркнuto скромным галстуком представителя современного ученого «совета», этих ответов не знает. Ибо они в некотором роде даже вредны. А еще более – опасны. Как был опасен путь корабля, отправлявшегося под парусами в дальнее плавание.

Опасен уже потому, что надо прикоснуться к «страшному» слову *Каббала*. Которая, и это точно почти никто не знает, была создана *неким неизвестным* (жрецом?) примерно за 1000 лет до Моисея. И где была высказана та главная идея, которая стала основой первой заповеди, – о Едином Боге.

Но обратимся к первому вопросу: а как появилась эта великая идея? Как вообще появляются новые идеи? Здесь есть какая-то тайна?

Есть. Но на самом деле это не тайна, а *запрещенные знания*. Что и сделало их тайной для тебя, мой читатель. Однако в Ветхом Завете эти знания есть. Мало того, ты уже их знаешь. Это вторая заповедь Моисея в той трактовке, которой «воспользовались» Пифагор и Фалес. Которая в I веке, когда апостол Петр создал институт Церкви, получила штамп «павликианской ереси».

Это заповедь самой аристократической мысли за всю историю человечества, без которой было бы невозможно *увидеть* идею Единого Бога (из которой затем вышли Ветхий Завет, Новый Завет и Коран) и которая во все времена вела смелых и отважных по путям отправляющихся в неизвестное плавание с хрупкими мачтами, опутанными ненадежными снастями кораблей.

В интерпретации автора, развивающего подход «сжатия времени» в научных разработках, эта самая древняя мысль-откровение представлена словами: ***не верить ни единому слову.***

Это концепция *свободы духа*. Условие возможности проникновения из пространства физических знаний в пространство метафизики. За пределы знания. Где разум (движение мысли) ищет *новое слово* через *настроения*. Которые «нисходят» на человека *извне* как откровение и ведут его в процессе этого движения (нашего разума в виде «перебора» рождаемых человеком мыслей) в поиск ясности выражения подбираемыми словами наших ощущений.

Свобода духа для отдельного человека-личности доступна не всем. Как не все должны знать о том, о чем говорится в этом тексте. Вселенной нужны не только гении-первопроходцы (для чего совсем не требуется быть «ну очень умным»), но также построенная на принуждении система с армией «рабов». Которым для счастья (работа, семья, дети) лучше *не знать* самого главного, что просто обязаны знать стремящиеся к роли капитанов уходящих в неизвестное плавание кораблей. А именно, что ***смысл жизни лежит вне жизни.***

Где это? В предложенной автором *антропокосмической модели Вселенной* этот ответ связан с таинственной Красотой. Чем-то неподвижным и живым, стремящимся к расширению (наращиванию своей «массы»). Для чего Оно (воспринимаемое как Красота) «отрывает» от своей «массы» частички, превращая их в энергию, которая, реализуясь в *движении* и поисках *красоты*, наращивает «массу» Красоты, с превышением Ее затрат на создание энергии.

Инструментом реализации этого процесса и является человек. Но Что-то еще должно быть как некий инструмент превращения частичек отрываемой массы в энергию. Этим «Чем-то» является Бог? Эйн Соф в иудаизме, Аллах в исламе и Бог Отец в христианской Святой Троице? Красота выше Бога?

Такой ход мыслей автора может выглядеть наивным. И, возможно, так оно и есть. Вместе с тем отметим, он связан с *реальным*, претендующим на научно доказанный методом «сжатия времени», успешно применяемым автором на практике. В том числе в научных разработках в ЦЕРН (Женева), внося вклад в работы по построению Большого адронного коллайдера.

Так что, как знать, возможно, я окажусь прав. Хотя более вероятно, что когда-нибудь выяснится, что вместо «индии» была открыта «америка». Так видится происходящее.

И в этом «происходящем» существуют хотя и не такие проблемные, но тоже немаловажные вопросы, разрешение которых позволит проникнуть в загадку *нелинейности времени*. Чтобы использовать этот эффект на практике. И мы развернем наш корабль в направлении еще не изведанных до конца морей.

2. Иудаизм, христианство и ислам. В пространстве морей этих трех великих культур происходили главные исторические события в Европе и России. Предложенная автором *антропокосмическая модель Вселенной*, в которой человек через *настроения* связан динамичными отношениями с Космосом, позволяет дать трактовку назначения каждой из этих культур. При этом основой основ всего происходящего на Земле автор видит существование некой высшей космической Цели во Вселенной. Во имя чего и *был создан* человек.

А уже из людей (человеков) были сформированы природные «инструменты». Для чего таинственным силам во Вселенной потребовалось породить различные культуры, находящиеся во взаимодействии друг с другом.

Иудаизм – это женское начало и коллективизм. Ислам – мужское начало и коллективизм. Христианство основано на комбинациях всех четырех начал.

3. Иудаизм. Пророк Моисей, живший два с половиной тысячелетия назад, дал человечеству Пятикнижие, в котором можно увидеть сказанное выше о сочетании в иудаизме женского и коллективистского начал. Что ведет к ориентации на Красоту и на устремление к мировому господству. Вот некоторые комментарии текстов из Пятикнижия, ставшего основой Ветхого Завета.

Сделаем вид, что мы только приступаем к текстам Ветхого Завета.

«Не сотвори себе кумира». Вторая заповедь Моисея. Между кем и кем надо не сотворять кумира? Не между Богом и человеком, как говорят, отвечая на этот вопрос, типично люди. Правильный ответ: между Богом и израильским народом. Который в этой трактовке становится народом-царем на Земле.

Как должен вести себя избранный Богом народ-царь? Об этом все сказано в пятой Книге Моисея – «Второзаконие». Так, заповедь «Не убий» означает – израильтянин «не убий» израильтянина. Что, однако, не относится к «гоям».

А где же тогда ориентация на Красоту? Она в заповеди «Око за око, и зуб за зуб». Слово «красота» здесь только проступает в виде «справедливости». Но зато кричит жестокость. Где же тогда Красота? Так должны говорить все, кто не знает ответа о смысле жизни. То есть почти все. А если знать, что смысл жизни – в служении неземному («смысл жизни лежит вне жизни» – так он трактуется с позиций женского начала, на котором строится также культура православия, где и была дана эта формулировка), то можно *увидеть*, что для Красоты жизнь отдельно взятого человека – ничто. У Нее вселенские цели. И им человек может и должен служить. Даже ценой своей жизни.

Это и происходит в реальной жизни, наполненной войнами и гибелью людей. И чем больше жестокости, тем больше проявляется *красоты*. И прогресса.

Изменить это, по-видимому, можно. Но едва ли это произойдет скоро. Мир сегодня построен на несправедливости, возведенной в «рублевский закон». «Власть получает тот, кто ее хочет», – сказал мне однажды М.Г. Мещеряков (с. 4, 60–63, 189–192, 218). И в этом вся проблема. *Хотят* все. Это отличает человека от машины. Это та тайна, из-за которой оказалось невозможным построение искусственного интеллекта. Хотя и хотелось. Правда, не всем. Как не всем хочется рабской власти. В которой рабы все. Свобода вне власти.

4. Ислам. Его дал людям пророк Мухаммад (около 570–632). Обратившись к текстам Корана, я *знал*, что ищу: сочетание мужского и коллективистского начал. И однажды, под *случайным* настроением открыл Книгу в переводе И.Ю. Крачковского, стремившегося *сохранить в точности* слова Мухаммада при переводе на русский язык (за что его «не жалуют» в современном исламском мире), и на *случайной* странице в суре «Женщины» прочел: «Если кто заступится хорошим заступничеством, тому будет доля от Него [Аллаха], а кто заступится дурным заступничеством, тому будет тоже доля от Него». А за две страницы до этого обнаружил: «О вы, которые уверовали! Соблюдайте осторожность и выступайте отрядами или выступайте все».

Вот оно! Главное – *движение* (проявление мужского начала), и не важно *куда* (за ответ на это – через поиски *красоты* – во Вселенной отвечает женское начало, загнанное в тексте Корана в дальний угол). И при том – «выступайте *отрядами*». И никакого там «милосердия», как это находим в созданной иудеями во II веке каббалистической модели Вселенной, в отношении талантов.

Зачем *это* нужно? Это культура великого воина. Что мы и видим из нашей истории, где были хазары, половцы, Чингисхан, Батый, Тамерлан... И были *страдания*, выпавшие на долю русского народа, носителя женского начала. Который вышел из этих страданий *очищенным*, стал победителем и создал великую русскую культуру XIX века, приравняваемую сегодня к третьему феномену в истории человечества (наряду со взлетами эллинской культуры в V веке до н.э. и культуры европейского Возрождения в XIV–XVI веках).

Аналогией сказанному явились мировые войны в XX веке, в основе которых было проявление мужского и коллективистского начал со стороны Германии. Что *так* дало знать о себе в отношении страданий русских и иудеев-евреев во времена Гитлера, устремившего свой взор на «чистоту нордической нации».

Однако без этих двух чудовищных войн не было бы и того огромного прогресса, который был достигнут человечеством в XX столетии.

Что для пишущего этот текст видится как прямое доказательство того, что человек – это всего лишь некий «инструмент» в Чьих-то «руках». Но мы все еще не осознаем этого. И платим кровью, мало того – чистой кровью тех, кто не просто хочет чего-то, не зная чего и потому ища в жизни «удовольствия» (тогда под таких подкладывается такой же «гламур» в виде сучек-б...дей), но *хочет света*. Тех, из кого рождаются отважные капитаны.

5. Наконец, рассмотрим христианство, «расположившееся» между иудаизмом и исламом. Все здесь началось с замены заповеди «Око за око, и зуб за зуб» на слова «Возлюби ближнего, как самого себя». Это было *единственным*, что принес возведенный в Бога Сына Иисус Христос. И что интересно, появление этих слов было предсказано еще в Каббале, созданной за 2500 лет до Него.

Что это изменяло? В этом была заложена культура *индивидуализма*, которая открывает путь к творчеству. Но и к опасности погибнуть. Что тут же привело к созданию христианской Церкви как защитницы спланируемых ею верующих христиан. Рабы, правда, все равно гибнут, но их – виноват! – много.

Но кому мешали эти убогие, с точки зрения римской власти, люди? Да никому. Поэтому здесь тоже есть тайна. Тайна необъяснимой никакой логикой ненависти власть имущих к тихому индивидуализму. У тебя, казалось бы, есть все – и деньги, и слава, и гламурные тигрицы-гетеры... А у *тех*? Работа, жены, дети. Ну, разве что еще нет обязанности быть всегда готовым выполнять чужую волю. Именно *всегда*. Что начисто убивает *настроения*.

А это в рассматриваемом нами вопросе о творчестве самое главное. Это свет настроений, ниспосылая человеку рождение новых идей и позволяя отбирать из них гармонию с красотой, открыл то сложное многообразие культуры, которая сложилась в христианской среде. И засияла тайной Святой Троицы.

И это именно *тайна*. Придумать такое невозможно. Разум, конечно, может нагородить все, что угодно. Но вот чтобы это еще и работало! А *оно* работает – на интерпретации найденного как *откровение* во II–XIV веках строится

применяемая нами сегодня в науке методика сокращения затрат времени («сжатия времени»), когда движение мысли соединяется с поисками красоты.

Но вот до нас это применяемое нами на практике знание о *раздвоении* Святой Троицы и о необходимости «слияния» этой раздвоенности в процессе творчества проявлялось только в противостоянии мужского начала и женского или индивидуалистического и коллективистского. Через войны между носителями мужского и женского начал или через внутренние расколы между носителями духа свободы (который связан с индивидуализмом) и несвободы.

Однако понимания факта существования *раздвоения* Святой Троицы, такого важного для нас, нет до сих пор. А и всего-то надо знать совсем немного из истории христианского мира, что можно изложить всего лишь на нескольких страницах. Но чтобы узнать это, это надо *увидеть*.

И никакие «просто знания» об истории со всеми бесчисленными «достоверными» фактами здесь помочь не могут. Однако в море кишачих рыб-фактов водятся золотые рыбки. И мы забросим в море невод из нитей-настроев.

6. История раздвоения двух составляющих Святой Троицы, Святого Духа и Бога Сына, что необходимо знать для разъяснения метода «сжатия времени», уходит в IV и V века. Это было время проведения первых Вселенских соборов, на которых человеческая мысль занялась поисками доказательств существования Бога. *Бог есть любовь*. По этому пути, если судить по времени жизни трех великих каппадокийцев – Василия Великого, Григория Нисского и Григория Богослова, пошли первые поиски. Это и естественно: любовь была выражена в заповеди признанного Богом Сыном Иисуса Христа. И пришли к тому, что позже, ориентировочно в V веке, было изложено в книге «*Corpus Aneoragiticum*» Псевдо-Дионисием Ареопагитом. А именно: надо отбросить все, что Богом не является. Это так называемый *отрицательный* (апофатический) путь поиска признаков существования Бога. Например, отбросить слово *любовь* невозможно. Как и другое слово – *красота*.

Это был путь формирования *женского* по своей природе православия. И это на этом пути мы ищем сегодня в научных разработках *красивые* решения, которые позволяют снижать затраты времени в 10–100 раз! В интерпретации найденного богословами это звучит так: ***не делать ничего, что можно не делать***. Не делать, по опыту, можно 99%. И уходить по времени вперед.

На этом пути женское начало побеждает мужское, которое возникло, как это видится, из единственной «искры», вырвавшейся из пламени опять же единственного Евангелия – от Матфея: «Не мир Я вам принес, но меч». Но эта искра зажгла на стыке IV–V веков огонь *положительного* (катафатического) пути поисков разумом доказательств существования Бога. И имя человека, который породил это направление, давшее ход развитию мужского начала в культуре христианского мира, известно всем – Блаженный Августин. Он же дал ставшее классическим понятие о Святой Троице в виде Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа. А также мучился над вопросом о природе *времени*.

Но время связано с *красотой*, которая ищется на пути интуиции. А мужское начало – это путь разума, *движения* мысли. Без чего творчество невозможно. И мы говорим: под лежачий камень вода не течет. Однако просто движение не ведет никуда. На этой ошибке и зашатался современный мир: одно лишь развитие новых технологий, при том что их применение находится в руках не понимающей смысла человеческой жизни «энергичной» власти и дарящих ей эту энергию гламурных б...й (с их «ведь вы этого достойны!»), ведет в тупик.

Одной только энергии здесь недостаточно. В этом случае на вопрос «куда» будет всегда один ответ – в никуда. На высоких технологиях.

Похоже, пришло время осознать это и наполнить движение красотой. Причем это наполнение должно начинаться с творчества первопроходцев, которые затем задают тон остальному человечеству. Ничем в своей послушности (для верующих – в стремлении к «спасению души» через смирение и покаяние, как учит нас Православная Церковь) не отличающемуся от стада. Со «дна» которого – и только с него! – где тихо светится чистая любовь, однако, и выходят чистые сердцем первопроходцы. И народные (подлинные) герои.

А уходит начало этого непонимания необходимости соединения движения и поисков красоты в VI век, когда на Толедском Вселенском соборе (589 год) возник вопрос о *Filioque* – исходе или не исходе Святого Духа от Бога Сына. Что на наши исследования имеет самое непосредственное влияние.

7. *Filioque* (филиокве) в переводе с латыни означает «и от Сына» (Бога Сына). Одни считают, что Святой Дух исходит от Бога Сына, причем в виде энергии. А другие отрицают исход. Спор на эту тему длился пять веков, самые жаркие дебаты были в VIII веке, а закончилось все разделом в XI веке христианского мира на западный, католический, и восточный, православный, первый – признающий исход Святого Духа, а второй – нет. Причем, повторю, если исход, то в виде энергии.

В этом споре оказались замешаны четыре начала – как женское и мужское, так и ведущие к свободе духа и несвободе. И спор этот все еще не закончен.

Мы уже понимаем, что западный мир склонился к мужскому началу (исход Святого Духа в виде энергии от Бога Сына), а восточный – к женскому, ведущему к погружению в свет Красоты. И согласимся с тем, что движение требует *свободы*, а погружение в «Божественный мрак» (так это называлось в книге Псевдо-Дионисия «*Coprus Aegoragiticum*») Красоты, где сердце человека наполняется светом, свободу отрицает. И здесь возникла проблема.

Она связана с тем, что главы обеих Церквей, западной и восточной, имеют статус представителя на Земле Бога Сына – Иисуса Христа. Но в западном католическом мире Бог Сын по исходу от него Святого Духа приравнен к Богу Отцу. И потому папа Римский имеет тоже очень высокий статус, что даже выразилось в принятии совсем недавно, в XIX столетии, догмата о непогрешимости Римских пап. Слово папы является *законом*, то есть инстру-

ментом подавления свободы духа человека-личности. И человек как личность становится «меньше». При том что западный человек – это носитель энергии, мужского начала. В результате этого противоречия католическая Европа погрузилась в «тысячелетие мрака», с рассветом в XIII столетии и Реформацией Церкви в XVI, когда Мартин Лютер провозгласил независимость человека от власти Римских пап. Так возникла протестантская культура с ее свободой лично каждого человека трактовать «букву» Святого Писания (Библии).

Это был настоящий прорыв к свободе духа, сочетаемый с энергией. В Европе наступило Новое время. Предполагаю, не последнее. Ибо у свободы здесь нет еще *полной* свободы, выражаемой исходным: *не верить ни единому слову*. А протестанты верят в *слово*, и в *движении* у них нет соединения с *красотой*.

Теперь о восточном православии. Здесь патриарх как глава Церкви, в которой учат человека погружению в свет Красоты, оказался *приниженым* по сравнению с папой Римским тем, что он является представителем на Земле Бога Сына не равного Богу Отцу (из-за отрицания исхода Святого Духа от Бога Сына, который, считается в православии, исходит только от Бога Отца). Поэтому в православной культуре, женской по природе, проявилось противоречие в виде несвойственной этой природе ориентации на свободу. Это противоречие также будет «исправлено», и тоже (!) в XVI веке тяжелой царской рукой Ивана IV Грозного, а затем, в XVII веке, – реформами патриарха Никона. Но здесь произойдет целый ряд интереснейших событий, которые сделают русскую культуру, базирующуюся на православии, уникальной.

В этой культуре в течение тысячи лет сформируется наряду с ориентацией на Красоту *космическое одиночество* человека. Равного которому нет нигде.

8. Ряд важных вех в русской истории связаны со следующими событиями:

Принятие православия в X веке и, как следствие, последующий исход киевских руссов в междуречье Оки и Волги с будущей столицей Москвой. Этот исход, защитивший женщин от посягательств воинственных половцев, носителей мужского и коллективистского начал (что и делало их сильными в военном отношении), «*высветлил*» души тех ушедших на север киевлян, которым предстояло создать русскую культуру. Немаловажное значение при этом сыграл факт удаления еще на 1000 километров от власти греческих патриархов, что привело к возрастанию свободы духа и личной ответственности.

Монголо-татарское иго, *время страданий*. Общение с югом, где были киевский митрополит и греческие патриархи, было перерезано на Днепре. Личная ответственность человека возросла еще больше. Тогда на Русской земле произошло явление преподобного Сергия Радонежского, который проповедовал «осветление души», призывая к «созерцанию Святой Троицы» (что направляло к *служению неземному*), а также – к уважению созерцающего *красоту* человека к труду (мужскому по духу *движению*). А его отказ от предложенной ему власти митрополита позволил ему сохранить *свободу духа*, что сделало его *космическим одиночкой*, личностью-богом. И властителем душ.

По существу, гармонично соединив все четыре начала, он обозначил линию на построение *антропокосмической модели Вселенной*, в которой основой является *служение неземному*. На чем народный дух взлетает под небеса, и уже из такого народа выходят гении-первопроходцы, личности-боги. Таким был московский князь Дмитрий Донской, приведший русское войско к победе на Куликовом поле (1380 год), где он сражался в одеждах *простого* воина.

Вслед за победами наступает расцвет культуры. И мы видим тридцать белых красавцев-монастырей, построенных в конце XIV – начале XV века. Пришло время великих иконописцев – Андрея Рублева и других. Во второй половине XV века строится Московский Кремль. Но потом, как подметил Бертран Рассел, *всегда* наступает время расплаты за свободу духа. Так в русской истории появился царь Иван IV Грозный (1530–1584), который отдал народ во власть опричников-скотов. «И неужели это тьма – когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания?» – написал он Андрею Курбскому.

Но так ли царь Иван Грозный и Патриарх Никон, душившие свободу личности, были неправы? С точки зрения отдельно взятого человека – да, неправы. А с точки зрения Космоса?.. Здесь все оказывается совсем не так просто. Если конечной целью движения, происходящего во Вселенной, является наращивание «массы» разлитой в ней Красоты, то нужна не только свобода, но и несвобода («рабы»). В этом направлении, которое *почему-то* совпало во времени с Реформацией Церкви в Европе, и шли изменения в русской жизни. Которые привели к внутреннему расколу на послушных и непослушных (протопоп Аввакум и другие). Последних стали называть старообрядцами и раскольниками. Но это лишь слова. А на самом деле именно эти «раскольники» и сохранили чистоту в русской культуре. И это к ним обратился с предложением о сотрудничестве царь Петр I после поражения под Нарвой от шведов (1700 год), убедившийся, что только тем, что он «прорубил окно в Европу» (привез в Москву немцев-технарей, поселив их на берегу Яузы), не обойтись. Нужны еще свои, русские таланты. И он нашел их в среде старообрядцев-беспоповцев (Никон уничтожил епископат старообрядцев, и к концу XVII века у них уже некому было рукополагать новых священников) в Архангельской земле – Андрея и Семена Денисовых из рода князей Мышецких.

В кратчайшие сроки (отметим здесь еще Александра Меншикова) возникли города Тула и Петрозаводск с оружейными заводами, где стали делать ружья и лить пушки из заимствованных у монастырей колоколов (а не отнятых, как об этом обычно пишут) появившиеся словно «ниоткуда» русские мастера. А в армии выбивающийся за заслуги перед отечеством младший командный состав вел честных, но недалеких солдат-никониан, по невежеству крестившихся *католическим* троеперстием (что выражает в равенстве трех пальцев, напомним про филиокве, равенство Бога Сына Богу Отцу и уводит – символы несут огонь! – русского человека ни туда ни сюда), в рукопашный бой или на штурм шведских кораблей уже не за деньги (как опричники Ивана Грозного,

бегущие с поля боя при одном только виде «страшного» татарского войска, как это было в сражении на Оке в 1571 году), а – во славу российского флага.

В 1700 году умирает патриарх, и Петр I сначала откладывает новые выборы, а в 1721 году вообще отменяет этот сан в Русской Православной Церкви.

Природная русская ориентация на Красоту, реформы «порабощения» Ивана Грозного и Никона (ввод троеперстия и однообразия в архитектуре церквей, чтения во время служб на непонятном старославянском языке и другое), безропотно принятые большинством народа, немцы-протестанты и русские таланты в лице «раскольников» с их раскрытыми навстречу настроениям чистыми душами – да это же «возврат» к тому времени, когда мы победили на Куликовом поле! К завещанному преподобным Сергием Радонежским! Но уже без власти монголо-татарского ига. И Россия Петра Великого всего за одно столетие становится Российской империей, огромной и непобедимой. По-русски непобедимой, здесь пространство и время поглощаются красотой.

Как это произошло с армией Наполеона, которому полководческий русский гений князя Голенищева-Кутузова позволил прийти в летнее время до Москвы (чтобы сжечь ее), а потом отпустил эту армию обратно, не обеспечив ее, когда пошел снег, валенками и горячими щами. О валенках позабыл и Гитлер.

А между этими двумя событиями был золотой для русской культуры XIX век и серебряное начало XX века. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Чайковский, русские художники, из которых отмечу Поленова и Левитана (которых особенно ценю), а из «новых» *моими* стали Блок, Есенин и Михаил Булгаков – они и их творения, как об этом уже говорилось, воспринимаются как третий в истории человечества феномен, наряду со взлетом эллинской культуры в V веке до н.э. и Европейским Возрождением в XIV–XVI веках. А потом пришли большевики. Но вернемся к валенкам.

Это проблема для западного человека, когда он «наваливается» на Россию. А Россия – это не их антропоцентричный гуманизм, а антропокосмическая культура, позволяющая через устремленность к Красоте *управлять временем*.

А что такое время? И почему оно *нелинейно*? Ответить на эти вопросы человек не может. Что, однако, не значит, что с этим нельзя «играть». Например, вот сейчас я *знаю*, что мое время написания этого приложения заканчивается. Надо идти из дома в наш сад, чтобы собрать с яблонь яблоки. Иначе их могут погубить надвигающиеся холода. А жаль... Так, я лишь затронул выше такую тему, как «налет» мужского начала на культуру Западной Европы, где тоже произошло разделение на носителей чисто мужского духа (Германия и ряд северных стран) и на тяготеющих к женскому духу, вокруг и на юге. Скажем, во Франции. Чем в самом главном отличается ее культура от русской? Могу ответить: в католической Франции (кроме Парижа) нет той свободы, которая сложилась в русской культуре. И это привело к тому, что там слово *истина* (*veritas*) означает то, что утвердили академики, а у русских – это сам человек.

А еще им не понятны такие слова, как подвиг, смысл жизни, стихия и тоска...

СПИСОК ИМЕН

- Аввакум – 238.
Августин Блаженный – 10, 156, 161, 235.
Айги Н.А. – 154.*
Александр Невский – 76.
Александр II – 125.
Алексий – 31.
Андрей Боголюбский – 75.
Ананьева Е.В. – 87.
Андерс Х. (Курт) – 81, 82, 83, 84, 86, 207, 208, 209, 210.
Андерсен Г.-Х. – 20.
Аришинов В.И. – 17, 98, 99, 102, 110.
Бабич Ю.В. – 28.
Батый – 234.
Берия Л.П. – 42, 96.
Бернерс-Ли Т. – 65.
Бетховен Л., ван – 42.
Бехманн Г. – 99, 159.
Блок А.А. – 239.
Боголюбов Н.Н. – 155, 198, 200.
Бор Н. – 61.
Булгаков М.А. – 122, 229, 230, 239.
Бунин И.А. – 140.
Вавилов Н.И. – 188.
Василий Великий – 235.
Васильев В.В. – 154.

*Курсивом отмечены те люди, с кем автор общался по жизни, и родственники.

Ватутин Н.Ф. – 133, 134, 135, 139, 149.
Винер Н. – 172, 181.
Виттман М. – 143.
Владимир Мономах – 75, 104.
Войнович В.Н. – 95.
Волков О.А. – 52.
Высоцкий В.С. – 21, 115.
Гаврилов Н.М. – 107.
Гагарин Ю.А. – 12, 46.
Гегель Г.В.Ф. – 10, 131.
Гёппнер Э. – 34.
Гиммлер Г. – 143.
Гитлер А. – 126, 127, 129, 131, 133, 137, 138, 140, 142, 150, 239.
Голенищев-Кутузов М.И. – 238.
Гоголь Н.В. – 239.
Голицын С.М. – 99.
Гончарова Н.Н. – 99.
Горохов В.Г. – 99.
Грабин В.Г. – 127, 128, 129, 131, 132, 138.
Григорий Богослов – 235.
Григорий Нисский – 235.
Григорович Д.П. – 126.
Гудериан Г. – 131, 133, 139.
Гусев П.С. – 154, 155, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168.
Даниил – 76.
Денисов А. – 238.
Денисов С. – 238.
Дмитрий Донской – 76, 67, 238.
Дойч М. – 179, 181.
Достоевский Ф.М. – 4, 29, 222, 239.
Дубровский В.Г. – 223.
Елян А.С. – 128.

Еремин Е.П. – 58.
Есенин С.А. – 48, 115, 160, 172, 239.
Злобин А.Д. – 188, 189.
Зорин А. – 58.
Иван IV Грозный – 15, 78, 127, 237, 238.
Иван I Калита – 76.
Иисус Христос – 75, 229, 230, 234, 235, 236.
Ильюшин С.В. – 101.
Кайо Р. – 65.
Калашников М.Т. – 53.
Кант И. – 172.
Катуков М.Е. – 133, 134, 135, 139, 149, 150.
Кашков Ф. – 95.
Каškова Е.Ф. – 95, 104.
Кеннеди Дж. – 46, 188.
Кирилл – 99.
Ключевский В.О. – 4.
Колумб – 181.
Кореньков В.В. – 196.
Коротков Ю.Б. – 57.
Короткова (Шкунденкова) Е.М. – 6, 96, 97.
Костюшко Т. – 95.
Кошкин М.И. – 129, 130, 131, 139.
Крачковский И.Ю. – 233.
Кристи – 129.
Крымова И. – 235, 3-я сторона обложки.
Кульберг Н.Н. – 17, 90, 91, 95, 101, 106, 110, 126, 154.
Кульберг Н., фон – 90, 91.
Кульберг (Траскина) Е.В. – 90, 91, 92, 94.
Купцов А. – 63.
Курбский А. – 15, 238.
Куровски Ф. – 142.

Курчатов И.В. – 60, 61.
Ларошфуко Ф. – 104, 161.
Лаукерт, фон – 133.
Левитан И.И. – 60, 239.
Ленин В.И – 42, 78, 126.
Лермонтов М.Ю. – 31, 33, 42, 60, 113, 213, 239.
Ломоносов М.В. – 99, 100, 102.
Лондон Дж. – 42.
Лопуховский Л. – 135.
Лютер М. – 141, 237.
Магеллан – 181.
Маслов В.В. – 153, 154.
Маштейн Э., фон – 131, 148, 149, 150, 151.
Матисон Д. – 105, 108, 109.
Матфей – 235.
Меншиков А.Д. – 238.
Мещеряков М.Г. – 4, 60, 61, 62, 158, 195, 197, 198, 199, 200, 226, 233.
Миронов В.В. – 99, 102.
Миронова З.В. – 83.
Модяев А.Д. – 107.
Моисей – 15, 230, 231, 232, 233.
Молотов В.М. – 135.
Морозов А.А. – 130.
Мухаммад – 233.
Надточеев А. – 58.
Нестеров М.В. – 39.
Наполеон – 162, 239.
Наумов С.А. – 99, 226.
Никитин Ю. – 50.
Николаев П.А. – 17, 100.
Николай I – 78.
Никон – 78, 127, 237, 238.

Ницше Ф. – 125.
Ньютон И. – 171.
Олег Вещий – 75.
Оныкий Б.Н. – 90, 107.
Орлов Ю.Ф. – 95.
Павел – 10, 230.
Палама Г. – 16, 111.
Пастухов Б.Н. – 186.
Пауэлл Б. – 181.
Петр – 231.
Петр I Великий – 127, 238, 239.
Петрилли А. – 14.
Петросьянц А.М. – 186.
Платон – 99.
Плесс Л. – 182, 183.
Пифагор – 2, 3, 13, 15, 172, 230, 231.
Поленов В.Д. – 60, 239.
Поликарпов Н.Н. – 126.
Полонский Я.П. – 114, 224.
Пригожин И.Р. – 9, 101, 102.
Псевдо-Дионисий Ареопагит – 10, 100, 154, 156, 157, 229, 235, 236.
Пуанкаре А. – 172.
Пурвис Дж. – 13, 17, 98, 105, 108, 109, 110.
Пушкин А.С. – 99, 125, 239.
Рассел Б. – 238.
Рахманинов С.В. – 33.
Репин И.Е. – 60.
Риббентроп Р., фон – 143, 144, 147.
Роинишвили В.Н. – 87.
Ромм М.И. – 71.
Ротмистров П.А. – 135, 139, 142.
Руббиа К. – 90.

Рублев А. – 238.
Салтыков Б.Г. – 90.
Сахаров А.Д. – 81, 95.
Семенов И.И. – 47.
Сергий Радонежский – 14, 76, 77, 78, 111, 237, 238, 239.
Сисакян А.Н. – 154, 155, 200, 219.
Сисакян Н.М. – 154.
Сталин И.В. – 34, 42, 126, 127, 128, 134, 135, 139, 140, 149.
Степин В.С. – 98, 101.
Столыпин П.А. – 33.
Сушкова Е.А. – 31.
Тайчинова А. – 43, 52.
Тамерлан – 234.
Телешов – 128.
Титова К.Р. – 159.
Титов Р.Н. – 105, 107, 108.
Титова С.Р. – 159.
Толстой Л.Н. – 140, 239.
Траскин В.Д. – 91.
Траскина О.В. – 92, 94.
Троцкий Л.Д. – 126, 140.
Туполев А.Н. – 101, 162.
Уланова Г.С. – 51.
Устинов Д.Ф. – 127.
Утесов Л.О. – 205.
Фалес – 172, 230, 231.
Фергюсон Дж. – 14, 17, 106, 107, 108, 111, 172.
Фирсанова В.И. – 33.
Хаф П. – 181.
Хакен Г. – 9, 102.
Хауссер П. – 133, 135, 139, 143.
Хетагуров Я.А. – 111.

Хигс П. – 171.
Химченко И. – 155, 158.
Хрущев Н.С. – 51.
Хрущев С.Н. – 51.
Чайковский П.И. – 168, 239.
Чехов А.П. – 140, 239.
Чингисхан – 234.
Цветаева М.И. – 4.
Шаляпин Ф.И. – 33, 42.
Шекспир – 113.
Шерстенников Л.Н. – 45, 46.
Шишкин И.И. – 60.
Шкунденков М.Ф. – 96.
Шкунденков Н.М. – 95.
Шкунденкова М.В. – 28, 205.
Шопен Ф. – 42.
Щербаков В.И. – 58.
Эделев Я.И. – 38.
Эйнштейн А. – 171, 173.
Юрий Долгорукий – 75.
Юрий Московский – 76.
Ярослав Мудрый – 75, 103, 104.
Яшин Л.И. – 57.
Лец С.Е. – 226 («Наконец я достиг дна. В ту же минуту снизу постучали»).

Речка Горетовка. Снимок с моста, 19 октября 2004 года. Морсит мелкий дождь
На переднем плане слева – «светящееся» дерево, излучающее таинственную энергию, которую улавливает прибор спотметр. На следующей странице приведены результаты исследований этого излучения. Но даже на этом снимке можно увидеть невооруженным глазом круглые ободы «глаз», диаметром около 7–8 миллиметров.

Панорама реки Горетовки со светящимся деревом, на котором видны круглые «глаза» (получено после нелинейной обработки серии из пятидесяти наложенных друг на друга снимков). Светятся даже отдельные травинки. Однако чтобы *увидеть* это, человек должен был сначала построить Большой адронный коллайдер.

Примечание к Содержанию. Книга была написана *в полете над прошлым*, изложенном в разных книгах автора, что привело к невообразимому хаосу. Чтобы уменьшить хаос, на тексты было «наложено» Содержание. И тогда из тьмы прошедшего времени, как это видится, проступили контуры Промысла. Но дорога в темноту времени будущего от этого не становится высвеченной. Она проступает, как месяц в ночи сквозь низко несущиеся облака. Когда кажется, что в блуждающем свете плывут не облака, а видимый иногда месяц...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Предисловие. Посвящение	3
II. Один против бездны	
(Русское космическое одиночество)	5
Справка об авторе	6
III. TIME COMPRESSION:	
Русско-английский эксперимент в ЦЕРН	
(Поддержка создания Большого адронного коллайдера – применение трансцендентного метода «сжатия времени»)	7
Не делать ничего, что можно не делать	10
Смысл жизни лежит вне жизни	11
Не верить ни единому слову	11
Post Scriptum. Из статьи автора «Нелинейность времени» («Россия – это прекрасная женщина...»)	17
Литература	
(Куда идет развитие Вселенной? [6])	17
IV. Параллельный мир	
(Научные исследования)	19
Искусственный интеллект – стыд за все человечество	20
Синергия. И «пусть эти “греки” пое...тятся»	22
Числовые характеристики красоты	25
Изображения параллельного мира	26
Мы живем в разных мирах	29

Мост через Горетовку	31
Наука – это лес с кривыми дорожками	34
Обет молчания и золотая медаль	36
Студенческие годы	48
Профессор М.Г. Мещеряков	62
Дух победы на Куликовом поле	65
Православная Святая Троица. Москва	75
Русское староправославие. Сергей Радонежский	78
Женева. «Vivat Russia!»	79
«Где в лесных озерах тихо светят ...»	81
«Какая странная судьба...». Николас Кульберг и другие	90
Служение неземному. Атаковать	106
График связи времени и красоты	112
V. Чудным звоном гремит колокольчик (Сказка о Медведе, пробравшемся к науке)	
«У Козла уже есть рояль, а я все – о звездах ...»	113
VI. Мистика побед русского оружия во Второй мировой войне	125
Мистика русской победы в Курской битве (1943)	141
Приложение: Сражение под Прохоровкой (Курская битва) глазами немецкого аса-танкиста	143
Post Scriptum. Германия и Россия. Устремление к космосу и управление временем во Вселенной ...	147
<i>Дополнение ко 2-му изданию.</i> Эрих фон Манштейн. Курская битва в мемуарах немецкого фельдмаршала	149
VII. Одиночество и пепел	
Портрет автора («Дождаться сумерек ...»)	153
Компьютерная живопись. «Сумерки...» Школа компьютерной живописи	155
Антропокосмическая модель Вселенной, построенная на интерпретации представления о Св. Троице	156
В снегах Верхней Волги. Оружие одиночества	158

VIII. «Веселые ребята»

(Взгляд «нефизика» на физику и на физиков.

Партия и комсомол)	169
Зачем физики строят ускорители?	171
Зачем мы живем?	173
Гравитация и счастье. (Гипотеза об их единстве в Природе)	175
Смешное начало. Международная конференция в Дубне	179
Электронно-лучевая трубка и ЦК комсомола	185
«Наш паровоз, вперед лети...»	188

IX. «Но откуда звезды?..»

(«Где ты, звезда моя Вега? Отчего *такая* тоска?..»)

Первая советская

(первый опыт 100-кратного «сжатия времени»)	195
Штрихи к портрету М.Г. Мещерякова	197
«Тюремный двор» в Женеве	201
Кафе «Ла Клеман»	203
«А правда никому не нужна»	205
Бдительность и кальсоны	206
Елена. Какие-то тени на белом снегу	211
Черный мотоциклист (очень странная история)	213
Запрещенная свобода. Путь одиночества	215
Что-то неладно в «датском королевстве»	216
ЦЕРН и русский дух	217
Дошедшее до нас через огонь столетий	220

X. Эпилог

Деревня, Европа и нелинейность времени	222
«Отсутствующие всегда неправы...»	226

Приложение

О вреде знаний	227
Список имен	240
Светящаяся травинка и Большой адронный коллайдер	247

ШКУНДЕНКОВ Владимир Николаевич

ОДИНОЧЕСТВО И ПЕПЕЛ

(НЕЛИНЕЙНОСТЬ ВРЕМЕНИ)

*Книга издана в авторской редакции,
при финансовой поддержке Владимира Витальевича Романова*

Издание 2-ое, дополненное

Художники – П.С. Гусев (Кимры) и И. Крымова (Дубна),
портрет автора – В.В. Маслов (Белый Городок на Волге),
компьютерная живопись – П.С. Гусев (Кимры) и И. Химченко (Тверь).
Фото из архивов ОИЯИ (Дубна) – Ю.А. Туманов и другие
и ЦЕРН (Женева), Ю.В. Бабич (МГУКИ, Москва) – фото и
компьютерная обработка, Л.Н. Шерстенников
(фотокорреспондент журнала «Огонек»),
В.Н. Шкунденков (ОИЯИ, Дубна) и М.В. Шкунденкова (бильд-
редактор журнала «Свой» Никиты Михалкова, Москва)

Подписано в печать 12.12.2009

Бумага офсетная № 1

Усл. печ. л. – 15,8

Тираж 1000 экз.

Формат 60x90¹/₁₆

Зак. б/н

Усл.-изд. л. – 14,7

Издательско-полиграфический комплекс «Репроцентр»
300001, Тула, Красноармейский пр., 7.